К. Черкассов.

ГЕНЕРАЛ КОЦОЦОВ.

ТОМ I.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Легендарный герой Освободительного Движения Народов России 1941-45 г.г. донской казак генерал Иван Никитич Кононов, бывший майор Красной Армии, кавалер ордена «Красной Звезды», окончивший военную академию имени Фрунзе — явление исключительное и единственное среди военачальников Красной Армии, принявших участие в вооруженной борьбе против советском власти во 2-ю Мировую войну.

Его действия, связанные с твердым и самоуверенным характером, сделали его имя легендарным в истории Освободительной борьбы Народов России.

«Кононов — пишет немецкий историк Юрген Торвальд — был явление твердое и самоуверенное».

«Лихой кавалерийский генерал» — восхищенно пишут иностранные журналисты и писатели.

Автор настоящей книги хорунжий Константин Черкассов бывший офицер для особых поручений ген. Кононова, начавший службу у последнего рядовым, в предлагаемой читателю книге описывает не только действия и подвиги ген. Кононова с его героями-казаками, но и захватывающе, с большим талантом рисует всю потрясающую картину как стихийного, так и организованного Освободительного Движения Народов России, возглавленного знаменитым генералом Красной Армии Андреем Андреевичем Власовым.

Книга является ценным документальным трудом для истории и может послужить прекрасным материалом для постановки исторического документального фильма.

- КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ
  -
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

КОНСТАНТИН ЧЕРКАССОВ
ГЕНЕРАЛ КОНОНОВ
(ОТВЕТ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ ЗА ОДНУ ПОПЫТКУ)
ТОМ I

ЗА МОИХ БОЕВЫХ ДРУЗЕЙ УЧАСТНИКОВ ТРАГИЧЕСКОЙ ПОПЫТКИ ОСВОБОДИТЬ ОТЕЧЕСТВО ОТ ЧУДОВИЩНОГО ИГА СТАЛИНА, ПОГИБШИХ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОИНЫ, ПОГИБШИХ ПРИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ВЫДАЧЕ СОЮЗНИКАМИ СТАЛИНА, ПОГИБШИХ В СТАЛИНСКИХ СПЕЦ-КОНЦЛАГЕРЯХ — ДАЮ Я ОТВЕТ ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ.

СВОЙ ТРУД ПОСВЯЩАЮ МОЛОДОМУ НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ МОЕЙ ГОРЯЧО ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ.

АВТОР.

РОССИЯ — НАША! ПРОШЛОЕ РОССИИ — НАШЕ! БУДУЩЕЕ РОССИИ — ТОЖЕ НАШЕ!

А. А. ВЛАСОВ.

Казаки

Вы, казаки, за вольность казачью
Кровь не раз проливали в бою,
От царей, их дьяков и подьячих
Отстояли свободу свою.
Уходили Вы в дикое поле,
Чтоб в боярской не быть кабале,
Вы в Сибири искали раздолья
На никем не открытой земле.
И не Вы ля на турок ходили,
И не Вы ли громили татар?

И не в Вашей ли платовской силе
Отразился московский пожар?
А потом, когда болью кошмаров
Осквернилась родная земля,
Не от Ваших ли мощных ударов
Сотрясалась твердыня кремля?
И теперь, в час борьбы многоликой,
На кровавый чекистский редут
Вас народы России великой
На последнюю битву зовут.
Не о том, как поделятся роли
В нашей будущей дружной семье,
Не о старой, запекшейся боли, —
Надо думать теперь о борьбе.
О борьбе нашей общей, единой.
Вся Россия устала страдать!
И на совести каждого сына —
Отстоять свою Родину — мать.
Ф. Алексеев[1].

Походный Атаман всех Казачьих Войск и командующий Казачьими войсками Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России генерал-майор Иван Никитич Кононов.

Вязьма

20 августа 1942 г.

Дорогой сынок Витя!

Благословляю тебя на последний, героический
благодарю.
Тебе сказала напутствовать книгу "Правой
сердце" по-отцовски благословляю.
Знаю я сладко: тяжко правду, ты сам
всё видел и переживал.
Хорошо, что ты идешь на ответственное
дело защиты нашей Родины - матери
Курса Фадеева Дмитрия, как всегда
это он делает.
Желаю тебе твой труд честно,
честному поколению нашей великой
Родины. Знаю сам тебя комсомольца
честного и храброго, за которого мы горюем
с оружием в руках восторжествуем
И так, крепись сынок и действуй.
Да хранит тебя Господь Бог.

А. Жданов

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Народ или Сталин

Борьба народов Советского Союза против власти коммунистического режима, олицетворенного Сталиным представляет исключительное явление в истерии всего человечества.

Граждане Советского Союза всех национальностей и народностей в первый же день нападения — 22 июня 1941 г. — на Советский Союз гитлеровской Германии не стали оказывать сопротивления вероломному и жестокому врагу. Пораженчество приняло неслыханные и невиданные прежде в истории России размеры не только в Красной Армии, но и во всей стране. В ней участвуют рядовые, младший, средний и высший начальствующий состав вооруженных сил СССР. В нем участвует буквально все население включая комсомольцев, коммунистов, не исключая и высших партийных и советских работников. Не только полки, но целые армии без всякого сопротивления сдаются немцам.

Беспрепятственно шагающего врага, население СССР встречает цветами и традиционным хлебом — солью. Руками советских граждан разрушаются памятники Сталину и другим вождям коммунизма. Рабочие военных заводов (запомните: рабочие, проверенные НКВД, у которых биография ничем не «запачкана») игнорируют приказ сталинского правительства об эвакуации в глубокий тыл и, прячась от войск НКВД (единственных тыловых защитников и опричников ига Сталина), с нетерпением поджидают прихода немцев. Об остальном населении нечего и говорить.

Каковы причины этого неслыханного в истории человечества явления? Было ли это предательство народами СССР своего Отечества или нечто другое?

Чтобы дать на этот вопрос правильный и неопровержимый ответ необходимо указать на факты имевшие место в то время. Мне, отказавшемуся защищать власть Сталина и ставшему на путь открытой вооруженной борьбы против этой власти, хотелось бы совершенно искренно и правдиво дать ответ перед Родиной и её историей, что побудило меня и миллионы подобных мне советских граждан влиться в ряды Освободительного Движения Народов России, возглавленного генералом Красной Армии А. А. Власовым. Мне, бывшему комсомольцу, воспитанному в советской школе, думается, что я вправе рассказать то, что мне пришлось

видеть и испытать живя в СССР.

Я кратко расскажу о своей жизни весьма похожей на жизни миллионов других советские граждан.

Мой отец принадлежал к трудовой интеллигенции. До революции он работал в конторе «Экспорт-хлеб» принадлежавшей богатому помещику Лагофедис — владельцу хлебных ссыпок на Дону. Отец владел семью иностранными языками и работал в конторе в качестве переводчика и специалиста до злаковым культурам.

В революции отец участия не принимал, а после нее начал служить в советском торговом флоте. В 1927 г. в городе Таганроге вновь открылась экспортная контора «Экспорт-хлеб» и отец, как специалист был послан советскими властями на ту же должность, — переводчика и агронома. На Таганрогском рейде стояли десятки иностранных судов, погружая зерно. За свою работу отец получал хорошую плату, т. к. его работа считалась специальной — (соприкасаться приходилось с иностранным миром), и мы жили сравнительно много лучше окружавших нас соседей. Жители города Таганрога в этот период времени, тяжело работая вели полуголодную жизнь. Только «начальство»: директора заводов, заведующие крупных магазинов, большие технические специалисты, жили хорошо. Особенно хорошо были обеспечены ответственные политические работники, не говоря уже о работниках ГПУ (позже НКВД).

В эти годы мне приходилась не раз слышать от людей старшего поколения о жизни при НЭПе (Новая Экономическая Политика) введенной в свое время Лениным. Народ поговаривал, что жизнь при НЭПе была лучше и явно сожалел о минувших днях. Некоторые сожалели о жизни в дореволюционной России, другие наоборот ругали царский режим и говорили, что при нем хорошо жилось только богатеям, а о народе царская власть не заботилась.

Так, ведя полуголодную жизнь и творя грандиозные государственные стройки (главным образом тяжелую индустрию), жило население СССР. Были и аресты в эти годы, так называемых, «политических», вылавливались остатки «контр-революции»: бывшие белогвардейцы и им сочувствующие, а затем всевозможные троцкисты, бухаринцы и им подобные. Народ мало разбирался, кто такие троцкисты или бухаринцы, но власть оповещала население, что эти люди предатели дела Ленина. Народ мало этим интересовался, больше думал о хлебе. В начале тридцатых годов положение совсем ухудшилось: началась насильственная коллективизация. Крестьяне не желали идти в колхозы. Их нежелание, непривычность и неприспособленность

работать а коллективе, а затем и явный саботаж привели к тому, что урожай в эти годы не пришлось снимать — его не было.

Правительство решило одним бесчеловечным ударом по крестьянству сломить его сопротивление. Оно (правительство) отдает приказ отобрать всё зерно, т. е. хлеб, от крестьян житницы СССР — крестьян Дона, Кубани и Украины, обрекая этих тружеников на голод. В села направляются тысячи чекистов, партийных активистов и, с помощью местных активистов из коммунистов и комсомольцев, начинается очистка под метлу колхозных амбаров; у оставшихся еще единоличников-крестьян перекапывают все огороды, сады и дворы, рыщут на чердаках, на печах и под полами в поисках зерна. Все найденное отбирается до последнего; отбирается не только хлебное зерно, но и ячмень, овес, просо и т. д. Крестьяне остались без хлеба. Начались крестьянские бунты. В ответ правительство применило беспощадный террор. Сотни тысяч крестьян были отправлены в кацеты, тысячи расстреляны… Непосильный полуголодный труд, мучения, болезни и смерть были неизбежным концом этих мучеников, попавших в кацет только за то, что они хотели жить.

Зимой 1932-33 г. г., как последствие выкачки всего хлеба из колхозов разразился страшный голод. Картины были потрясающие. Мне пришлось быть очевидцем этого ужаса в гор. Таганроге. Крестьяне местных сел, оставшись без крошки хлеба, бросились в город в надежде получить работу на заводах, где по карточкам рабочим выдавался хлеб в таком количестве, при котором можно было не умереть с голода. За неимением квартир, которых не хватало самим жителям города, пришлые крестьяне стали рыть землянки вокруг города. Рылись просто ямы, кое-чем прикрывались от дождя и снега. Ввиду того, что власти запрещали такое «строительство» и милиции разгоняла «строителей», эти поселения получили название «нахаловки» т. е. строились нахально, ради спасения своей жизни. Тем, кому удавалось получить работу, получал карточку на хлеб и жил; тем, кому это не удавалось, ходил по городу, прося милостыни. У хлебных лавок стояли тысячные очереди ожидая хлеба. Занимали очередь еще с ночи, как только стемнеет, не глядя на то, что милиция постоянно разгоняла такие «хвосты». Стояли на морозе, в снегу, дрожа и глотая голодные слезы, целыми ночами. Утром получали жалкий кусок хлеба и делили на семью, на мелкие кусочки, которые жадно съедались. Он был черный, как смола, полусырой и жидкий, в нем было все, что угодно, кроме настоящего зерна. Но голод делал его неимоверно вкусным и в нем была жизнь!

На зиму Таганрогский порт замерзал. Закрывалась

навигации. Закрывалась и контора «Экспорт-хлеб» и мои отец терял должность до следующей навигации. С потерей работы он терял всё и мы — наша семья — начинали голодать, как и все другие. Как только ударили морозы в 1932 г., голодающие, бродящие по городу, стали умирать сотнями и тысячами. Я помню, идя в школу, видел их лежащими на улицах. Мне было очень страшно и я, проходя мимо, старался не смотреть на трупы. Как только началась весна, выжившие голодающие печали пухнуть. Это страшная картина. Это были пухлые трупы людей с кровоточащими ногами, с полусумасшедшим взглядом и с протянутой рукой, просящей хлеба. Я помню у наших соседей Хворостовых умер отец от голода. Это было зимой. Его сын Гришка Хворостов пришел к нам и сообщил, что отец «дошел». Он попросил меня поискать веревку, чтобы привязать к салазкам труп отца и отвезти на кладбище. Я нашел кое-какой обрывок. Останки Гришкиного отца обмотали тряпками и закрыли мешком. Зайдя с Гришкой в их комнату, увидел его мать. Она смотрела на нас, но не могла говорить. Она была уже живой труп. Мы молча вышли и потянули салазки по сугробам снега к кладбищу. Нужно было тянуть на другой конец города. Дойдя до Старого Базара, я не мог дальше тянуть: мои детские, силы мне отказали. Пурга засыпала мне глаза, ветер сбивал с ног. Несчастный сын потянул салазки с трупом своего несчастного отца сам. Он вернулся вечером к зашел к нам. Моя мать сварила несколько картошек и мы с Гришкой поели. Он рассказал нам, что отца дотянул он до кладбища, перекинул через забор в снег и этим похороны окончились. Когда весной пригрело солнце и стаял снег, то оказалось — подобных Гришке были тысячи: вдоль кладбищенского забора с внутренней стороны лежала горы трупов. У людей не было ни средств, ни сил, хоронить своих родных.

Да, это были страшные, тяжелые годы… К концу 1934 г. положение немного улучшилось. На улицах не стали валяться трупы, но все еще жить было неимоверно трудно.

Как только открылась экспортная контора и мой отец опять занял свою должность, мы стали оживать. Моя мать спасала от голода своих четырех сестер с их семьями, делась всем тем, что мы имели. А меж-тем, в Таганрогской порту лежало в амбарах и под открытым небом миллионы пудов зёрна. Это зерно было свезено из колхозов Донской области на продажу иностранным державам. Сталинское правительство продавало советский хлеб за бесценок и иностранцы охотно его покупали. Начался советский демпинг на мировом рынке хлебом. На рейде стояли греческие, итальянские и английские суда, спешно погружая,

добытый потом и кровью советских колхозников, хлеб. Порт и место погрузки окружены высоким забором. Близко подходить не разрешается. Рабочих, при выходе из порта, тщательно обыскивают. Если найдут зерно в кармане, то за «расхищение государственной собственности» пойманный, по закону, получал 10 лет концлагеря. На заводах и фабриках та же картина. Люди, не имея чем питаться и во что одеваться, тянут, воруют все что попадется, под руки, в надежде «загнать» и купить «жрачки». Поймают — значит «поплыл» на 10 лет, не поймают — значит добудешь пожрать, будешь жив. Такова была «философия» несчастных «воров». Ими были все без исключении. «Начальство» воровало еще больше. У них свой «блат». Заведующий обувной фабрики снабжает обувью заведующего магазином пищевых продуктов и наоборот и т. д. А в магазинах пустые полки; все то немногое, что туда попало, пошло по «блату». В общем шла борьба за существование. Кто сумел, тот два съел, кто не сумел, тот остался голодный. Правительство в попытках пресечь всеобщий грабеж, прибегает ко все более и более жестоким мерам. Появляются сотни концлагерей, покрывающих территорию СССР.

Надо иметь ввиду, что когда говорится о советском правительстве, то понимается Политбюро ВКП(б) во главе со Сталиным, ибо, фактически, все главные решения в вопросах политической, экономической и т. д. жизни Сов. Союза принимались Политбюро (а позже, примерно с 1936-37 г. самолично Сталиным) и правительство СССР было лишь исполнительным органом этого Политбюро.

После организации массового крестьянского голода Политбюро нашло «козлов отпущения» для реабилитации себя среди населения, свалив причины голода с его ужасами на «врагов народа», которыми оказались по тем или иным причинам неугодные ему (Политбюро) партаппаратчики, чекисты, советские бюрократы. Тысячи таких «козлов отпущения» пополнили тюрьмы и кацеты НКВД, тысячи их были расстреляны.

Итак, и результате голода 1932-33 г. г. Политбюро убило пять зайцев.

1. Подавило сопротивление крестьянства в самых хлебных районах страны;

2. Поколебало демпингом мировой хлебный рынок;

3. Показало «мировому пролетариату» как много и как дешев хлеб в СССР и, следовательно, как хорошо живется там народу;

4. Избавилось от неугодных ему в ком. партии и гос. аппарате людей и, наконец, самое главное,

5. Продемонстрировало населению СССР, как оно зорко стоит

на страже и защите интересов этого населения и как оно строго карает «врагов народа», покушавшихся на эти интересы.

Но все эта еще не то, это не было главной причиной отказа народных масс, оказать сопротивление гитлеровской армии.

Государство становилось на новые рельсы. Переменилась вся государственная система дореволюционной России. Строилась совершенно необходимая государству тяжелая индустрия. Вооружалась армия.

Из отсталого, с массой феодальных пережитков, аграрного государства, с его многомиллионным безграмотным и в массе невежественным и без политического сознания народом, нужно было сделать государство равное окружавшим его европейским державам, уже давно ставшим цивилизованными и индустриальными. Все это не так было просто. К тону же революционная разруха все это усложнила. Народ это понимал.

Несмотря на голод, лишения, неимоверно трудную жизнь, народы ни за что и никогда не пришли бы к такому стихийному решению: миллионами сдаваться в плен и встречать врагов хлебом в солью.

Причины были другие и более основательные.

В годы вышеописанных событий советское государство, как известно, возглавлял Сталин. Последний придя к власти, немедленно приступил к организации силы, которая могла-бы ему обеспечить его единоличную власть. С этой целью он, существовавшее уже ЧЕКА (орган гос. безопасности), насыщает своими ставленниками. Каждый чекист, получивший высокую должность естественно был этим обязан лично Сталину, а, следовательно, и становился опорой власти последнего. В течение нескольких лет верхушка аппарата Чека (ОГПУ-НКВД) стала состоять исключительно из ставленников Сталина, преданных ему людей. Молодые кадры чекистов в специальных школах обучались быть фанатичными защитниками власти Сталина. В НКВД подбирались люди с особыми качествами. Малодушным там не было места. Они должны были быть людьми, для которых пытки и мучения их жертв доставляли бы им огромное наслаждение. Кадры НКВД ковались из садистов. Сеть НКВД опутала всю страну и особенно ее армию.

В каждом населенном пункте, независимо от количества населения, находился отдел или уполномоченный НКВД. На каждого жителя в отделе НКВД заводилось дело. В это дело заносилась подробная биография каждого лица, его социальное происхождение, специальность, поведение и т. п. Если биография была «запачкана», т. е. были родственники заграницей или кто-либо из них был осужден за «политику» или же кто-либо из них

участвовал в контрреволюции — эти люди были на особом учете.

Местный отдел НКВД заводил сеть шпионов из местных жителей, при чем это делалось в большинстве случаев принудительно. Просто-напросто человека вызывали в отдел НКВД и говорили ему, что он должен следить за своими родственниками, друзьями, знакомыми и вообще за окружающими. Слушать, что они говорят, какого политического настроения и кто из них говорит против власти или же недоволен властью.

Отказаться исполнять возлагаемую миссию было равносильно тому, если тут же с места добровольно отправиться на 10 лет в концлагерь или же сразу на тот свет.

Такими невольными шпионами становились, многие граждане Советского Союза. В результате началась слежка одного за другим, при чем, если «шпион» пытался увильнуть от «работы», то его обвиняли в бездействии, а это значило, что «шпион» может сам «поплыть» на 10 лет в концлагерь. В силу этого люди начали лгать друг на друга. Были такие, которые стремились выслужиться и лгали беспощадно на своих же друзей. За это получали награды, как активисты, и действовали еще энергичнее. В школах детей уже со школьной скамьи призывали быть бдительными и вылавливать «врагов народа», приучали быть шпионами. В результате шпионажа и доносов начались массовые аресты. Хватали любого, на кого только был донос. Достаточно было сказать одно неосторожное слово о недовольстве властью, а тем более ругать ее, как сразу же становился «врагом народа». Даже двери, окна и стены имели уши. Массовые аресты бросили в концлагеря как раз тот элемент, который с оружием в руках в революцию 1917 г. сражался в рядах Красной Армии, т. е. крестьян и рабочих. Помещиков, капиталистов и прочих «контр-революционеров» уже давно уничтожили. Часть из них революция выбросила заграницу, часть была перебита во время революции, а остатки были ликвидированы сразу же после революции, при чем это производилась с большой тщательностью и систематически, так что вскоре после революции их и праха не оказалось.

Сталину все это было известил лучше, чем кому-либо другому, но аресты советских граждан — крестьян, рабочих и интеллигенции производились дли того, что-бы запугать народ, пресечь всякую мысль о возможности вести какую-либо борьбу против единоличной власти Сталина. К тому же приобретались миллионы совершенно бесплатных рабов, которых можно было использовать на самых тяжелых работах в любом месте и на любых условиях.

О жизни, о мучениях в концлагерях я писать не буду. Об этом

много написано людьми, лично испытавшими эти пытки. Об этом известно всему миру. Я только скажу, что концлагерники — полутрупы рабы, изможденные голодом и мукой едва ли могли принести существенную пользу государству своим мучительным трудом. Работы, которые их принуждали исполнять в холодной Сибири, требовали особенно здоровых, сильных и уже, конечно, не голодных людей. Труд голодных полутрупов сводился к минимальной продуктивности, сопровождаемой голодом, страданиями и смертью. Государство тратило зря большие деньги на многочисленную администрацию лагерей, начальство, охрану и прочих дармоедов, охранявших концлагеря. Таким образом получается, что сталинские концлагеря в СССР были во вред государству к существовали с единственной целью: устрашения населения и сохранение единоличной власти диктатора. Если Сталин опутывал своим аппаратом насилия гражданское население, то можно себе представить, каковы его старания были в этом отношении в армии — в среде вооруженных людей? Писать об этом, я думаю, излишне. Все было устроено так что, как говорят, и «комар носа не подточит».

Конечно, народы СССР не раз пытались подняться против власти Сталина, но эти попытки стоили столько крови, столько мук и терзаний, что народ, в конце концов, почувствовал и понял, что сталинский аппарат насилия настолько силен и усовершенствован, что свергнуть его совершенно невозможно. Тогда началась единоличная борьба за свою собственную жизнь. Каждый боролся только за то, что-бы хоть кое-как утолить мучительный голод, лишь бы прожить день и не быть арестованным, как «враг народа». Вся борьба за жизнь сводилась только к этому. Тем не менее, что-бы достичь этого, нужно было беспредельно лгать, лгать без конца, восхваляя до небес Сталина. Нужно было предавать своих родных и друзей. Голодному нужно было кричать, что он сыт; раздетому, что он одет, что неимоверно счастлив ввиду заботы о нем «любимого», мудрого «вождя», «учителя», «отца народов» — товарища Сталина. И кричали, и выступали с речами, насыщенными словами «мудрый», «любимый», а в душе… темная ночь.

Я хорошо помню сталинское «жить стало лучше, жить стало веселее».

К середине 30-х годов Сталин стал полновластным хозяином в партии и стране. Что-бы придти к единоличной, неограниченной власти, Сталину пришлось, прежде всего, убрать со своего пути на верхах коммунистической партии тех большевиков, которые искренне верили в идею коммунизма, верили в то, что коммунизм принесет народу свободу, равенство

и хорошую жизнь. Такие люди были среди крупных партийных работников, среди многих военноначальников Красной Армии. С необыкновенной хитростью и ловкостью эти люди стали ликвидироваться Сталиным. Это были самые опасные враги Сталина, он знал что их не запугать, что они ради идеи, в которую они верят, не пожалеют своей жизни и в случае чего будут бороться. Оставалась только одно: используя провокацию, уничтожить их физически. Эти люди получили сталинский ярлык «Враги народа» и беспощадно, после нечеловеческих пыток в застенках НКВД, принужденные подписать ложные обвинения, расстреливались. Естественно, что такие действия Сталина привели к противодействию со стороны крупных военноначальников и партийных работников Советского Союза.

В СССР существовала версия, что в 1937 г. была предпринята большими начальниками советских вооруженных сил и некоторыми крупными партийными работниками, попытка свергнуть власть Сталина.

По версии, в заговоре участвовали почти все командующие военных округов, начальники родов войск и другие высшие начальники.

Заместитель наркома обороты маршал Тухачевский, командующей Киевским военным округом командарм 1-го ранга Уншлихт, начальник Военной Академии им. Фрунзе командарм 1-го ранга Корк в начале июня 1937 г. были судимы и обвинены особым судом (в составе маршалов СССР) в измене и в тот же день расстреляны. Начальник ПУ РККА (Политическое Управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии) армейский комиссар 1-го ранга Гамарник, когда к нему явились чекисты, чтобы его арестовать, застрелился.

Позже были арестованы, обвинены в «измене» и расстреляны — 1-й секретарь Дальневосточного край Крутов, начальник штаба ОКДВА (Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии) комкор Сангурский, член Военсовета этой армии, армейский комиссар 2-го ранга Таиров, начальник Дальневосточного отдела НКВД Дерибас.

В течении 1937 г. было арестовано около 75.000 командиров и начальников разных степеней (в числе них был и известный маршал Рокосовский, освобожденный в сентябре 1941 г.). В 1938 г. были ликвидированы начальник генерального штаба маршал Егоров, командующий ОКДВА маршал Блюхер, маршал Федько, т. е. те, которые по затее Сталина в 1937 г. судили Тухачевского и других вышеупомянутых.

Из маршалов СССР не тронутыми остались только Буденный и Ворошилов, но и эти в то время держалась «на волоске». Почему

пощадил их Сталин, только известно ему. В 1937 г. Сталин совершил полный разгром вооруженных сил СССР.

Необходимо учесть, что командирами полков, дивизий, корпусов, а тем более командующими военных округов, в то время могли быть только люди, которые в гражданскую войну 1918-22 г. г. воевали в рядах Красной Армии против белых. Они своими подвигами, военными талантами со временем и достигли высоких командных постов в Красной Армии. Таким образом, получается, что аресты командиров Красной Армии, совершаемые по приказу Сталина, выкашивали командиров с большой боевой практикой и служебным стажем. *Уничтожался мозг и костяк Красной Армии.*

На командных постах удерживались только те, которые, скрывая в глубине души свои чувства, умело лицемерили перед Сталиным. В Политбюро, в личном окружении Сталина все «строптивые» давно уже были ликвидированы, как «враги народа», остались только покорные восхвалители его «мудрых» действий. Это передавалось на 5-ти миллионную коммунистическую партию, а через нее на все население СССР. Бесконечное и беспрестанное вынужденное восхваление Сталина. В итоге Красная Армии к началу советско-германской войны оказалась или с молодыми, не «нюхавшими пороха» командирами или с состарившимися «полководцами» вроде Буденного и Ворошилова.

Заседания ЦК партии превратились в чистейшую декорацию. Членам ЦК оставалось только соревноваться в своих выступлениях в восхвалениях действий «мудрого» и «великого». К этому свелась роль как малых, так и больших работников коммунистической партии и государственного аппарата. Вышло так, ВКП(б) служила исключительно и только декорацией диктатуры Сталина. Власть в СССР оказалась не советской (название взято от слова «советываться» — какие там советы!) власть оказалась сталинской — единоличной диктатурой.

Такое положение вещей разочаровывало верующих в коммунизм людей; у них терялась вера и надежда в «рай» на земле. Сталин компрометировал теорию Маркса, а эта преподносилась народу совершенно тождественной с действиями и именем Сталина. Об этом твердилось без конца в советской печати, об этом кричалось на всевозможных собраниях и митингах. Это внушалось детям со школьной скамьи. В результате народ, ненавидя Сталина, стал ненавидеть и советскую власть и вообще коммунизм, как таковой, в который он, народ, потерял веру. В коммунистическую партию стали вступать по необходимости — просто приспосабливались к жизни

в существующих условиях. Кому удавалось получить партийный билет (а это не так легко было), тот получал сравнительно лучшую должность, а следовательно и зарплату.

Периодически Сталин устраивал чистку ком. партии, сопровождаемую арестами членов партии. Окрещенные «врагами народа», расстреливались или отправлялись в специальные концлагеря. Это делалось Сталиным с целью предупреждения какого-либо заговора против него в партии. Страх перед заговором, все больше и больше овладевавший Сталиным учащал чистки партии.

После чистки, места «врагов народа» занимали другие, получившие партийные билеты. Многих из них в скором будущем ожидала та же участь — ярлык «врага народа», пытки, концлагеря и смерть. И так беспрестанная мясорубка, вряд ли ранее виденная человечеством.

Опираясь на свой аппарат насилия в лице чекистов, Сталин создал для них особые условии жизни. Кроме того, что чекисты получали хорошую заработную плату, они получали еще и продукты питания и товары ширпотреба в специальных магазинах, в так называемых закрытых распределителях. В этих закрытых распределителях было всего в изобилии и все продавалось по твердым государственным ценам. Каждый чекист и его семья обеспечивались полностью и жили в комфорте. Однако и в самой среде чекистов велась ожесточенная борьба за право занимать место чекиста. Шло напряженное соревнование в их кровавой работе. Каждый чекист, что-бы оставаться чекистом, должен был неустанно и беспрестанно доказывать свое усердное служение и верность Сталину. В связи с этим чекисты изощрялись в жестокостях при пытках своих жертв. Ими придумывались самые утонченные мучительные пытки. Сталину нужно было, что-бы названные «врагами народа», как можно скорее подписывали предъявленные им обвинения, и на основании этого их можно было расстрелять или отправить на более медленную и мучительную смерть в спец. концлагеря. Чекисты-же, чтобы как можно лучше услужить Сталину, а это значит гарантировать себе место в НКВД и продвинуться по служебной лестнице, не жалели ни сил, ни времени в истязаниях своих жертв.

Те чекисты, которые оказывались «неспособными» и не могли успешно добиваться у своих жертв признания в вине, обвинялись в измене и становились сами жертвами, испытывая те же пытки.

По приказу сверху чекисты должны были шпионить друг за другом и доносить своим старшим начальникам. В среде чекистов царил шпионаж и подсиживание друг друга. Там тоже шла борьба за жизнь.

Такой системой, заведенной в среде чекистов, Сталин достиг наибольшей продуктивности чекистского труда — море невинной крови советских граждан и сохранение своей личной власти.

* * *

Все вышеописанные действия Сталина являются общеизвестными, совершенно неопровержимыми фактами. Преступные действия Сталина по отношению к народу и привели к тому, что в 1941 г., при нападении Германии на СССР, народы Советского Союза стихийно решились использовать единственный шанс сбросить иго Сталина путем допущения на свою территорию иностранного врага, принимать его в начале войны за союзника в борьбе против коммунизма и уж, во всяком случае, за зло менее страшное, чем иго Сталина.

Как потом оказалось, народ попал из огня да в полымя, — попал в тиски между двумя жестокими врагами, которые боролись между собой за господство над ним.

Впоследствии, к этим двум врагам присоединился еще и третий, вольный или невольный, но враг: союзники Сталина — правительства США и Англии.

Несмотря на такое совершенно безнадежное положение частью русского народа, во главе с ген. Красной Армии А. А. Власовым все-таки была сделана попытка свергнуть иго Сталина. К этой части русского народа присоединились и другие народности СССР. Присоединились, во главе с ген. Кононовым и казаки. Их участие в Освободительном Движении Народов России я, принадлежащий к этому народу душой и телом, и намерен правдиво осветить, назвав свою книгу именем казачьего вождя рожденного бурей неисчислимых жестоких сражений Освободительной Борьбы.

* * *

Я вернусь к описанию своей жизни в Советском Союзе. В середине 1937 г. мой отец однажды придя домой с работы с радостью заявил нам, что он принят кандидатом в компартию. К этому времени он уже давно потерял должность переводчика «Экспорт-хлеба» и плавал в местном судоходстве. Отец выразил уверенность, что как только он будет принят в члены компартии, непременно получит приличную должность с хорошим окладом и мы заживем лучше. Мой сестра в это время также как и я училась

в средней школе. Жить на отцовский скудный заработок нам было очень трудно. Сестра всегда мечтала о хороших туфлях, чулках и платьях, которые она не имела и которые мечтала приобрести за свои деньги, как только окончит школу и начнет работать. Полуголодная и бедно одетая, она всегда спешила в школу. Ее некоторые подруги, отцы которых были членами ком. партии и занимали хорошие должности, ходили хорошо одетые я не раз слышал, как она, глотая слезы, говорила об этом матери… «Мне стыдно мамочка, идти из студенческий вечер, у меня порваны туфли и нет чулок…»

Сестра больше всех обрадовалась заявлению отца о приеме его в кандидаты ком. партии. Наша жизнь с этого дня облегчилась надеждой. И вдруг надежда оборвалась жуткой реальностью.

12-го декабря 1937 г. в 3 часа ночи к нам постучали в дверь. Вошли двое людей в форме НКВД в сопровождении завдома.

«Хозяин дома?» — Отец поднялся. Чекисты предъявили ордер на обыск. Долго и тщательно рылись они по всем углам, распарывали одеяла, подушки, щупали пол и т. д. Отец сидел с невозмутимым видом; вины за собой он не чувствовал и был спокоен. Перерыв все, мрачные и неразговорчивые чекисты заявили отцу, что он должен проехаться с ними в отдел НКВД для «некоторого разговора».

Я не знаю, что почувствовал отец после этих слов чекистов, значение этих слов давно уже было хорошо известно всем гражданам СССР, но он спокойно оделся, посмотрел на мать, на сестру и подойдя ко мне взял мое лицо в свои руки. Несколько секунд он смотрел на меня, затем круто повернувшись, не поворачиваясь, пошел к двери. За ним последовала чекисты. Как окаменелые стояли мы. Затем мать, как подкошенная рыдая, упала на сундук. Сестра, обняв ее, залилась слезами. Молча смотрел я на них. Что-то тоскливое и больное зашевелилось в моей детской душе. Я тогда не знал еще, что я навеки потерял своего отца. Я не знал тогда, что моего беспредельно любимого отца, — моего папку, — повели на пытки, на нечеловеческие мучения в подвалы НКВД.

Через полчаса запыхавшись вся в слезах прибежала моя двоюродная сестра Таня — дочь брата отца. Она сообщила, что у них забрали отца, и неудержимо рыдая, закрыла лицо руками. А через три дня забрали и двух ее старших сестер. У матери Тани, всегда очень болезненной, отнялся от горя язык. Через две недели арестовали брата моей матери. Его дети — мои двоюродные братья и сестра — остались также без отца. Горе охватило нашу семью и всех наших родственников.

В том-же доме, где жили мы, жил и сослуживец отца по «Экспорт-хлеб». Он был англичанином, прожившим в России много лет, но оставался Великобританским подданным. Этот англичанин — Альфред Карлович Робертс — был женат на русской и имел двух взрослых сыновей. Той-же ночью, когда был арестован мой отец и его брат, был так-же арестован и Альфред Карлович. Через две недели он неожиданно ночью пришел домой. Это было перед утром. Его жена перепуганная, постучалась к нам и вся в слезах сообщила, что пришел Альфред Карлович в ужасном виде и не может говорить. Я помню как все мы вскочили с кроватей и со страхом и трепетом вошли в комнату где склонившись над столом, держа голову а руках, сидел человек, которого сразу я не узнал. Его лицо было все в синяках и ссадинах. Зубы все были выбиты и распухшие губы все время нервно подергивались. В его глазах был ужас и страх. Увидев нас, он встал и, сделав два шага в нашу сторону, упал на пол. Его подняли и положили на кровать. Придя в сознание, несчастный начал говорить. Трудно было разобрать слова, с трудом выговариваемые разбитым вдребезги ртом, но все же мы начали его понимать. Он сказал, что ему приказано НКВД в течение трех дней покинуть Советский Союз, как Великобританскому подданному. Он рассказал, что как только его привезли в НКВД, ему сразу же предложили подписать предъявленное обвинение в ведении пропаганды против советской власти. Сказав чекистам, что он не имеет никакого понятия о пропаганде против власти, а поэтому не может подписать ложное обвинение, он стал просить следователя разобрать недоразумение. Вместо ответа, следователь, соскочил со стула, ударил его в лицо кулаком и матерясь стал кричать, что он разберет так, что у него и костей целых не останется. Били и били без конца, говорил Альфред Карлович, затем стали закладывать руки в дверь и прижимать, это было нестерпимо больно. За две недели пыток он сдался и подписал ложное обвинение. Его должны были судить, а затем расстрелять или отправить в концлагерь, но случилось неожиданное. Он был вызван к следователю ночью, где ему было приказано в течении трех дней покинуть Советский Союз. Очевидно, Английское Правительство, узнав от своего посольства об арестах в СССР своих подданных, потребовало от советской власти освободить и выслать их (британских подданных) в Англию.

С замиранием сердца слушали мы этот страшный рассказ. Затем мать спросила Альфреда Карловича не пришлось ли ему видеть в НКВД нашего отца. Опустив глаза, он совсем тихо сказал, что он его видел, когда отца привели на очную с ним

ставку. Альфреда Карловича заставляли в очной ставке с отцом сказать, что отец был его соучастником в ведении пропаганды против советской власти. Отца ввели к следователю под руки, всего искалеченного и избитого. Альфред Карлович сказал, что он отказался дать ложные показания на моего отца, после чего чекисты с остервенением стали его (Альфреда Карловича) избивать. Он потерял сознание и после этого больше не видел моего отца.

Рассказ об избитом и искалеченном моем отце сильно на меня подействовал. Кровь бросилась мне в голову, когда я это услышал. Всем своим детским существом я протестовал против насилия, совершенного над моим отцом. От обиды и гнева у меня сжалось в спазмах горло и потемнело в глазах. Мне неудержимо захотелось плакать. Мать, сестра и все другие, слушая рассказ Альфреда Карловича, горько плакали. Я же, выбежав из комнаты, залез на чердак и в бессильной злобе проплакал там целый день. С этого времени у меня проявилась и осталась непримиримость к неволе и насилию в любых их проявлениях.

Чувство брезгливости и ненависти к людям, одетым в форму НКВД навсегда осталось в моей душе.

В том же месяце, после ареста моего отца, было арестовано почти все начальство Таганрогского порта. Был арестован и начальник порта, главный инженер, капитан порта и многие другие технические и партийные работники. В том же месяце разразился массовый арест всех иностранцев, проживавших в Таганроге испокон веков. Это были ассимилированные люди, давно ставшие русскими. Только их не русские фамилии выдавали их не русское происхождение. Главным образом это были греки.

Я помню в школе, учитель географии рассказывал нам происхождение нашего города. Он говорил, что основали его греки. Что эти предприимчивые и торговые люди поселялись вдоль побережья Черного и Азовского морей. Обосновавшись в нашем городе, они назвали его «Тагани», а потом уже, много лет спустя, русские прибавили «Рог» (город, представляет из себя полуостров, изогнутый как рог). Поэтому получился Таганрог. Вдоль побережья тянется улица Греческая, после революции переименованная в улицу 3-го интернационала, но таганрогцы по-прежнему называли ее Греческой, т. к. в каждом втором доме на этой улице жили греки и здесь же была их греческая церковь.

Так вот, этих русских греков в течении нескольких дней выкосили до единого. Это была страшная картина: вопли жен и детей, душераздирающие крики и гул моторов. Чекисты хватали отцов, бросали их в «Черный ворон» (закрытая автомашина

черного цвета, прозванная народом «Черный ворон»). Следом выскакивали матери, жены, дети и вопили благим матом. Мы — наша семья — жили на Греческой улице и были свидетелями этой картины. Я помню, как со страхом выглядывал из комнаты и побледнел, когда забирали живущих напротив нас греков. В одном доме жило три брата. Они были многодетными. Чекисты забрали всех троих братьев и их старших сыновей. Младшие — подростки и дети — плакали, провожая своих отцов.

За месяц до арестов греков, в семье близко знакомых нам греков, умер отец. Убитая горем его жена часто приходила к нам. Поголовные аресты греков увеличили горе. У нее забрали трех сыновей. Младшему было 18 лет. Несчастная мать потеряла рассудок.

Недалеко от нас жид старый грек — сапожник. Ему было более семидесяти лет. Его арестовали, но живого не довезли. Он умер в «карете» НКВД.

Греческий священник, глубокий старик, умер сразу же во время обыска от разрыва сердца. Греческую церковь, после ареста греков, закрыли. Русские храмы, к этому времени, уже давно были закрыты. После закрытия греческого храма прекратились всякие Богослужения в городе.

Вскоре началась высылка из СССР греческих подданных.

В Таганрогском порту разыгралась драма, которую мне пришлось наблюдать. Греческо-подданных матерей (отцов всех арестовали — подданных и не подданных) погружали на пароход, их детей, советско-подданных, оставляли в СССР. Рыдания, обмороки и плач детей, сопровождали трагедию. Малые дети навеки расстались со своими матерями. Я провожал своих двух друзей, с которыми вместе играл еще ребенком. Будучи соседями, мы вместе выросли, стали подростками. Они ни слова не знали по гречески. Они были русскими мальчиками. По непонятной для них причине только потому, что они случайно оказались греческими подданными, они принужденно покидали родину.

Такая трагедия постигла русских греков в 1937-38 г. г. не только в Таганроге, но и по всей территории СССР. Подобное происходило и с другими иностранцами.

Потеряв отца нам стало жить еще труднее. После его ареста пришли чекисты и описали все имущество. У нас забрали все, даже материнское приданное. Нас выбросили из коммунальной квартиры. Мы поселились в полуразваленном помещении, которое было списано, как нежилое. Горе сломило мать и она, получив невроз сердца, подолгу лежала после сердечных припадков. Если бы не помощь сестер, не выжить бы нам.

Сестра ходила в НКВД узнавать о судьбе отца. На ее вопрос

следовал короткий стандартный ответ: «Отправлен на этап без права переписки». Прошло неописуемо тяжелых три года. При помощи теток, мать получила работу в шляпочной мастерской. Заведующая мастерской, сердечный человек, устроила так, что мать брала работу на дом. Сестра бросила учиться и помогала матери. Я не отставал от них и вскоре научился искусно мастерить женские шляпки. На заработные гроши мы кое-как перебивались. За три года привыкли жить без отца; острая боль заглушилась временем.

В этом году мне исполнилось 17 лет. Я учился в девятое классе средней школы. Я с детства мечтал окончить десятилетку и поступить учиться в военно-морское училище. Мое детство, проведенное с отцом в плаваниях, куда он меня брал с собой каждые летние каникулы, а затем мое горячее участие в яхт-клубе, как яхтсмена, привили мне большую любовь к морю. Я мечтал одеть на себя мундир морского офицера. Репрессия моего отца рушила все мои планы. Мне стало ясно, что ни в какое военное училище меня не примут. Тогда посоветовавшись с тетками, мы решили, что я брошу школу и поступлю учиться в котлостроительный техникум. «Все-же будет специальность», — говорила мать, — «даст Бог время переменится и получишь должность по специальности». Я поступил учиться в Котлостроительный техникум. Меня приняли в комсомол и я с усердием принялся изучать «Капитал» Маркса. На пришлось мне и полгода проучиться в техникуме, как матери отказали в работе в шляпочной мастерской. Тогда мне пришлось бросить учебу и идти работать чернорабочим на обувную фабрику. Мои сверстники учились в военных и технических училищах, а я — стал чернорабочим. Еще в школе в седьмом классе, я полюбил свою соученицу, она отвечала мне взаимностью. Завязалась первая юная любовь. Она была дочь инженера. Ее мать была коммунистка — партийный работник, когда ее мать узнала, что дочь встречается со мной — сыном политзаключенного, она категорически запретила ей иметь со мной дружбу. Она приходила к нам в дом и устраивала скандалы моей матери. Конечно, это нисколько не помогало, — мы продолжали тайно встречаться. Но с годами мы становились более взрослыми и начали многое понимать. Она стала студенткой педагогического института, а я — чернорабочим. У нее был путь в будущее открыт, а у меня закрыт навеки. Я был «прокаженным» — сыном «врага народа». Между нами, против нашей воли, образовалась пропасть. Я нравственно страдал. Но я был не один. На нашей улице было много юношей, моих сверстников, с такой же участью.

Помню, однажды встретившись с одним из таких приятелей,

мы стали обсуждать вопрос каким образом попасть в военное училище? Пришли к тому, что решили написать прошение наркому обороны маршалу Ворошилову. «Я напишу, — говорил мой приятель, — что я отказываюсь от моего отца, да и к тому же в конституции ясно написано — «сын за отца не отвечает». Я решил написать тоже. Долго я сидел над письмом наркому. Я разъяснил и доказывал в письме, что я горю патриотизмом к своей великой родине, что я вырос на море, что я яхтсмен и имею морскую практику и поэтому буду полезен советскому государству, как морской командир. Что я еще писал в этом же духе Клементию Ефремовичу, теперь уже не помню, но когда я дошел до того места, где решил написать, что отказываюсь от своего отца ради всего изложенного выше, я остановился. Трудно выразить словами охватившее меня чувство. Вспомнился родной, безгранично любимый отец. Мысленно представился окровавленным, избитым, жестокими чекистами.

За что? Во имя чего?

У меня першило в горле и усиленно билось сердце. Но разум диктовал другое: «Отца не спасешь и не вернешь, а дорогу в жизнь пробивать нужно». Чтобы пробить эту дорогу, нужно было выйти из «прокаженных», перестать быть сыном «врага народа», вновь войти в общество не «прокаженных». А это, как мне думалось, можно было достичь только в том случае, если я одену военный мундир, отличусь в службе, поступлю в компартию, — и дорога в жизнь для меня откроется. Однако, бушующее непримиримое с насилием чувство, побороло разум и я не написал, что отказываюсь от своего отца, а лишь коротко упомянул, что мой отец репрессирован органами НКВД, но что это не уменьшает мое горячее стремление служить великой родине. *Я писал правду.*

Отпета на мое письмо от наркома обороны я не получил. Мое наивное письмо наверняка сразу же из почты было направлено в отдел НКВД. Адрес, написанный на конверте, обеспечивал письму путь в этом направлении. Наверняка какой-то чекист, кисло улыбнувшись, изорвал мое письмо и бросил его в мусорный ящик. Да если-бы это письмо и попало в руки наркома, что-бы он мог сделать даже при его желании помочь мне? Ровным счетом — ничего. Директива о непринятии на военную службу родственников репрессированных исходила от Сталина и сам нарком обороны в любой момент мог стать «врагом народа». Даже главарей НКВД — Ягоду, Ежова, постигла эта участь. Сталинский аппарат насилия, как заколдованный круг, сковывал людей, исключая всякую возможность из него выйти. Делал людей, всех без исключения, ничтожествами, независимо от того, кто они

были и какую роль играли в государстве, ставшим империей террора и страха.

В конце марта 1941 г. мне пришла повестка из городского Военного Комиссариата (военкомата). Обрадованный, я помчался сообщить об этом моему приятелю. Оказалось, что он тоже получил такую-же повестку. На другой день, явившись в назначенных срок в военкомат, я увидел там всех своих знакомых ребят, у которых, как я знал, были репрессированы отцы по 58-й статье.

Через несколько дней после медицинского осмотра нам заявили, что все мы зачислены в 46-ю команду и должны явиться для отправки в части. В какой род войск мы направлялись, нам не сказали несмотря на то, что многие из нас неоднократно задавали этот вопрос.

В начале апреля меня проводили служить в армию. Провожая, мать, роняя слезы, осенила меня крестным знамением. Сестра, обняв меня, коротко сказала: «Ну, что-же, езжай, служи Отечеству». Поезд тронулся. Я покидал родной город.

«… Раскинулось море широко и волны бушуют вдали…» — запевал чей-то голос в темноте и десятки других подхватили эту любимую русскую песню. Лежа на полке, прислушиваясь к словам с детства знакомой песни, под монотонный стук вагонных колес, я мысленно перебирал в памяти картины минувших событий, пройденных перед моими глазами, в родном городе. О плохом вспоминать не хотелось, старательно отгонял печальные мысли, снова и снова возвращался к урывкам промелькнувших счастливых минут в моей жизни. Радовала появившаяся надежда и вера в то, что дорога в будущее откроется. Я ехал служить в Красную Армию. Опечаливала только мысль о трагедии вновь постигшей мою сестру.

Накануне свадьбы ее жених отказался от брака. Он поступал учиться в Военно-инженерную академию и поэтому не мог жениться на дочери репрессированного. Брак с таковой закрыл бы ему все дороги в Академию.

Теория Маркса о коммунизме говорит о ликвидации всех классов и групповых, сословных перегородок, об абсолютном равноправии всех граждан нового социалистического общества. Сталинский коммунизм наделал этих перегородок бесконечное множество, сделав всех граждан СССР равноправными лишь в возможности попасть в концлагерь или на тот свет.

Мысль о сестре меня страшно терзала. Не раз ночью мне приходилось слышать ее глухие рыдания. Она плакала скрываясь от матери. Плакала, скрывая от всех свое великое горе. Ее рыдания больно сжимали мне сердце, кипятили кровь в моих

жилах. Я ни разу не подошел ее успокаивать, я не хотел, что-бы она знала, что я слышу ее рыдания, я понимал, что ей, еще тяжелее будет от этого.

Сталинская власть была виною всех ее страданий, власть — проклятая, бесчеловечная, искалечившая миллионы молодых жизней. Шестнадцать миллионов заключенных в концлагерях СССР, у каждого из заключенных семья и родственники. Сколько же миллионов ни в чем невинных страдальцев, подобных моей сестре и мне оказалось на нашей несчастной родине? Во имя чего и за что власть карала нас? Разве мы не любили также, как и другие свою родину? Разве мы не переносили все трудности наравне с другими? Разве мы не стремились служить своей родине? Зачем же нам закрывать все дороги, зачем же, приклеив ярлык «лишенцев» и «неблагонадежных» швырять нас в пропасть? Была ли польза от этого родине?

Эти мысли мучительно сверлили мозг.

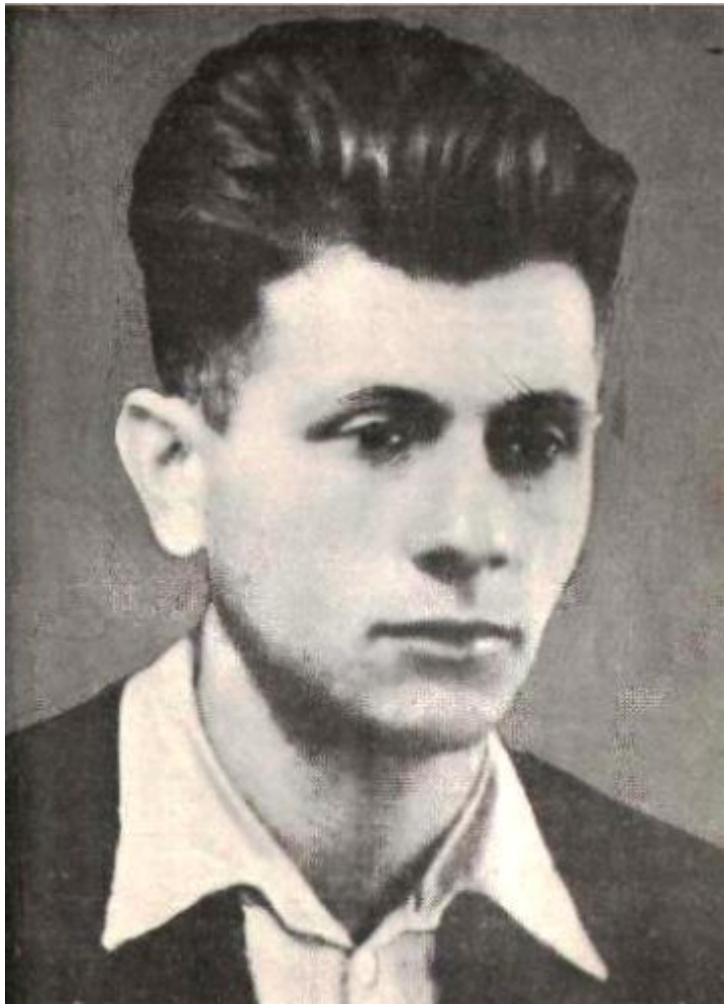
После ликвидации ликвидатора «врагов народа» — палача Ежова, стали преднамеренно распускаться слухи, по которым всю вину за массовые аресты советских граждан свалили на этого очередного ставленника Сталина. Сменивший его Берия, рекламировался, как честнейший и справедливый блюститель порядка в социалистическом обществе. И действительно хотелось верить, что враги Отечества, деяниями Ежова и ему подобных, что-бы подорвать мощь советского государства, уничтожали лучших военначальников Красной Армии, внесли смуту и экономический крах в страну. Все это было так правдоподобно, что не было оснований не верить, что все это не сделано именно врагами советского государства.

Эти мысли внушали веру, что все со временем исправится, ненужные аресты и преследования прекратятся. Народ, объединится и Отечество на страх всем его врагам станет могучим, непобедимым.

Мысль о том, что мы — сыны репрессированных отцов — едем служить наравне с другими в ряды Красной Армии, укрепляла эту веру.

Наутро мы приехали в Ростов. Нас разместили и Артиллерийских казармах. Сюда же прибывали и с других мест такие-же, как и мы — 46-я команда. За несколько дней собралось несколько десятков тысяч. Нас разбили на батальоны, роты, взводы и отделения. Помню хорошо, что я попал в 4-ю роту, номер же батальона забыл, но помнится, что перевалил за тысячу. Командиров взводов и отделений назначили из нас же, яко-бы временно. Нас хорошо накормили в армейской столовой горячим обедом. Кроме того, в ларьке, при столовой, можно было купить

мясные консервы, галеты, табак и т. п.



Автор книги студентом сов. тех. училища.

Однако нас не обмундировали и не говорили в каком роде войск мы состоим. Нас называли «товарищи бойцы» и выводили на плац учиться маршировать в строю. Спать приходилось в казарме на голом полу. Кроватей не было, но нам сказали, что это временно, т. к. нас вскоре отправят по назначению. Помню, еще в Таганроге, во время призыва, ходили между нами слухи, что мы предназначены служить в морфлот, но здесь стали поговаривать, что мы предназначены в сухопутные войска. Однако, толком никто не знал нашей действительной участи. Несмотря на это у нас было настроение приподнятое, никто и не подозревал какой род войск придумал для нас «мудрый вождь», товарищ Сталин. Вечерами мы толковали в каком роде войск интереснее служить.

Потеряв надежду попасть в морфлот, я агитировал за кавалерию, утверждая и хвастаясь, что учиться искусству верховой езды мне не нужно, т. к. научился ему я еще в детстве. Помню, увлекаясь, я даже поспорил с каким-то кавказцем, заверяя его, что лучшие наездники в мире это казаки. Помню, кавказец страшно возмутился и стал переговариваться со своими единоплеменниками на непонятном мне языке, и по его виду можно было легко определить, что слова сыпались не совсем лестные по моему адресу.

Надобно сказать, что службой интересовалась, главным образом, молодежь из интеллигентных семей. Остальная масса, прибывшая из колхозов, относилась к этому безразлично. Большой процент был немцев Поволжья, а также кавказцев. Пожалуй, последних было больше всех. Сменивший Ежова, «справедливый блюститель порядка» — грузин Берия, успел уже оправдать свое назначение перед своим благодетелем — тов. Сталиным. Последний, после назначения Берии главой НКВД, посетил свою родину — Грузию и недвусмысленно заявил Берии, что в Грузии и вообще на Кавказе собралось много мусора. «Перекорчуем и перепашем» — ответил Берия. Его старания в этом направлении бросили миллионы кавказцев в концлагеря, а родственники репрессированных и оказались в нашем загадочном «войске». Через несколько дней представилось нам наше начальство. Они явились в военной форме, но знаки различия у них были весьма странные, никогда раньше не виданные. Как потом оказалось, наше начальство совсем не строевые командиры, а инженеры и техники строители. С ними явились и политработники — комиссар батальона и политруки рот. Они имели известные для всех знаки различия. Нас построили поротно в казарме. Перед нашей ротой выступил старший политрук Попков (хорошо помню его фамилию). Он заявил, что мы призваны советским правительством дли укрепления мощи советского государства и мы должны своим самоотверженным трудом доказать свою любовь и преданность нашей советской родине и ее вождю, тов. Сталину. В конце речи он заявил, что завтра-же наш батальон отправится по назначению.

На другой день, погрузившись в железнодорожный эшелон, мы двигались в неизвестном нам направлении. Наше место в казармах заняли другие, подобные нам бойцы в кавычках, которых десятками тысяч, без конца, присылали, формировали в батальоны и отправляли неизвестно куда.

Нас привезли в ту часть Польши, которая в 1939 году была оккупирована советскими войсками. В гор. Сарны мы выгрузились, Пройдя пешком 25–30 км. по открытой степи, мы

подошли к каким-то странным строениям. Как потом оказалось, это были бараки, в которых мы должны были жить. Каждый барак представлял собою огромную выкопанную в песке яму, накрытую крышей из сосновых досок. Внутри, вдоль этой ямы, стояли по обе стороны четырехэтажные нары из тех-же досок. Из обвалившихся песчаных стен сочилась вода. Пола никакого не было и ноги утопали в жидкой песчаной почве. Каждая такая яма, названная бараком вмещала целую роту 200 человек. Нары были сделаны со щелями и на них ни одной соломинки. Спать пришлось одетыми. На нас была все та-же одежда, в которой мы выехали из дома. Ни одеял, ни обмундировании, — ничего нам не дали. Кухня не работала, т. к. не было воды. Воду нужно было привозить из городов, но не было транспорта. Нам давали сухой паек. Главным образом это была сушеная рыба или сельди и кусок черного хлеба. Наше начальство разместилось в нескольких километрах от нашего лагеря в какой-то деревушке.

На третий день приехал комиссар батальона. Нас построили. Он сказал, что мы присланы сюда советским правительством построить аэродром для советских самолетов, что это задание мы должны выполнить в самый короткий срок. Кто будет увиливать от работы или недобросовестно исполнять ее, тот будет судим как срывщик и вредитель.

В этот день нам выдали удостоверения личности. В нем говорилось, что предъявитель сего находится на службе в Особом Отделенном Строительном батальоне.

На другой день, в 5 часов утра, мы вышли на работу. Нужно было заливать бетоном летные дорожки. Но для изготовления бетона не было бетономешалок и приходилось изготовлять бетон вручную. Щебенки тоже не оказалось. Ее начали изготовлять вручную. Дробили молотками огромные камни до тех пор, пока из них не получалась щебенка.

Трудно описать весь этот каторжный труд, но вряд ли нам пришлось трудиться в лучших условиях чем тем рабам, которые гнули спины в концлагерях. Работали с утра до темной ночи. Затем строились в колонны по-ротно и обессиленные плелись к своим баракам. Получив баланду и по куску хлеба, проглатывали все это и, как убитые, валились на голые доски спать. Скоро наша домашняя одежда и обувь разорвались вдребезги. Нам каждый раз обещали, что привезут обмундирование, но все это оставалось только обещанием. Мы стали походить на какие-то чудовища. Лица наши и одежда были покрыты въевшимся цементом. Волосы на голове слепились колтуном. Мыться нам было негде и нечем: ни мыла, ни полотенец у нас не было. Вода привозилась в лагерь в ограниченном количестве и только для кухни.

Во время работы питьевой воды не было и приходилось пить воду, которую употребляли для бетонных работ. От этого у многих началась дизентерия и кровавый понос.

Производимые нами строительные работы сопровождались «накачкой». Политруки без конца поучали нас, как мы должны трудиться, чтобы принести наибольшую пользу государству и выполнить свой долг перед партией и правительством и уж, конечно, перед «мудрым» и «великим вождем». На наших политруков возлагалась миссия «воспитателей», которые существовали во всех сталинских концлагерях, исполняя роль подгонял. В нашей же «Особом и Отдельном» роль подгонял, по замыслу «мудрого вождя», должны были исполнять политруки.

Нам стало понятно, что мы совсем не армия, что мы, фактически, находимся на положении концлагерников, что мы такие-же жертвы Сталина, как и наши отцы. Разница была только в названии. Вместо того, что-бы нас арестовывать и ссылать в концлагеря, как это сделали с нашими отцами, нас призвали «служить» в особые и отдельные батальоны. Действительно в этом была проявлена мудрость «отцом народов». Его новый ставленник — Берия — перекрыл всех своих предшественников. Кровавая мясорубка заработала еще быстрее. Сталин, уже давно болевший манией страха за свою жизнь, требовал ликвидации все новых и новых «врагов народа». Мастер заплечных дел — Берия старался и сеть концлагерей ширилась и распространялась. Сломленный и покоренный, неслыханной в мире машиной насилия, народ страдал в сознании того, что он не в силах приостановить свою гибель

* * *

Моя служба в строй-бате тяжелым камнем легла мне на душу. Черным беспросветным занавесом закрылось мое будущее.

И вот тогда, в Особом Отдельном Строительном батальоне, вдалеке от родного дома, ночью, кутаясь в лохмотья изорвавшегося пальто, голодный, грязный, вшивый и смертельно уставший, валяясь на голых нарах, я размышлял о судьбе, постигшей мою Родину.

Родину, которую я безгранично любил и которой с самого детства стремился служить. Родину, к врагам которой, против моей воли, причисляла меня проклятая власть. Размышления привели к правильному и твердому выводу: — У моей Родины есть жестокий враг и враг этот — Сталин. Но размышления привели и к другому выводу: — бороться против этого врага

абсолютно нет никаких возможностей. К таким выводам уже давно пришли народы Советского Союза. Эти выводы приводили к мучительному тупику.

Но вдруг случилось нежданное и негаданное. 22-го июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Началась 2-я Мировая война.

«Коварный враг напал на Отечество» — закричало советское радио. Народ же принял эти слова не со страхом, но с радостью. Войска Красной Армии, стоявшие на западной, границе СССР, сдавались в плен или поспешно отступали. Наш батальон, вооруженный тачками, лопатами и кирками, бросив свое «оружие», подгоняемый начальством, спешил за отступавшей Красной Армией. В общем хаосе отступления батальон рассыпался и растерялся. Скоро я оказался в глубоком тылу беспрепятственно шагавшей немецкой армии. Немцы не препятствовали мне пробираться к дому. Мой вид оборванного беспризорного мальчугана способствовал этому. Пройдя сотни километров пешком я прибрел домой.

В Таганроге стояла немецкая армия.

Была глубокая осень 1941 года.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Освободительное движение — на Дону, Кубани и Тереке и возникновение Казачьего Стана

«Войско Донское было вольной колонией русского народа… Около 1549 года известное число вольного казачества, сошедшееся в одном месте, ради общей цели — борьбы с общим врагом, степными хищниками, — сплотилось в единую военную государственную и общественную организацию и осело на землю… Войско Донское не было результатом Царского повеления или колонией Царства. Войско Донское было народной колонией, вольной и независимой. Оно было государством, а не провинцией. Государственная власть на Дону имела своим источником народную волю и Донская колония представляла из себя республику. Суверенная верховная власти в Донской республике принадлежала общему народному собранию, носившему название Круга или Войскового Круга».

Проф. С. Т. Сватиков («Донская Летопись» т. 1 стр.169 изд. 1923 г. Донской Исторической Комиссии). Цитировано у проф. Н. Н. Головина — «Российская контр-революция 1917-18 г.г.».

При подходе немецких войск к пограничным казачьим станицам Донского Войска, казаки станицы Синявской, перебив местную власть и забрав у нее оружие, ушли в Донские плавни. Перед занятием немцами станины Синявской, казаки вышли из плавней навстречу немцам, приветствуя их, как союзников, и тут же обратились к ним с просьбой разрешить организоваться для

борьбы против Сталина. Немцы удовлетворили просьбу казаков и снабдили их трофейным советским оружием и конским составом.

К Синявским казакам присоединились казаки других ближайших станиц и хуторов. Организовалась первая казачья сотня — первый зародыш казачьих вооруженных сил Казачьего Освободительного Движения на казачьей земле.

Внезапно захваченный 1 ноября 1941 г. немцами Ростов, неожиданно был отбит советскими войсками. Немцы отступили к Таганрогу. С ними отступила и казачья сотня.

Совсем случайно, проходя по улице, я увидел ошеломившую меня картину. Среди снующих по улице немецких автомашин и мотоциклов, шла на рысях казачья сотня. Вооруженные шашками, в бурках, в донских папахах, казаки на первый взгляд производили впечатление ворвавшихся в немецкий стан советских конников. Среди идущей сотни я увидел несколько знакомых мне лиц. Часто навещая своих родственников в станице Синявской, я был знаком со многими станичниками. Узнав, что сотня размещена в помещении бывшего авиационного техникума, крайне заинтересованный, я отправился поговорить со своими станичниками.

Случилось неожиданное: — с того дня я уже домой не вернулся.

Знакомые казаки, узнав меня, тут же предложили мне вступить в сотню. На мой ответ, что я не могу сразу решиться, один из старых казаков, взяв меня за плечи и глядя мне в глазе, сказал: «Советская власть разорила казачество, расстреляла и сгноила в тюрьмах миллионы казаков, умертвила голодом миллионы казачьих детей, разрушила вековые казачьи традиции, отняла свободу и сделала из вольных людей-казаков сталинских рабов. С такой властью казачество должно бороться не на жизнь, а на смерть. Тот из казаков, кто уклоняется от борьбы против такой власти, является предателем казачества. Понятно?!»

«Твой то отец где?» — неожиданно задал мне вопрос, стоящий рядом, казак.

«Записывайте меня в сотню», — ответил я.

Сотней распоряжался старый казак А. М. единогласно избранный казаками командиром сотни. Двое других старых казаков, так же избранные, ему помогали. Состав сотни представлял собой казаков стариков и казаков малолеток. Казаков среднего возраста почти не было. Средний возраст был призван в Красную армию (или находился в концлагерях и тюрьмах), а в станицах оставались только старики и малолетки. Вот они то при первой возможности и поднялись на борьбу. Дух был приподнятый. Хаос, с каким отступала Красная армия

приводил к убеждению, что советской власти приходит конец.

Фронт остановился под Таганрогом.

«Только бы немцы толкнули красных, как тот час казаки, подымутся», — убеждённо поговаривали у нас в сотне. Все были уверены, что не смотря на то, что советская власть казаков выкосила, все-же каждая станица сможет выставить сотню казаков, хотя-бы из стариков и малолеток. А там, средний возраст, попав к немцам в плен, вернется домой. Таким образом соберется большая сила и Дон вновь восстановит потерянную свободу и все казачьи вековые традиции.

Так мечтали казаки в нашей сотне.

Неожиданно наши мечты и надежды омрачились неприятным фактом: в сотню было прислано немецкое командование. Немецкий старший лейтенант, барон фон Волькенхаузе, принял сотню. Командирами взводов и отделений были назначены немецкие унтер-офицеры.

При каждом командире был переводчик из русских немцев. Настроение в сотне сразу же изменилось. Поднимаясь на борьбу против советской власти донские казаки верили, что им удастся при помощи немцев воссоздать свою собственную казачью армию, созданную Атаманом А. М. Каледеным и Атаманом П. Н. Красновым после свержения царской власти и разрушенную большевиками и главное вновь восстановить свободную Донскую Казачью республику. Казаки наивно верили, что немцы в этом заинтересованны и во всем казакам помогут. Как известно из истории Донская Казачья республика образовалась еще в 1549 году путем слияния отдельных качующих казачьих вотаг, образовавшихся в больших случаях из беглых крепостных крестьян Московского Царства, бежавших на Дикое поле, (Древнее название Дона) в одну вооруженную общину осевшую на землю и принявшую форму свободного государства образовавшегося народною волею. Казаки сами назвали свое государство Войско (вероятно потому, что им всем включая жен, детей и стариков приходилось сражаться отбиваясь от беспрестанных нападений степных хищных племен), но это название нужно понимать не в смысле армейской воинской части, а в смысле государства к тому же с республиканским подлинно демократическим (в теперешнем понятии) строем. Вся власть у казаков была избрана народом и полностью от народа зависела. Со временем в силу принятых Донской республикой обычаев, особого быта, государственных демократических основ и принципов; в силу многонационального состава представляющего республику, образовался новый особый, от других соседних племен, народ, который стал известен как казачий народ

живущий на свободе. Вот каким образом образовался казачий народ сумевший, как это известно всему свету, своей неописуемой жертвенной героической борьбой организовать свое собственное, независимое, свободное государство и отстоять его от без конца наседающих на него неисчислимых врагов. Как пишут некоторые историки русские и иностранные, костяком образовавшегося нового народа послужило небольшое воинствующее степное племя славянского происхождения, которое и растворило в себе беглых рабов всех национальностей к народностей. На Дикое поле — на Дон к казакам бежали рабы не только из Московского Царства, но и из многих других государств. Однако судя по поведению Донского казачества на протяжении веков описанного историками ярко выражается стремление донских казаков служить России, (действие Донских казаков во время русской смуты в пользу России; завоевание Донскими казаками Сибири в пользу России и т. д.) поэтому нужно считать несомненным фактом присутствие в донском казачестве в подавляющем большинстве беглых рабов из Московского Царства, т. е. русских людей.

Как известно из истории Донская казачья республика была разгромлена и завоевана русским Царем Петром I — Великим в 1708 году во время Булавинского восстания и со временем казачий народ лишенный государственности и свободы был определен последующими русскими царями в особое сословие — в особое служилое воинство ретиво оберегающее границы Российский империи[2].

Со временем царская власть посредством хитроумной дипломатии (использовалась даже религия) превратила казачество из когда-то народного символа свободы, в символ диктаторской царской полицейской власти подавляющей вооруженными казаками все народные восстания в Российской империи.

Как известно после свержения царской власти в феврале 1917 года, Донское казачество вновь обрело свою исконную свободу и собственную казачью власть избранную демократическим путем и объявило себя свободной, независимой, Донской казачьей республикой. Донское Правительство не желая подчиниться весьма шаткому неустойчивому Временному Российскому Правительству Керенского, заявило, что Донская республика вплоть до образования твердого законного Всероссийского коалиционного Правительства, будет действовать самостоятельно и что Донская республика согласна войти в единое Российское Государство, как равноправной партнер среди других всех республик (Украина, Белоруссия, Грузия и т. д.) на основах

федерации свободных республик свободной и единой России.

Как известно после поражения Белой Армии (вожди которой никак не желали видеть Россию свободной в виде федерации свободных республик и повели жестокую борьбу против стремления самих народов к этой справедливой форме государственного устройства страны с многонациональным населением, стремясь во что бы то ни стало восстановить единство России в старой форме узкоцентрализованного юнитарного государства, возглавляемого только русской властью чем и погубили все дело), большевики придя к власти умело повели дело в национальном вопросе. Украина была объявлена Украинской Советской республикой, Белоруссия — Белорусской Советской республикой и т. д. Большевиками были официально признаны все народы вошедшие в состав СССР, за исключением казачьего народа. Ни Донской, ни Кубанской, никакой другой казачьей республики в Советском Союзе не оказалось. Но если царской власти на протяжении целых веков путем всяких хитростей и «пряником» (казачьи привилегии) не удалось вытравить из казачьего народа стремление вернуть утерянную им настоящую свободу, то красному царю Сталину путем голого террора и физического уничтожения казачьего народа, тем более не удалось задушить стремление казаков к свободе, а наоборот усилило это естественное человеческое стремление и привело к небывалому по силе духа стихийному Казачьему Освободительному Движению в котором приняло участие поголовно все казачество. Однако гитлеровцы сразу же в корне стали присекать Казачье Освободительное Движение стараясь лишь использовать его в своих немецких интересах и без опасности для себя.

С этой целью они и старались немедленно возглавить все стихийно возникшие казачьи вооруженные отряды немецкими офицерами. Это подтвердилось сразу же с возникновением первого вооруженного казачьего отряда на казачьей территории, т. е. нашей сотни. Все надежды которые казаки носили в своих душах сразу же рухнули. Стало видно, что немцы хотят казачьи вооруженные отряды сделать своим немецким войском, и отнюдь не казачьим.

В сотне пошел ропот.

Особенно возмущались старые казаки. Было похоже на то, что сотня разбежится. Очевидно, переводчики доложили немцам о настроении казаков и нас построили объясниться. Спокойно выслушав наши доводы и требования, старший лейтенант, баран фон Волькенхаузе нам ответил, что он понимает нас и солидарен с нами, но немецкое командование, решив использовать нашу

сотню, как боевую разведку, в виду того, что среди казаков вашей сотни нет профессиональных ни офицеров, ни подофицеров, нашло необходимым назначать в сотню немецких командиров и, что для успешной борьбы против Сталина, казаки должны относиться с довернем к немецкому командованию. Затем, выразив уверенность, что немецкие командиры будут достойными боевыми друзьями таким воинам, как казаки, он распустил сотню. После ряда совещаний сотня выразив полное доверие старшему лейтенанту барону Волькенхаузену и признала его своим командиром. Вскоре мы получили немецкое обмундирование и оружие. Однако за нами оставалось право носить казачью форму в праздничные дни вне службы.

Всех старых казаков определили в хозяйственный взвод-обоз. Молодежь начали учить немецкой муштре. За короткий срок мы легко овладели этим искусством и исполняли все не хуже любого немецкого солдата.

Наша казачья сотня получила наименование: — 10-й казачий разведывательный эскадрон при 4-м велосипедном полку Скоро после этого к нам пришло пополнение: целый взвод казаков, сформировавшийся где-то на Украине, прибыл в сотню. Взвод привел старший лейтенант артиллерии Красной армии Димитрий Карюк. Карюк свободно владел немецким языком. Двадцатипятилетний Карюк был высок, хорошо сложен и красив, в его манере распоряжаться чувствовался кадровый командир. Он понравился командиру эскадрона и последний оставил его на должности командира взвода и добился у своего начальства для Карюка чина немецкого унтер-офицера.

Зимой, в начале 1942 г., наш эскадрон был переброшен в село Лакадиминовка, где приступил к изучению несения разведывательной службы на немецкий лад. Наши немецкие командиры оказались профессиональными кавалеристами-разведчиками, с большой боевой практикой. У каждого из них грудь была украшена многими боевыми орденами, включая и Железные Кресты первого класса. Старший лейтенант барон фон Волькенхаузе был истым аристократом, но это заключалось не только в титуле немецкого барона или красивой породистой физиономии, он действительно был аристократом по натуре и всему своему поведению. Жестоко строгий в службе, он был хорошим товарищем вне службы. Его отношение к нам, казакам, было настоящим командирским отношением: строг на службе, хороший товарищ вне ее. Молодой и жизнерадостный, в свободное от занятий время, он принимая участие во всех, затеянных нами играх. Мы боролись, играли в чехарду, бегали на перегонки и т. п. Помню, однажды играя в чехарду, один казак

маленького роста, никак не мог перепрыгнуть через высокого Волькенхаузена, который сгибался в три погибели. Однако казак, каждой раз пытаясь перепрыгнуть, садился ему на шею и оба с хохотом валились на землю. Кончалось свободное время, начиналась служба и наш веселый товарищ по играм, становился строгим командиром, требующим точных и молниеносных исполнений его приказаний. Несмотря на то, что наши командиры взводов и отделений — немецкие вахмастера и унтер-офицеры — были прекрасными инструкторами всей военной науки, которая от нас требовалась, он лично сам, порою с утра до вечера, проводил с нами занятия. Падал в жидкую грязь и ползал на животе, делал перебежки с пулеметом, показывая как лучше и скорее приспособить пулемет к стрельбе с ходу. Учил всем хитростям маскировки разведчика от противника и т. д. и т. п. Идя в строю после занятий, грязные и уставшие, но бодрые и веселые, мы пели наши казачьи песни и наш барон, страшно коверкая русские слова, пел вместе с нами.

Вечером в дежурном помещении казаки играли в карты и он часто заходя туда играл с ними, рассказывал анекдоты, вел с казаками беседы на различные темы. В одно из таких посещений мы ему задали вопрос, почему он служит не в войсках Эс-Эс? «В немецкой армии были герои и до создания войск Эс-Эс», — ответил с многозначительной иронией Волькенхаузен. Его ирония нами не была понята в то время и мы гораздо позже, когда нам стало ясно, что из себя представляет гитлеровская система, поняли значение его иронии.

Будучи страстным кавалеристом, Волькенхаузен уделял много времени конной подготовке. Он учил нас многим хитростям действий кавалериста в разведке и на поле боя. Мне пришлось попасть в так называемый по немецки «шваедронструп», (В советской кавалерии это называлось «ячейка управления эскадрона»). В «шваедронструп» Волькенхаузен выбрал пять человек молодых казаков. Изучая немецкий язык еще в средней школе, почта все молодые казаки его понимали. Мы — попавшие в «шваедронструп» — при постоянной практике скоро стали говорить хорошо по немецки. Волькенхаузен уделял нам особое внимание. При ведении эскадроном учебного боя, он задавал нам вопросы, как бы каждый из нас поступил, будучи на его месте. Выслушав наши ответы, он разъяснял нам почему в одном случае нужно поступить так, а в другом иначе.

К началу лета 1942 года наш эскадрон, получив достаточную боевую подготовку, был отправлен на фронт. Сменив немецкую роту, мы заняли оборону на правом фланге немецкого Таганрогского фронта, упиравшегося в Таганрогский залив. В этот

день, стоявшие против нас советские части, наверняка были ошеломлены: с немецкой стороны они услышали, громко распеваемые нами советские песни. Во весь голос пели мы «Катюшу», «Три танкиста» и другие советские песни. На другое же утро у самых советских окопов появились плакаты:

«Братцы, не стреляйте, напротив вас занимаем оборону мы — донские казаки. Немцы разрешили нам организоваться для борьбы против Сталина. Переходите к нам. Смерть Сталину! Да здравствует свободная Россия!»

Ночью, пробираясь сквозь густую и высокую траву к советской обороне, мы старались разместить наши листовки так, чтобы утром их можно было легко заметить из советских окопов. Утром мы наблюдали, как советские солдаты собирали найти прокламации. Мы смастерили рупор и подолгу призывали через него советских солдат и командиров подыматься на борьбу против Сталина.

Сразу же появились перебежчики и мы вскоре узнали мельчайшие подробности построения советской обороны.

Мы узнали, где находятся командные пункты, каково количество стоявших против нас советских частей, их названия и даже имена их командиров и политработников. Советское командование сосредотачивало по нам сильный артиллерийский огонь, но в то время немецкая авиация господствовала в воздухе. Немецкие двухфезеляжные разведывательные самолеты — «рамы», круглые сутки дежурили в воздухе. Как только советское командование производило какую-либо подготовку к атаке нас, сейчас-же прилетали вызванные «рамами» немецкие бомбардировщики типа «Штука» и разбивали все в пух и прах. Советская артиллерия замолкала, а мы беспрепятственно продолжали петь песни и призывать в рупор. К нам, казакам, перебежчики приходили не только с советских подразделений, находившихся перед нами, но со всех советских частей этого участка. Перебежчики рассказывали, что в их частях ходят слухи, что немцы советских военнопленных морят голодом, издеваются над ними и даже расстреливают; это заставляет советских солдат ненавидеть немцев и упорно стоять в обороне. Но недавно появился слух, что на немецкой стороне создаются русские вооруженные части для борьбы против Сталина, против советской власти, эти слухи подтвердились прибытием нашего казачьего эскадрона и этот факт приподнял настроение людей — мрачные слухи начинают постепенно рассеиваться.

«Как только немцы начнут наступление, — уверяли перебежчики, — никто не будет обороняться, все сдадутся в плен. Сексоты очень мешают, но все лишь ждут немецкого наступления,

когда можно будет без сговора попасть на немецкую сторону».

Однажды ночью пришло трое перебежчиков. Они сказали нам, что их послали в «секрет» перед линией советской обороны. Оставшись одни, они перестали друг друга бояться и сразу же сговорились бежать к нам. В разговоре мы узнали от них, что в отделении, к которому они принадлежали, служит брат одного нашего казака. Разговор шел в бункере ком. эскадроном. Мне пришлось быть переводчиком. Как только командир эскадрона услышал, что на той стороне в советском бункере находится брат нашего казака, он сразу же спросил перебежчиков, когда они должны были вернуться из «секрета». Последние ответили, что на рассвете.

Волькенхаузен приказал позвать казака Николая П.

«Хочешь видеть своего брата?» — спросил он его.

«А то как же?» — ответил тот.

«Лос! Давай! — русская форма!» (Мы имели около тридцати комплектов советской формы). Через четверть часа мы уже пробирались по густой траве к советской обороне. Двенадцать человек казаков, переодетых в советскую форму, вооруженные советскими автоматами, ничем не отличались от трех других советских бойцов, которые вели нас к своему блиндажу. У самой обороны нас окликнул часовой: «Это ты, Петренко?» — послышался голос из темноты

«Да, — ответил Петренко, — тут вот разведка второй роты вернулась, сбилась с пути. Где сержант?»

«В блиндаже спит. Проходи, ребята, сюда; осторожно, здесь яма».

Мы по одному спустились в траншею и вошли в блиндаж. На железной бочке в углу светилась коптилка, на нарах спали четыре бойца и сержант. Мы быстро забрали их оружие. Казак. Н. П. разыскал своего брата и стал будить.

«Иван, братуха, вставай!»

Тот спросонья таращил на брата глаза. Узнав, бросился в объятья.

«Николай, братец, откуда ты взялся?»

«Тут недалеко служу, случайно от ребят узнал, что ты здесь находишься и пришел повидаться.»

Проснулись другие бойцы и сержант.

«Что, братуху нашел?» — спросил сержант.

«Так точно, товарищ сержант, родной брат.

Все довольно улыбались.

«А вы откуда, какой роты?» — обратился к нам сержант.

«Мы казачья сотня — воюем против Сталина», — направляя автомат на сержанта, ответил наш урядник Б. Мы все сделали то

же. Тут только они обнаружили, что безоружны.

«Не бойтесь, вам ничего не угрожает, следуйте за нами», — приказал урядник Б. Пропуская вперед пленных, мы вышли из блиндажа. Два казака, обезоружившие часового, уже поджидали нас. В темноте, в густой траве нас ждали шесть казаков с двумя ручными пулеметами, готовые в любой момент прикрыть наш отход.

Помню, однажды утром, как только рассвело, мы увидали вблизи нашей обороны, махавшего белым платочком, перебежчика. Мы ему стали кричать, чтобы он подымался и шел к нам. Перебежчик оказался старшим лейтенантом. Волькенхаузен, пригласив его к себе в бункер, стал угощать завтраком. Мне пришлось уже в который раз, наблюдать благородство этого удивительного немца.

Для нас, казаков, он был командиром, которого мы любили и уважали, но пришедший старший лейтенант Красной армии был русский командир, с которым нас невидимыми нитями связывало национальное чувство. Как бы читая наши мысли, Волькенхаузен всячески старался показать, чту он не намерен ущемлять достоинство русского офицера. Он покрикивал на своего денщика, торопил его, приказывая, то поскорее принести воды, чтобы русский командир мог помыться, то еще что-либо. Многозначительно поглядывая на нас, давая нам понять, что мы должны быть предупредительны в отношении к русскому офицеру. И этим он еще больше вызывал в нас уважение к себе и солдатскую любовь.

«Вот они какие немцы», — вырвалось у старшего лейтенанта в разговоре с нами.

К великому сожалению он глубоко тогда ошибался, так же как ошибались и мы все. Таких немцев, как Волькенхаузен, были единицы. Да и собственно не в немцах было дело, а в гитлеровской бредовой политике нацизма. Последнее нам стало понятно гораздо позднее.

Летнее наступление немцев в конце июля 1942 г. далеко отбросило Таганрогский фронт в направлении куда-то к Сталинграду. Десятки тысяч советских военнопленных двигались по дорогам от Ростова к Таганрогу. Простояв еще две недели под Таганрогом наш эскадрон двинулся вперед.

Крупной рысью вошла наша сотня в родную станицу — Синявскую. Печальная картина ожидала нас. Тревожные мысли оправдались; станица были, пуста и разрушена. В уцелевших кое-где хатах были люди. Но все они были или глубокие старики-калеки или дети. От них мы узнали, что после отступления казаков с немцами, в станицу пришли советские части, а за ними

явились и нквдисты. Последние зверски расправились со всеми родственниками казаков-повстанцев. Осиротевшие казаки с острой болью в душе переживали эту трагедию, трагедию, которая была результатом действий сталинской власти, толкнувшей казаков на борьбу против такой власти, а затем наказавшей казаков, зверски уничтожив их родственников.

«С такой властью нужно бороться не на жизнь, а на смерть», — вспомнились мне слова, сказанные старым казаком еще в Таганроге, при моем вступлении в сотню. И действительно — компромисса с такой властью у нас не могло быть. Ненависть к советской власти у нас в то время достигла своей высшей степени.

«Хоть с чертом, лишь бы против Сталина», — говорили казаки.

Южнее Харькова, в августе, немцами была окружена и разгромлена советская группировка маршала Тимошенко. К немцам попало в плен огромное количество советской кавалерии.

Один наш взвод был командирован в район Харькова для подбора лучших лошадей для нашей сотни. Взвод вернулся с прекрасным конским составам, выбранным из бесконечного множества трофейных лошадей. Среди приведенных особенно отличался одни конь игреньевой масти с белой золотистой гривой и хвостам. Это был конь-красавец в полном смысле этого слова. Бывший с казаками в командировке помощник командира сотни немецкий старший вахмистр Ганс Пфайль, взял этого коня себе. «Донец» — назвал он его. Этот старый немецкий кавалерист, казалось готов был Богу молиться на «Донца» и заставлял казаков ухаживать за ним как за ребенком.

Однажды Пфайля по каким-то делам командир сотни послал я Таганрог, где все еще находился штаб нашего полка. Чтобы повидаться с родными, я попросил Пфайля взять меня с собой ординарцем. Он охотно согласился. На другой день мы должны были вернуться в сотню — в станицу Синявскую. Но случалось так, что ночью какая-то лошадь крепко засекла «Донца». Взбесившийся Пфайль готов рыл перестрелять всех лошадей. Но делать было нечего. Пришлось хромавшего «Донца» оставить в Таганроге. Строго, на строго приказав ветеринарному санитару лечить коня, он оставил меня в Таганроге, двадцать раз повторив, чтобы я не жалел овса для «Донца».

Две недели пришлось мне пробыть в Таганроге и вот тогда я увидел огромную разницу, произошедшую в отношениях населения города к немцам со времени занятия ими Таганрога. Мнения о том, что немцы пришли помочь в борьбе против советской власти и в помине уже не было. Всем было ясно, как

Божий день, что пришел жестокий и надменный враг с целью порабощения народов СССР.

Из тех же людей, которые встречали немцев хлебом-солью и цветами, уже находились, такие, которые говорили, что лучше свой поработитель чем чужой.

Проходя мимо немецкой местной комендатуры я увидел очередь из жителей города, пришедших с разными нуждами к коменданту города. В это время подъехала автомашина и какой-то немец в форме зонден-фюрера, выскочил из нее, быстро зашагал к входу в комендатуру. Один из просителей — старый человек — невольно оказался на пути немца. Сильно ударив стэком по голове несчастного старика так, что тот чуть было не упал, немец продолжал свой путь. Как нагайкой по голому телу стеганула меня эта сцена по моему национальному чувству. В первый раз во мне в высшей степени загорелось оскорбленное национальное чувство. Просители, понурив головы, молча продолжали стоять жалкой серой очередью. Это была такая-же очередь, которую мне не раз приходилось видеть у здания НКВД, желавшая узнать судьбу своих арестованных родственников. Разительное сходство сталинских опричников с гитлеровскими разбойниками было на-лицо. Разница была только в одном: сталинцы били за стенками НКВД, гитлеровцы прямо по улице.

Гуляя по городу я наблюдал подавленное состояние жителей города, — мрачные, невеселые лица, изможденные голодом и безнадежным положением. Всех, приютившихся у местные жителей города советских военнопленных, немцы уже давно собрали и отправили в лагеря военнопленных. Молодежь бесцеремонно, насильно отправляли на работы в Германию.

Везде и всюду наблюдалось хамское обращение с местным населением немцев и их напыщенное самомнение.

С болью в душе я покидал родной город. С трудом сдерживая застоявшегося «Донца», я медленно двигался по главной улице Таганрога — Ленинской. Следом за мной шла моя мать. Распрощавшись со мной, она все еще не хотела расставаться и шла за мной, стараясь не отстать от горячившегося подо мной коня.

Проходившее мимо немецкие солдаты и офицеры, останавливаясь, провожали глазами «Донца», дивясь красоте донской лошади. Уставшая мать уже далеко отстала от меня, но все еще шла. Оглянувшись в последней раз на свою мать, я пустил «Донца» рысью. Быстро промелькнули окраины города и я выехал и степь. Бесконечно родным запахом степных цветов повеяло на меня. Золотым, безграничным морем волновался донской ковыль. Справа поблескивало Азовское море. Выскочив на курган, сдержав

на секунду «Донца», оглянувшись на родимый город, я отдал повод. Прижавшись к золотистой гриве стелившегося намётом «Донца», забыл обо всем, опечалившем меня, а городе. Гулом гудела подо мною родная казачья степь. Вспомнились слова М. Шолохова: «Донская, казачьей нержавеющей кровью политая степь».

И, действительно, думалось мне, сколько крови было пролито казаками в борьбе за свободу этой степи… Какой ценой отстаивалась ими эта свобода!

Царская власть, спекулируя именем Христа, не раз водила на Дон против «воров» и «антихристов» обманутую темную мужицкую Русь подавлять очаг свободы. Не раз скрещивались казачьи шашки с царско-боярскими войсками. Много было пролито казачьей Крови; за то не знало казачество позорного крепостного права; за то полной грудью дышали казаки, поливая своею кровью родную степь.

Красный царь, Сталин прикрывается идеей Маркса думал я, в революцию 1917 г. большевики спекулируя этой идеей бросили против казачества миллионные армии вновь обманутых рабов. Смяли и подавили казачество. И вот уже 25 лет пытками к расстрелами выкорчевывают дух казачий. Поредели ряды казачьи, но дух у нас не угас. И выявился он при первом же случае. Поднялись и взялись за оружие казаки. Дон отдает своих последних сынов на борьбу за свободу родных степей; на борьбу в ужасных обстоятельствах — в союзе с не менее жестоким врагом. Но замахнувшись на одного врага, думалось мне, нужно рубить до конца, а потом посмотрим…

* * *

В конце сентября наша сотня двинулась вслед за немецкими войсками. Сотню вел старый немецкий ротмистр — Шеллер, сменивший старшего лейтенанта барона фон Волькенхаузе, отозванного куда-то командованием.

В Ростове, перейдя на правую сторону Дона, мы двинулись черед Кубань на Кавказ. В это время немецкие войска достигли Северного Кавказа и бои шли где-то под перевалами у Красной Поляны и под Туапсе. Немцы прошли через Кубань по главным дорогам и многие казачьи станицы и иногородние села, отдаленные от главных дорог, и в глаза не видали немцев.

Наша сотня не спеша продвигалась параллельно главной дороге и заходила во многие глухие станицы. Жители Кубани, после бегства советских властей, растащили колхозное

имущество и устраивали свое хозяйство как кто хотел — по своему. В больших станицах, где останавливались немцы, уже успели организоваться вооруженные казачьи отряды, которые несли полицейскую службу по охране станиц. Немецкие фронтовые части хорошо относились к кубанцам и поощряли их организацию. Кубанцы особенно приветливо встречали нашу сотню. Слух о нас далеко уходил вперед, причем страшно преувеличивалось наше количество. «Донцы идут, старший брат на подмогу идет, — разобьем, станичники, большевиков», — восторженно говорили кубанцы.

Обыкновенно при нашем приближении к станицам отряды вооруженных казаков, одетых кто во что горазд — кто в штатском, кто, Бог весть каким образом в сохранившейся черкесске, поджидали нас у въезда в станицу. Женщины и дети, сгорая от любопытства, толпились позади них. Встреча с кубанцами всегда сопровождалась радостными приветственными выкриками и веселыми шутками. Помню, сотенный балагур и весельчак, казак Иван Сусоев, подъезжая к толпе встречавших нас жителей станиц, спрашивал у толпившихся казачек:

«А что, бабоньки, далеколь отсель до советский власти?»

«А покатилась советская власть к такой-то матери!», «В Москву за песнями поехала советская власть» — отвечали какие-нибудь задорные казачки.

Смех и хохот сопровождали подобные шутки.

Останавливаясь на отдых, мы находили в каждой станице заботливый уход и полную чашу. Вечерами можно было слышать как захлебывались двухрядки, как разливались старинные казачьи песни, рассказывающие о казачьей вольнице, ее боевых делах и подвигах, о казачьей славе. Можно было повсюду видеть лихо пляшущих казаков и казачек. Воскресала Кубань, воскресала красавица из мертвых. Да, именно, из мертвых. Раздавленные гражданской войной 1918-20 г.г., а затем на протяжении многих лет систематически уничтожаемое Сталиным кубанское казачество в конце 1929 г. нашло еще в себе силы подняться на восстание против этого изверга. Восстание началось па Дону. Казаки станиц Кривлянской, Каргальской, Великокняжеской, Платовской и многих других, безоружные, только с вилами и топорами, поднялись на борьбу. Кубанцы также поднялись и в марте 1930 г., объединились с восставшими горцами Северного Кавказа, захватившими Моздок, Железноводск, Минеральные Воды, Майкоп и др. пункты. Перепуганный насмерть Сталин направил против восставших внутренние войска НКВД. Помимо этих войск на подавление восстания были брошены почти все части Северо-Кавказского военного округа. В подавлении

восстания были использованы авиация и танки. Восстание было жестоко подавлено в океане крови. Повстанцев, вместе с их семьями, колоннами гнали по снежным дорогам раздетыми и босыми энкаведисты с собаками. Сгоняли к железнодорожным станциям, где стояли заранее поданные эшелоны из товарных вагонов без воды, печей, уборных. По 70-100 человек загоняли в вагоны, закрывали на замки и пломбировали. Окна в вагонах были забиты досками и сверху обтянуты колючей проволокой. Эшелоны мчали несчастных казаков в Сибирь, на Дальний Север. Кошмарный ужас творился в вагонах: холод, голод, плач детей и матерей, самоубийства, болезни и смерть. Оставшихся в живых выбросили в сибирском лесу и заставили строить бараки и землянки. Дети, женщины, старики без одежды и питания, падали и умирали, как мухи. Утром можно было видеть целыми семьями повесившихся на деревьях людей.

После расправы за восстание Кубань и Северный Кавказ также как и Дон — омертвели. Дикой травой заросли казачьи станицы. Мертвой тишиной и безлюдьем веяло от опустевших станиц. Сталин пополнил казачьи станицы переселенцами из центральной России. Жалкие остатки казаков, вместе с прибывшим народом, стали молчаливо влачить свое голодное и жалкое существование и колхозах.

Вот почему, глядя на пробуждающуюся вновь жизнь, на песни и пляски казаков, можно было с полным правом назвать Кубань воскресшей из мертвых. Казачьи старинные песни, былины, рассказываемые старыми казаками, все больше и больше напитывали молодых казаков казачьим духом, казачьей нержавеющей кровью и делали из них таких-же казаков, какими были их отцы и деды — непримиримыми ни с каким насилием, ни с какой неволей, безгранично любящими свободу, на которой зиждилось и создалось казачество.

Веселилась Кубань. О советской власти никто и не думал… Омрачение наступило позже, — после прихода гитлеровской администрации. Правда, последняя относилась к населению казачьих областей гораздо лучше, чем к населению других оккупированных областей СССР. Очевидно по приказу свыше. В станицах, по традиционному демократическому казачьему обычаю, избиралась станичная власть в лице атамана и местной администрации. Но вся эта «казачья власть», сразу же попадала под строгий контроль немцев и всецело от них зависела. Сталинских «губернаторов» заменили гитлеровские.

Пройдя через Майкоп, наша сотня была направлена к Туапсе, а затем после некоторых боевых операций, переброшена в район Красной Поляны — под перевалы.

Почти всю зиму 1942-43 годов пришлось нам и этой горной местности вести изнуряющие бои с советскими партизанами. Немцы не были приспособлены и не желали вести какую-либо существенную борьбу в горной местности и, как правило, для борьбы с засевшими в недоступных аулах партизанами немцы использовали добровольческие части Кубанских и Терских казаков, а также добровольческие части, сформированные из местных народностей Кавказа. В начале войны советские партизаны представляли собой элемент чисто сталинской продукции, состоящий из энкаведистов, и просто фанатиков служивших Сталину за привилегии. (Гораздо позже, когда народы СССР поняли цели Гитлера, ряды советских партизан наполнились честными людьми). Часть из них просто не успела во время уйти, часть была преднамеренно оставлена по заданию Сталина. Вообще-же эти люди были пришлыми в казачьих и кавказских краях. Они были элементом, которым в 1930 году было подавлено казачье-кавказское восстание и им же позже терроризировалось местное население. Короче говоря, это была банда оккупантов, присланная Сталиным, которая путем террора и насилия держала в своих руках побежденные, свободолюбивые народы.

Приход немецких войск на Кубань и Северный Кавказ представил возможность вновь разгореться в этих местностях гражданской войне, которая, фактически, не прекращалась до конца 1942 года. т. е. до прихода немцев.

Противо-сталинские силы на этот раз состояли не только на тех, которые в 1918-20 годах боролись против большевиков (этого элемента было очень мало, — Сталин давно уже уничтожил его почти целиком, оставалось лишь небольшое количество стариков), но из элемента, который веря в идею коммунизма в гражданскую войну 1918-20 г. г. боролся на стороне большевиков. И, уже, конечно, противо-сталинские силы в подавляющем большинстве состояли из нового, выросшего при советской власти, поколения.

Однако, гитлеровцы не имели своей целью развязывать эту войну в полной мере и сдерживали ее в таких рамках, чтобы после победы над СССР можно было легко ликвидировать и тех кто боролся за свою свободу. Для добровольческий частей кавказа уже в зиму 1942 года было совершений ясно, что проводимая здесь гитлеровцами политика, преследующая якобы освобождение народов Кавказа от «русского» империализма и воссоздание самостоятельных независимых от России государств Кавказа, оказалась явным обманом. Обман подтверждался тем, что все стремления народностей Кавказа создать свои

собственные, независимые от немцев национальные вооруженные силы, не допускались немцами. Допускалось лишь определенное, весьма ограниченное количество добровольческих отрядов, возглавленных немецкими офицерами и к тому-же, разбросанных между немецкими подразделениями. Секретный приказ Гитлера № 2\15 переставал быть секретным.

Несмотря на это добровольческие отряды Кавказа продолжали сражаться на немецкой стороне с неослабевающей силой. Их ненависть к Сталину, после расправы над Кавказом в 1930, а затем в 1937-38 г. г. заглушала все остальное.

Врагом номером первым для них оставался все-таки Сталин.

Добровольческие части Кавказа состояли из людей, окончательно решивших вести бескомпромиссную борьбу против Сталина не на жизнь, а на смерть при любых условиях и в союзе с кем-бы то ни было. Немцев они рассматривали, как второстепенное зло, от которого можно всегда и легче избавиться. Наши, казачьи взгляды, на создавшееся положение в зиму 1942 года, были совершенно тождественными с добровольческими отрядами Кавказа.

С невыразимой ненавистью и презрением относились мы к тем, кто сознательно защищал Сталина.

Находясь все время между фронтовых немецких частей, которые ценили нас и весьма хорошо к нам относились, сдружившись с ними в боевой обстановке, мы не чувствовали той ненависти к немцам, которой наполнились те советские граждане, которые в тылу немецких войск непосредственно соприкасались с гитлеровской администрацией. В немецких фронтовых частях мы видели прекрасных солдат-товарищей, дисциплинированных и исполнительных; мы видели солдат, которые не подведут в бою, не бросят нас в случае чего на произвол судьбы и не отступят без приказа; мы видели в немецких фронтовых солдатах достойных нам, казакам, воинов, с которыми нас связала судьба и с которыми мы не боялись в любой момент, против любого противника, принять любой бой.

* * *

В начале зимы 1942 г. после больших потерь в ряде боев, наша сотня в первый раз была пополнена добровольцами из терских и кубанских казаков. Около пятидесяти местных молодых казаков заполнили наши потери.

Пользуясь нашей ненавистью к Сталину и советской власти вообще, нашей приспособленностью вести бои в горной

местности, зная о том, что мы живыми не будем сдаваться в плен, убедившись не раз в нашей высокой боеспособности и в упорстве, каким мы воевали против советских войск, немецкое командование использовало нас в самых опасных местах; бросало нас в бой против самых упорных советских частей.

Так, например, мы были брошены для разгрома крупных партизанских сил, собравшихся в когда-то бывшем кавказском ауле Сахрай и в станице Темнолесской. Местные жители рассказывали, что там собралась вся сталинская опричнина.

Пользуясь неприступностью гор, советские партизаны хорошо укрепились. Советская авиация снабжала их всем необходимым и поддерживала с воздуха в случае нападения противника. Горя ненавистью к населению за то, что оно хлебом-солью встречало немцев и вступило в борьбу против их хозяина — Сталина, они беспрестанно делали террористические набеги на местные казачьи станицы — уводили людей, грабили и многих расстреливали.

Немцы не имели достаточно сил ни своих, ни добровольческих, чтобы охранять в своем тылу все станицы, и население очень страдало от террора, чинимого партизанами. Последние также нападали на немецкие обозы и приносили им не мало вреда. Немцы несколько раз пытались выбить партизан из Сахрая и каждый раз неприступные горы выручали партизан и заставляли немцев с потерями откатываться назад. Тогда против злополучного Сахрая была брошена наша сотня. На помощь нам добровольцами вызвались казаки окрестных станиц. Вести открытое наступление, как это делали немецкие части, мы не намеревались. К этому времени немецкие командиры отделений и взводов были уже давно заменены добровольцами казаками, пополнившими нашу сотню, которые, как правило, были кадровые командиры Красной армии попавшие к немцам в плен. Командир сотни, ротмистр Шелер, хорошо говорил по-украински и не нуждался в переводчике. Как он, так и его заместитель старший вахмистр Ганс Пфайль, давно уже научились от нас вести борьбу казачьим способом.

Нападение на Сахрай было решено произвести по плану, предложенному местными старыми казаками, охотниками-зверобоями. Они знали каждую тропинку в непроходимых местах и гарантировали, что проведут нас к Сахраю незаметно и к такому месту, откуда партизаны совершенно не могут ожидать на них нападения.

Сгруппировавшись в станицы Даховской наша сотня, совместно с местными казаками-добровольцами, двинулась к Сахраю. Кажется два или три взвода (точно не помню) немецкой

противовоздушной и горной артиллерии сопровождали нас. Их задачей, было как можно ближе продвинуться к Сахраю и в случае нашего отступления или нападения на нас советской авиации, поддержать нас своим огнем. Я помню нам, донцам, не особенно хотелось лезть в такую дыру, как Сахрай, тогда как местные казаки, горя страшной ненавистью к сталинским террористам, рвались в бой, к тому-же горы были их родной стихией. Идя с нами в бой один старик жаловался нам, что партизаны забрали у него внучат: девушку девятнадцати лет и хлопца-подростка. Спустя некоторое время хлопца нашли застреленным в лесу недалеко от станицы.

«Надежда на сына была, — погиб где-то на фронте, а теперь, вот, внука лишили, осиротили мою старость», — утирая слезы сокрушался несчастный старый казак.

«Ничего, не горюй, дед, — утешали его казаки, — мы им сейчас дадим закурить, мы им устроим «советскую власть», по нашему, по казачьему. Они у нас напьются казачьей кровушки досыта».

Трудно пересказать те трудности, которые пришлось нам испытать карабкаясь по отвесным скатам, покрытым ледяной коркой смерзшегося снега. В кровь истерлись окоченевшие пальцы. Нагруженные оружием и боеприпасами казаки скатывались вниз и вновь упорно карабкались вверх. В одном месте пришлось переходить какой-то бурный приток реки Белой. Там, где вода текла спокойнее, образовался лед, но как только на него ступили, он провалился и мы по пояс в ледяной воде перебрались на другую сторону.

В те времена, при походе на Сахрай, нас уже не могли остановить никакие препятствия. Мы уже были не теми казаками-подростками, какими мы были под Таганрогом — «не обстрелянными воробьями». За один год испытаний в тяжелых боях мы многому научились и ко многому привыкли; ко многому тому, что неизбежно на фронте, в боях постигает людей — научились смело смотреть в глаза смерти.

К рассвету Сахрай был окружен. Мы поддерживали радио-связь со всеми остальными группами, которые подошли к назначенным пунктам и ожидали сигнала для атаки. Утренний свет озарил под нами котловину, в которой, среди небольших холмов, лежало небольшое селение. В воздух взвились светящие ракеты и мы, как снег на голову, свалились на не ожидавшего нас противника. С ходу нам удалось занять первое кольцо обороты. Мы видели, как по улицам, сломя голову, мотались партизаны. Однако, не смотря на панику, в первый момент, они скоро опомнились и стали упорно сопротивляться, зная, что пощады им

с нашей стороны не может быть и не будет. Завязался ожесточенный бой между людьми одной национальности, принадлежащими к одному государству.

Разница были только лишь в том, что одни были патриотами, порабощенного родного края, другие — патриотами сталинской системы. Впрочем, какими там патриотами, просто-на-просто шкурниками, не желавшими расстаться с тем благополучием, которое они имели, служа Сталину.

Как-то читая труд о революции в России 1917–1918 г. г. мне пришлось прочесть воззвание к народным массам большевистского главковерха Крыленко. Последний, призывая народные массы к беспощадному террору в борьбе против белогвардейцев, в своем воззвании говорит, что в войнах, которые ведутся между государствами воюют по вине правительств не враги, но братские народы, и что только в гражданской войне борьба идет между подлинными врагами. Мне кажется, что в данном случае такое мнение большевистского главковерха совершенно справедливо. В гражданскую войну в России борьба шла, действительно, между двумя крайне враждебными слоями населения. С одной стороны имущим классом, в лице помещиков и капиталистов, не желавших создавать человеческие условия работавшим на них крестьянам и рабочим и считавших такое явление совершенно законным и, с другой стороны, пролетариатом, в лице безземельных крестьян и рабочих, требующих этих человеческих условий для себя от своих господ и, в конце концов, решившихся отвоевать себе силой свободу и равенство у реакционного царского режима после того, как увидели, что их требования путем забастовок разгоняются царской жандармерией и сопровождаются ссылками в Сибирь и тюремным заключением. Картины кровавой Октябрьской революции, а затем всей Гражданской войны были по истине кошмарными.

Миллионные массы взбаломученных рабов, почувствовавших свою силу и подхлестываемые большевистскими лозунгами с остервенением вырезывали своих господ. Последние расплачивались той-же монетой и при продвижении Белой армии вперед, беспощадно пороли своих «дерзких» рабов и силой восстанавливали свои потерянные права и благополучие. Так, что отрицать мнение Крыленко не приходится.

Но это же мнение совершенно одинаково подходит и в отношении к освободительной борьбе народов СССР 1941-45 г. г., которая стала возможной только при случайном вмешательстве иностранной силы, в данном случае — гитлеровской Германии. (Кстати борьба народных трудовых масс против царского режима

оказалась возможной так-же только при вмешательстве иностранной силы — кайзеровской Германии). Тут также боролись между собой два враждебных слоя.

В описываемом мною бою в Сахраи произошла схватка между яркими выразителями этих двух враждебных слоев — рабов и господ. Правда красных господ — защитников сталинской власти — рабовладельцами назвать нельзя, так как по-сути они были только надсмотрщиками нового усовершенствованного совершенно новой системой насилия рабовладельческого строя.

В этом новом рабском строе полным хозяином-рабовладельцем оказался только один — красный император Иосиф Сталин.

Сопротивление красных партизан было сломлено. Мы их прижимали к умышленно оставленному проходу. Нащупав выход, они ринулись в него в надежде выйти из окружения, но поджидавшая казачья засада выкосила их почти до единого. Бывших в плену у партизан местных жителей мы забрали с собой.

Отойдя три-четыре километра от Сахрая, мы услышали гул моторов. Прилетевшие советские самолеты принялись бомбить горевший Сахрай в то время, как в нем уже не было ни одной живой души.

В станице Даховской, Каменомотской нас поджидали местные жители с радостью встречаясь со своими освобожденными родственниками.

«Ну, как?» — с беспокойством спрашивали нас жители.

«Отправили советскую власть к Богу в рай», — отвечали посмеиваясь казаки.

Раненные в бою казаки были отправлены в госпиталь; убитые — с почестью похоронены.

Спустя некоторое время наша сотня была переброшена для боевых операций в другое место.

* * *

Наступивший перелом после поражения немцев под Сталинградом отбросил немецкий фронт назад, к Таганрогу. Случившееся принуждало немцев поспешно покинуть оккупированный Северный Кавказ и Кубань.

Снегопад, гололедица, бездорожье, а затем весенняя распутица, делали отступление немецких войск катастрофическим. Оставлялось огромное количество военного снаряжения. Десятками километров стояли тысячи горевших немецких автомашин. Горели, утопая в липкой грязи. В городах, в станицах, пылали немецкие военные склады. Немцы сжигали все,

что не могли взять с собой. Взрывались городские учреждения, казармы и т. п., спиливались телефонные и телеграфные столбы. Уничтожалось все то, чем могли-бы воспользоваться следовавшие за немцами советские войска. Пламя и дым сопровождали уходивших немцев. Отступление немцев с Кавказа и Кубани не было для них столь трагично, сколь это оказалось трагичным для жителей этих краев. Не потому, что немцы сжигали все на своем пути, не потому, что вновь пришлось этому несчастному народу переживать ужасы войны, но потому, что приходилось поневоле покидать родной дом, родимый край — Родину — Отечество — и уходить с врагом в неизвестность. Уходить с врагом приходилось не потому, что этот чужеземный враг принуждал идти с собой — нет. Бежать приходилось от Красной армии — от своих. Вместе с наступающей советской армией шел внутренний враг, — враг смертельный. За спинами фронтовых солдат шли полчища сталинских надсмотрщиков, шли подлинные враги народа, щелкая зубами в предвкушении кровавой расправы. Миллионы, беженцев тащились по степям Кубани. Трагичную картину представляли эти беженцы. За неимением транспорта (немцы мобилизовали для своих нужд буквально всех лошадей) шли пешком по сугробам снега, по обледеневшим дорогам, а весной — по колено в вязкой грязи: женщины, дети, старики, старухи. Больных, немощных и малый детей тянули на санках, на тележках, а то и несли на руках. Изнемогшие, потерявшие силы двигаться, падали и, прижимая к себе малых детей, тоскливым, полным ужаса взглядом, провожали уходивших. Гремевшие пушки все ближе и ближе приближали кровавую расправу — шли полчища сталинских палачей.

Едва-ли можно словами описать этот ужас; ужас, постигший миллионы советских граждан. Такая-же картина творилась не только на Кубани, но по всему фронту — от Ленинграда до Черного моря. Миллионные массы беженцев бежали от своей армии, прося защиты у чужеземного, презирающего их жестокого врага.

Неслыханное в истории человечества явление. Чудо двадцатого века. Бежали миллионы «изменников». Кому изменили они? — своему смертельному врагу Сталину? Но врагу-ж не изменяют. Изменить можно другу. Изменили Родине? Но изменниками Родины могут быть единицы, десятки, сотни, ну, пускай, тысячи, но не миллионы же в конце-то концов. Приходили же в Россию не раз чужеземные враги. И каждый раз народы России, даже при «проклятых царях», вставали грудью, не щадя жизни, жен, детей и имущества, на защиту и спасение своего Отечества.

Царский режим не был сладок для трудового народа. Величайшие русские поэты, как Пушкин и Лермонтов, за критику власти подвергались преследованию, не говоря о менее известных писателях и поэтах. Требования рабочих, выражаемые забастовками, рассматривались царской властью, как бунты, разгонялись жандармерией и сопровождались арестами и тюремными заключениями. Больше того: барин бил своего мужика, офицер бил солдата. В крепостное право барин покупал и продавал своих крепостных, как скот.

Лермонтов, не спроста сосланный на Кавказ за свое стихотворение «На смерть поэта», посвященное величайшему русскому поэту А. Пушкину, писал:

«…Прощай, немытая Россия,
страна рабов, страна господ,
и вы, мундиры голубые,
и ты, послушный им, народ…»

И несмотря на эту «немытую Россию», «изменников» Родины в борьбе против внешних врагов России тогда не было. Отступала наполеоновская армия также, как и гитлеровская из России, но этих миллионов «изменников» и в помине не было. Не было даже единиц. При чем французы не были нацистами и не называли русский народ унтерменшами, наоборот, Наполеон пытался подкупить русских крепостных крестьян обещанием свободы. Но изменников Родины не оказалось. Всему культурному миру известно, каково было отношение гитлеровцев к народам СССР и, не смотри на это, с гитлеровской армией уходили миллионы беженцев.

При начавшемся отступлении немцев с Кавказа, после небольших боев с передовыми частями красной армии, оторвавшись от противника, наша сотня отступала в направлении к Майкопу. Под Майкопом нас настигли советские войска. В станице Ханской завязался бой, однако атака их была отбита и на следующее утро мы продолжали отходить. Немецкая авиация очень помогала отходившим войскам, бомбежками ослабляя советские силы еще на исходных позициях.

Немцы отступали спокойно, не торопясь, крепко огрызаясь. Оставляемый, из-за бездорожья, механизированный транспорт, много ослаблял их боевую мощь, однако, паники не было и по прежнему железная дисциплина царила в армии.

Покачиваясь в седлах, мы обгоняли шагавшие колонны немцев. Без особенных препятствий мы пересекли все левобережье р. Кубани. У станицы Усть-Лабинской мы переправились на другую сторону реки. Чтобы дать возможность отойти сгрудившимся войскам вдоль возвышенного правого

берега р. Кубани, немцы поспешно создали оборону. Немецкое командование оставляло минимум войск для прикрытия отходивших основных своих сил. В большинстве это были добровольческие отряды горцев и казаков. Оборонительный фронт был жидким с большими, зачастую в несколько километров, промежутками. Между этими промежутками беспрестанно курсировали патрули. Вдоль правого берега р. Кубани, тянутся казачьи станицы.

Остановившись в станице Старокорсунской, наша сотня заняла оборону вдоль берега Кубани. Той-же ночью в станицу пришел добровольческий Азербайджанский батальон. Отступая с Кавказа, этот батальон попал где-то в окружение и был сильно потрепан. Я думаю, что их пришло в станицу не больше роты. Они заняли справа от нас оборону и их обоз разместился вместе с нашим в станице. На другое утро все левобережье Кубани было занято настигшими нас советскими войсками. Советская артиллерия начала обстреливать нашу оборону. С наступившей ночью появились нащупавшие немецкую оборону советские разведчики.

Через два дня силы советских частей увеличились; можно было видеть, как беспрестанно подходило большое количество советских войск, сосредотачиваясь в прибрежных станицах. Разведки их участились. Стали появляться даже днем. Становилось очевидным: советские войска готовятся к большому наступлению. В соседней станице, в Васюренской, стоял в обороне отряд кубанских казаков (принадлежавший какой-то немецкой части; какой — не знаю). Утром мы получила от них известие, что их разведка в 12-ть человек, вышедшая прошлой ночью в направлении советской обороны, не вернулась.

С наступившей темнотой из Васюренской Старокорсунской вышли казачьи разведки с заданием отыскать следы пропавших казаков. Мне пришлось участвовать в этом поиске. Мы их нашли у самого берега Кубани. Все были убиты. Снег засыпал их тела, но из под снега виднелись руки и ноги. Убедившись, что это тела пропавших казаков, мы повернули обратно. Сильный ветер оголял ледяной покров Кубани и наметал сугробы. Скользя и закрывая от острого, как иголки сыпучего снега лица, мы пробирались к своей обороне. Неожиданно мы заметили, что слева, параллельно нам, двигаются гуськом, подобно нам, люди. Присмотревшись мы увидели еще несколько таких-же двигающихся колонок. Мы знали, что вышедшая из станицы Васюренской казачья разведка находится от нас с правой стороны и, к тому-же, их было также, как и нас, всего пятнадцать человек. А тут двигалось большое количество людей. Становилось ясным, что мы двигаемся к своей

обороне с наступающими советскими частями. Взяв вправо, мы увидели то же самое: по белоснежному покрову двигались такие-же колонны. Несмотря на то, что ночь была темной и падал снег, все-же на белоснежном фоне вырисовывались темные двигающиеся тени людей.

Мы видели советских воинов, а следовательно, и они видели нас. Ясно, что, как слева, так и справа от нас идущие советские воины, принимали нас за твоих. Отойдя на середину р. Кубани, оглянувшись, мы увидели еще худшее — за нами они шли уже цепью.

Положение становилось крайне критическим, — советские воины могли к нам приблизиться и распознать нас. Хотя снег и запорошил нас, но мы были в казачьих шапках-папахах и кубанках, советские-же были в шапках-ушанках. К тому-же мы не знали ни одного наименования из идущих по обе стороны и сзади нас советских частей. Мы не знали их пароля и вообще не имели никаких данных о противнике. Командир нашей разведывательной группы, молодой, но опытный урядник Е. (бывший командир Красной армий — лейтенант артиллерист) приказал нам в случае, если кто из советских солдат подойдет и будет что-либо спрашивать, не отвечать на вопрос, а сказать — «спросите лейтенанта» и сразу-же заколоть спрашивающего, «чтоб и не пикнул» — приказал урядник Е.

Мы спешили приблизиться к нашей обороне раньше, чем это сделают они. Опасность оказаться в плену у «отца народов» придала нам сил и мы начали быстро приближаться к своей обороне. Вероятно, раньше вышедшие разведки советских частей, были обнаружены и впереди нас уже началась перестрелка. Через несколько минут по всему фронту от Старокорсунской до Васюренской застрочили немецкие пулеметы, завыли мины, била артиллерия. Светящиеся ракеты повисли в воздухе. Со свистом разрывались падавшие вокруг нас снаряды и мины. С бугров строчили по нам наши же казаки. Однако нам приходилось продолжать двигаться к своим под их огнем. Другого выхода у нас не было: за нами уже совсем близко перебегали наступающие цепи советских солдат. Мы не могли дать условный сигнал своим — красную ракету — о нашем подходе, так как этим мы сразу же обнаружили бы себя перед противником. Оставалось только одно — не выдавая себя, продолжать «наступать» на свою оборону. Мы спешили к плавням, чернеющим у бугров, вдоль которых тянулась ваша оборона. Мы тянули с собой трех раненых казаков. Один — тяжело раненый — захлебываясь кровью все время просил — «добейте меня, братцы, добейте!».

Едва достигнув плавней, мы одновременно дали красную

ракету и открыли огонь по наступающим цепям противника. Последние, сейчас-же открыли по нам ураганный огонь и стали нас преследовать, стараясь нагнать. Поняв в чем дело, с нашей обороны стали бить выше нас. Казалось, мы были уже спасены, как вдруг из плавней нас неожиданно обстреляли. Оказалось, что в плавнях притаясь сидели уже давно подошедшие советские отряды и, вероятно, ожидали только подхода более крупных своих сил, что-бы броситься на нашу оборону. (Как выяснились позже, такие группы противника были сосредоточены вдоль всей нашей обороны на протяжении 5–7 километров).

В результате получилась такая каша, что никто из нас в первый момент не мог понять откуда и кто в кого стреляет. Для сидевших в плавнях советских воинов и наше появление было неожиданностью и они вероятно, подумали, что попали в окружение и с перепугу не стали нам оказывать особого сопротивления. Нами же в тот момент скорее владел страх, нежели смелость и мы бросились вперед к своей обороне, стреляя перед собой и назад и, наконец, пробились к своим окопам. Помогла много ракетница. Урядник Е. все время стрелял красные ракеты, обозначая наше продвижение, иначе нас всех побили бы свои.

К этому времени уже начало светать. Снегопад-метелица утихал и видно было, как по всему фронту наступают цепи Красной Армии. Немецкая артиллерия и минометы ураганным огнем засыпали наступающее советские части и принудили их, в конце концов, остановиться. Тем не менее было видно, как подходили новые и новые части Красной Армии. Очевидно, советское командование, старалось развить наступление, однако это им не удалось. Все их попытки, оставались тщетными. Советская артиллерия, прикрывавшая наступление советских частей, не могла принести какой-либо вред ни нам, ни немцам, сидевшим в окопах и нисколько не ослабила нашу оборону.

Наступление советских частей захлебнулось и стадо видно, как по всему фронту от станицы Васюренской до станицы Старокорсунской началось их поспешное отступление. Видно было, как в беспорядке, засыпаемые шрапнелью, они откатывались назад. Разгоряченные боем и ободренные их отступлением, казаки бросились их преследовать.

Из наших окопов нам было видно как 1-й и 2-й взводы нашей сотни выскочив из своих окопов с криком «ура» бросились вниз к плавням. Вскочив в плавни они обнаружили притаившихся там невольных и несчастных наших противников. Последних было так много, что они могли-бы голыми руками передушить горсточку бросившихся на них казахов, но страх, овладевший ими,

растерянность, отсутствие боевой подготовки, а главное, нежелание воевать привели к тому, что все они, не сделав ни одного выстрела, целыми взводами, бросая оружия, подымались и с поднятыми руками сдававшей. Это были люди от 45-ти до 60-ти лет. Командование Красной Армии собирало на своем пути и без всякой военной подготовки, кое-как обмундировав, гнало их на убой. Как правило, вслед за этими батальонами смертников шли уже более или менее подготовленные советские войска.

К вечеру, казаков, участников разведки отпустили с обороны обогреться и отдохнуть в станицу Старокорсунскую. Почти весь эскадрон был на обороне и в станице находился только обоз, да раненые и больные казаки. Не успев отдохнуть, мы той же ночью были подняты по тревоге, и брошены в бой, против прорвавшегося большого советского отряда, недалеко от станицы Васюренской. Прорвавшийся отряд занял оборону в роще, которая углом сходила вниз к р. Кубани. Несколько станковых пулеметов «Максим» засыпали свинцовым градом наступающую горсточку казаков. Кажется, одно или два отделения немцев вышли нам на помощь из станицы Васюренской.

С большим трудом прорыв был ликвидирован. Советский отряд откатился назад, оставив нам четыре станковых пулемета. Тут-же невдалеке стояла какая-то полуразваленная хата. Выдолбив штыками в мерзлой земле кое-как окоп для пулеметного расчета, мы укрылись в хате от ледяного ветра и разыгравшейся пурги. Каждые пол-часа приходилось сменять дежуривших у пулемета. Леденели ноги и руки, нестерпимый холод сковывал все тело.

Всю ночь справа и слева по всему фронту шла беспрерывная перестрелка. Трассирующие пули и ракеты освещали р. Кубань. К утру перестрелка участилась. Советские войска повели сильный артиллерийский огонь по нашей обороне. Справа от нас в станице Старокорсунской кипел сильный бой — беспрерывно захлебывались пулеметы и слышались крики «ура».

К утру, когда стало светать, к нам прибежало трое солдат из добровольческого азербайджанского батальона. Они сообщили нам, что советские части прорвали их оборону и заняли станицу Старокорсунскую, что весь их батальон попал в плен и только им троим удалось уйти.

Утренний свет озарил р. Кубань. На белоснежном покрывали вырисовывались одна за другой наступающие цепи советских частей. Беглым минометным огнем засыпались наши окопы. Уже второй раз раскаленный до отказа пулеметный ствол приводилось сменять. Что-бы не подпустить близко к своим окопам противника приходилось вести огонь не прекращая его ни

на минуту. Справа от нас мы видели, как взвод урядника Карюка уже в третий раз отбил атаку советских воинов, заставив их откатиться назад.

Помнится два или три часа после того, как рассвело, мы вели ожесточенное сопротивление, но в конце концов нам пришлось его прекратить — у нас не стало чем стрелять. Пулеметные ленты были пусты, а в патронных ящиках не было больше ни одного патрона. У нас остались лишь ручные гранаты, да по нескольку патронов на винтовку. Отступать нам было некуда. Становилось совершенно ясно, что нам и тем казакам и немцам, которые дрались под станицей Васюренской отход отрезан. Однако в Васюренской еще кипел страшный бой: очевидно советским частям не удавалось сломить сопротивление ее защитников.

Между тем, стихнувший было бой в станице Старокорсунской, неожиданно вновь разгорелся. Мы прислушивались к отдаленным, доносившимся ветром, крикам и старались понять, что происходит в станице Старокорсунской, которая для нас была в этот момент спасительным маяком.

Наступающие на нас цепи советских частей были совсем близко; мы уже видели, как они перебегают почти не ложась, а многие просто во весь рост идут на перевес с ружьями. Становилось ясно для каждого из нас — как только они кинутся в атаку, мы будем все убиты или должны будем сдаться в плен. Ни того, ни другого мы не желали. Оставалось только-одно: — оставшиеся ручные гранаты «использовать» для себя.

Командир нашего отделения, урядник Е., положив перед собой две ручные гранаты, сказал: «Одна пойдет туда, а другая для меня, кто желает, следуйте моему примеру».

Страшно умирать… Тот, кто говорит что он не страшится смерти, нагло лжет. Правда натянутые до предела нервы притупляются, наступает какое-то необъяснимое подавленное безразличие. Я хорошо помню это, охватившее меня, чувство; думается, что в тот момент оно владело также и другими казаками.

Мы все последовали примеру нашего храброго молодого командира, и молча смотрели на приближающихся советских воинов.

«А у меня дома птенчики остались», — сказал казак И. П., тот самый, которого мы под Таганрогом взяли в блиндаже советской обороны. Я видел, у него по щекам катились слезы. Никто ему не ответил ни слова. Не у него одного остались дома дети, жены, матери и отцы. Война брала свои жертвы, не считаясь ни с чем.

В эти страшные для нас минуты, со стороны станицы Старокорсунской появилась, мчавшаяся к нам наметом, пара

коней, впряженных в сани. Стоящий во весь рост казак, размахивая вожжами, беспощадно порол лошадей. «Наша, наша станица!» — кричал он, пожирая нас горящими глазами. Это был все тот-же сотенный балагур и весельчак и до безумия храбрый казак, Иван Сусоев.

Как задыхающемуся без воздуха, поданный кислород возвращает жизнь, так и слова «наша станица» вернули нам жизнь.

Сусоев привез нам несколько ящиков патронов, бак горячего кофе с ромом, хлеб, консервы и шоколад. С лихорадочной быстротой набивали мы окоченевшими пальцами пулеметные ленты. Через несколько минут вновь заработал наш пулемет.

В это время за нашими спинами открылся ураганный артиллерийский огонь; подошли немецкие горные стрелки на машинах на гусеничном ходу, присланные из тыла ненецким командованием и стали засыпать артиллерийским огнем наступающие советские части.

Казак Сусоев рассказал нам, что ночью несколько советских рот, прорвали фронт у азербайджанцев и ворвались в станицу. Казаки, старики из хозяйственного взвода, организовали круговую оборону, где стоял тыл нашей сотни и продержались там до утра. Вызванная по радио ротмистром Шеллером помощь, подоспела во время. Немцы охватили Старокорсунскую со всех сторон и отрезали отход прорвавшимся советским отрядам к р. Кубани. После небольшого боя они сдались в плен. Сразу же после этого ротмистр Шеллер послал Сусоева к нам, приказав ему, живому или мертвому, доставить нам патроны и продукты питания. Сильный артиллерийский огонь остановил наступление советских частей, а через некоторое время заставил их отступить. Ободренные, мы бросились преследовать. Ворвавшись в плавни, мы обнаружили ту же картину, что и прошлым утром: в плавнях сидело много советских солдат. Без единого выстрела они подымались и шли навстречу нам, сдаваясь в плен. Это были серые, обездоленные, голодные и полураздетые люди — рабы сталинской империи. В вещевых мешках они имели паленую пшеницу, кукурузу, лук и брюкву.

Охваченные радостью вернувшейся к нам жизни, мы радостно пожимали руки этим несчастным людям — нашим братьям по крови и духу, с которыми политические авантюристы — Сталин и Гитлер — принуждали нас вести братоубийственную войну. Мы угощали их горячим кофе с ромом, отдавали им свои продукты. Охваченные тем-же чувством, что и мы, они крепко пожимали нам руки, благодарили и проклинали Сталина и его сатанинскую власть.

К вечеру мы вернулись в станицу Старокорсунскую. Переночевав в уцелевших хатах, на другое утро мы продолжали отступление. На этот раз приходилось отступать пешими. Наши кони, находившиеся в станице Старокорсунской, в течении ночного боя в станице, были почти все перебиты. Уцелевших лошадей пришлось использовать для обоза. Сотня стала пешей…

В описываемых мною боях у станиц Васюренской и Старокорсунской и ранее описанном бое на Северном Кавказе, в ауле Сахрай, есть большая разница.

В Сахрае, как уже было сказано, дрались яркие выразители двух крайне враждебных слоев сталинской империи — рабов и господ.

У станиц Васюренской и Старокорсунской дрались — с одной стороны, советские солдаты-рабы, гонимые в бой сталинскими опричниками, с другой — в лице казаков, сбежавшее от Сталина те же рабы, которые, приняв немцев в начале войны за союзников в борьбе против Сталина, попали в величайшее предательство и оказались невольными рабами Гитлера.

Первые — в силу сталинской системы террора вынуждены были нападать, вторые, — естественно, защищаться.

Братоубийственная кровавая бойня происходила по вине двух величайших политических преступников — Сталина и Гитлера — ввергнувших человечество в ужасное бедствие.

Отрицать только-что сказанное могут только люди без всякого стыда и совести, или же умалишенные.

* * *

Вновь оторвавшись от противника мы отходили в направлении Краснодара. На своем пути мы часто встречали небольшие отряды кубанских и терских казаков. В одном месте нашей разведке пришлось встретиться с разведкой крупной казачьей части.

Подошедшие к нам казаки имели красные погоны. На плечах их командира были погоны казачьего хорунжего. После взаимных приветствий мы разговорились. Они нам сказали, что их разъезд из казачьего, Атамана Платова, полка. (Генерал граф М. И. Платов — легендарный герой и Атаман Войска Донского из времен Отечественной Войны 1812 г.).

Хорунжий сообщил, что он бывший сержант Красной Армии. Наш урядник Е. ответил ему, что он бывший лейтенант Красной Армии.

«Вот мы и поменялись чинами», — смеясь, сказал хорунжий.

Перекинувшись несколькими шутками мы разошлись.

С большим трудом мы, наконец, вновь сели на коней. Хотя это и были в большинстве «колхозные клячи», подобранные нами по пути, но все-же кони, и мы снова стали конными.

Краснодар (бывшая столица Кубанского Войска — Екатеринадар, переименованная большевиками в Краснодар) мы проезжали ночью. Город был окутан дымом и пламенем. В воздух взлетали взрываемые дома. Немцы, оставляя город, старались разрушить его, как только могли. Сильный с морозом ветер раздувал пламя и огненное зарево далеко освещало кубанскую степь.

С гробовым молчанием смотрели мы на сжигаемый город. Уставшие кони, понуро опустив головы, медленно несли нас сквозь это ужасное зрелище.

Массы беженцев, с искаженными, бледным лицами, полураздетые и голодные с ужасом смотрели на горящий город. Беспрестанные взрывы, гул массы двигающихся людей, конский топот и плач детей, сопровождали ужасную картину. Издалека, наводя ужас на беженцев, слышался гул советской артиллерии.

И вдруг, совсем неожиданно, заставив встрепенуться и оторвать глаза от пламени, кто-то, ехавший в первых рядах сотни, запел Кубанский войсковой гимн:

«Ты Кубань, Ты наша Родина,

Вековой наш богатырь»…, и сразу же подхватила вся сотня:

«Многоводная, раздольная.

Разлилась ты вдоль и ширь».

По дороге, сбоку от нас, двигалась бесконечная вереница подвод с беженцами и все как один, четко выговаривая слова, включили свои голоса:

«Из далеких стран полуденных

Из турецкой стороны,

Бьем челом, Кубань родимая

Твои верные сыны»…, и уже издалека, где в дыму и пламени терялся хвост беженских подвод, слышалось:

«Мы, как дань свою покорную,

От прославленных знамен

Шлем тебе, Кубань родимая,

До сырой земли поклон»…

Немцы с удивлением и непониманием смотрели на поющих людей. Какой-то немецкий унтер-офицер, верхом подъехав к нам, коверкая русские слова, спросил:

«Варум петь? Плакать надо».

«Не поют… плачут они… езжай к… матери!» — ответил ему кто-то из ехавших впереди меня казаков.

И, действительно это были не песни, а горький плач прощания с Родиной. Плач измученного и истерзанного народа, плач остатков недобитого Сталиным вольнолюбивого народа, оплакивавшего свою любимую, покидаемую разоренную родину.

«О тебе здесь вспоминаючи, —
За тебя не постоять,
За тебя, Кубань родимая,
Жизнь свою ли не отдать!» — разносились вокруг слова этой чудной песни-гимна.

Отступая через Кубань, нам пришлось увидеть и другую не менее потрясающую картину: дороги, по которым мы двигались, были устланы расстрелянными советскими военнопленными. Немцы не успевали угонять их в тыл и не желая оставлять их советским войскам, расстреливали их. Жители-очевидцы рассказывали нам, что немцы гнали колонны военнопленных раздетыми и умирающими от голода. Те, которые, потеряв силы, не могли больше двигаться, расстреливались.

Вид этих, измученных голодом трупов, требовал от следовавших за немцами советских солдат, возмездия. Немцы нашей сотни старались не смотреть нам а глаза, явно понимая наше душевное состояние.

Отступление немецких войск на Ростов было отрезано и немцы отступали на Тамань, намереваясь через Керченский пролив переправиться в Крым. Из станицы Славенской немецкие транспортные самолеты типа «Юнкерес-88» перебрасывали в Крым немецкие части, а также казачьи отряды. Оттуда-же один взвод нашей сотни, под командованием казачьего урядника А. М., был погружен на самолет и отправлен в Крым. (К сожалению, мы с ним больше никогда не встретились).

Поджидая своей очереди на самолет, мы вдруг получили приказание продолжать движение. Придя ночью в станицу Анастасиевскую, мы получили сообщение, что путь отступления отрезан. Советские войска подойдя со стороны Азова заняла хутора Свистельниковы, которые тянутся 10–15 километров среди болотистой местности. Выбив оттуда, находившиеся там румынские части, какая-то советская дивизия отрезала нам путь отступления.

Утром мы были брошены на прорыв фронта. Немцы не могла бросить в бой танки, так как все плавало в грязи. Весенняя распутица сделала совершенно непроходимыми все дороги и затопила все вокруг водой.

В бой шла исключительно пехота по колено в воде. Спешившись у небольшой рощи, мы пошли в наступление. Справа и слева от нас наступали немецкие части и другие казачья

отряды. Продравшись до вечера, не продвинувшись ни на шаг вперед, понеся большие потери, мы откатились назад.

На другое утро, ровно в 8 часов, мы вновь пошли в наступление. В воздухе появились стаи немецких самолетов «Штука». С визгом набросились они на советскую оборону. В течении двух часов стая за стаей «Штук» месили хутора Свистельниковы. Сопротивление советских частей было сломлено. Убегающих по колено в воде советские солдат, «Штуки», на бреющем полете беспощадно расстреливали с бортового оружия, ни одного советского самолета в этом бою мы не видели.

На другое утро мы продолжали отступление.

Пройдя через станину Курчанскую, мы вошли в город Темрюк. Отступившие к Тамани немецкие войска оказались плотно прижатыми к морю многочисленными советскими войсками. Однако немцы, выбравшись на сухую почву, удачно организовали прочный фронт, который тянулся от станиц Курчанской и Варениковской к Новороссийску. Все, почти беспрерывные, атаки советских войск оказывались тщетными. Немцы упорно и твердо держали здесь фронт, назвав его Кубанским предмостным укреплением. Советские войска неоднократно пытались ударом с фланга захватить Темрюкский порт. Советское командование бросало огромные количества пехоты, которая по трясине, через бесконечные болота, залитые водой и поросшие густым камышом, таща, за собой лодки, нагруженные оружием и боеприпасами, по колено в воде, подходила к немецким укреплениям и бросалась в атаку. Немцы, перед своими оборонительными пунктами, окруженными несколькими рядами колючей проволоки и густо заминированными, как правило, имели свои передовые дозоры. Эти дозоры круглые сутки плавали на резиновых лодках и при приближения противника подавали сигнал. Сейчас-же, вызванные по радио, появлялись немецкие «Штуки» и начиналось избиение «младенцев». «Штуки», вооруженные пушками и пулеметами, пикируя, били на шрапнель, на бреющем полете совершенно безнаказанно выкашивали из пулеметов советскую пехоту. Улетавшую стаю «Штук» сменяла другая, прилетевшая такая-же стая и избиение продолжалось пока в живых не оставалось на одного советского солдата. Немецкая артиллерия и пулеметы с укрепленных пунктов засыпали огнем несчастных советских солдат, которых советское командование бросало в бой десятками тысяч без прикрытия с воздуха, без всякой существенной огневой поддержки, заранее зная, что все они обречены на гибель без какого-либо малейшего тактического успеха.

Такие атаки советских войск повторялись беспрерывно в течении нескольких месяцев. На смену убитым десяткам тысяч советских солдат приходили другие тысячи и повторялась та же картина.

Ни одного советского самолета за все это время нам не приходилось видеть.

Лишь только ночью, со стороны моря, крадучись и треща мотором, прилетал одинокий советский самолет ««У-2», прозванный «кукурузником» и бросал на город ни то бомбу, ни то связку ручных гранат. Как правило, бомба не попадала в намеченную цель, а падала в плавни, т. к. «Кукурузник» всегда спешил. Все небо пронизывали немецкие прожекторы и, посвистывая, пролетали дежурные немецкие «Мессершмидты». Жители города, не говоря уже о солдатах, только посмеивались над этой «мощью» советской авиации. Советское командование всю свою имеющуюся в его распоряжении, военную технику сосредоточило на центральном фронте. В боях против немецкого предмостного укрепления на Кубани советское командование расплачивалось кровью советских солдат. Сталинское хвастливое заявление о том, что «у нас всего больше в десять раз, чем у наших врагов» оказалось пустой ложью. Чтобы быть в состоянии продолжать войну против гитлеровской Германии красному императору Иосифу Сталину — пришлось клянчить у самых жестоких противников коммунистической идеологии — англо-американских капиталистов не только самолеты, танки и другое техническое оружие, но и обмундирование и продукты питания; буквально все, до малейшей мелочи. Однако, не смотря на недостаток технического оружия и питания, народы СССР, оскорбленные и униженные гитлеровскими преступниками, начали серьезно бороться против них, с необыкновенной храбростью и упорством, терпя миллионы убитых и раненных своих братьев. Направленные в Темрюцкие плавни, мы были свидетелями этих кошмарных, кровавых побоищ. Героизм, проявленный здесь советскими солдатами, который нам приходилось неоднократно наблюдать, можно назвать героизмом высшей степени, какой только знает военная история.

Чтобы приблизиться к немецкой обороне советским солдатам приходилось брести 5–6 километров по пояс в воде и под беспощадными ударами авиации и ураганным огнем артиллерии противника бросаться в атаку на железную немецкую оборону.

Сколько раз приходилось слышать дружное «За Родину! Ура!» и кое-где далеко, позади атакующих солдат, слышалось одинокое — «За Сталина!». Сталинские надсмотрщики старались борьбу народа за свою Родину сделать тождественной с именем Сталина.

Прячась за спинами советских солдат они выкрикивали по приказу своего хозяина эту, ненавистную народам СССР, партийную кличку политического авантюриста и уголовного преступника Иосифа Джугашвили.

Да… это была весна 1943 года. Это было время, когда народы СССР хорошо уже поняли и воочию увидели истинное намерение гитлеровской Германии и решили во что бы то ни стало вышвырнуть из своего Отечества жестокого и надменного врага.

Сталин умело использовал сложившуюся политическую ситуацию. Его сексотами в армии и в народе преднамеренно распускались слухи о том, что советская власть теперь изменится; что больше уже не будет издевательств над народом; что не зря советская пропаганда вспоминает имена национальных русских героев: Александра Невского, Суворова, Кутузова, и других; что не зря вновь введены в армия погоны; что не зря Сталин распустил Комитерн и т. д. и т. п. слухи. Они нашептывали народу то, что каждый советский солдат всей своей душой желал и к чему стремился. И народы СССР, под нажимом бесчисленных преступлений, чинимых гитлеровцами, в конце-концов решились разбить Гитлера, заранее зная, что этим самым он (народ) оставляет у себя за спиной Сталина.

Весна 1943 г. под Темрюком для нас, казаков, была далеко не той весной 1942 года, под Таганрогом, когда мы были полны веры в то, что немецкая армия несет нашей Родине освобождение от сталинского ига, когда мы, воодушевленные верой и надеждой, призывали советских солдат на свою сторону для борьбы против Сталина, когда мы, рискуя своими жизнями, шли к советской обороне, неся свою живую пропаганду.

Под Темрюком мы не призывали советских солдат переходить к нам и не писали больше наших прокламаций.

Немцы не принуждали нас это делать, да и вообще, они этим совершенно не интересовались ни тогда — под Таганрогом, ни потом — под Темрюком. Они все еще твердо верили в силу своего оружия. Отступление с Кавказа и поражение под Сталинградом они считали временными явлениями.

«Скоро придет на восточный фронт фельдмаршал Роммель с новыми войсками и все русские полетах вверх ногами», — поговаривали они.

Нам их мнимый успех ничего хорошего не сулил. *Нам в то время уже было совершенно ясно, что мы находимся а стане жестокого врага нашей Родины.* Только глупцы не понимали, что в случае победы Германии над СССР, гитлеровцы, в первую очередь, снимут головы именно тем людям, которые дерзнули с оружием выступить против сталинского террора и насилия. Ибо

такие люди опасны для всякой диктатуры вообще, а тем более для такой, какой была гитлеровская. *Такими людьми были в первую очередь, конечно, казаки.*

Немцы хорошо знали наше настроение, но их это нисколько не беспокоило. Они так-же хорошо знали и понимали, что нам возврата на ту сторону нет, что между нами и Сталиным никакого компромисса не может быть и не будет. Немецкое командование безжалостно бросало нас в самые опасные места, затыкало нами самые угрожаемые дыры.

В середине лета 1943 г. легко раненный в обе руки я был отпущен с обороны в город. Поместившись на квартире, я ходил на перевязку в санитарную часть. В это время бывшие в отпуску (кажется, 2–3 недели точно не помню) казаки вернулись на фронт. Среди них был мой лучший друг, Жорж Шевченко. Мы с ним были друзьями с давних пор. В Таганроге мы жили на одной улице и принадлежали к одному спортивному обществу «Зенит», оба страстно увлекались спортом. Шевченко превосходил и меня и многих других наших товарищей во всех видах спорта. Ловкий и смелый он всегда и везде был первым.

Помню, однажды зимой 1941 года, возвращаясь домой после спортивных занятий из «клуба Сталина», мы, голодные и полураздетые, заговорили о нашей голодной жизни. С нами шло несколько других наших товарищей.

«Хреновая наша жизнь, братцы, долой Еську Сталина!» — вырвалось у Шевченко.

Вряд-ли нашлось бы много смельчаков в то время в СССР сказать вслух такие страшные слова даже при своих родных и близких. Человек, сказавший такие слова вслух, должен был быть с особым характером.

Шевченко был одним из первых добровольцев из гор. Таганрога, вступивших в нашу казачью сотню. Командир нашей сотни за его неизмеримую храбрость и ловкость в бою, назначил его командиром отделения, присвоив ему звание немецкого ефрейтора.

Встретившись в Темрюке мы бросились друг другу в объятия. Я тормошил его и просил его скорее рассказать мне, что делается в Таганроге. Видел ли он мою мать и сестру.

«Видел, подожди, расскажу — не обрадуешься», — помрачнев ответил Жорж.

Он рассказал мне, что как его, так и мои родные в страшном бедствии. Его сестру немцы принудительно отправили вместе с другой молодежью Таганрога в Германию, на работы. Сестра пишет матери ужасные письма. В Германии, всем привезенным из Советского Союза рабочим, немцы нацепили знак «ОСТ».

Отношение к ним хуже, чем к животным. Все русские немцами рассматриваются, как «унтерменши»; им не разрешается передвигаться в трамваях, в поездах; они на положении презренных рабов гитлеровской Германии.

«Твоя сестра, — говорил Жорж, — ждет изо дня в день отправки на работу в Германию. Если она уедет, твоя мать умрет с голоду, она давно уже лежит больная сердцем».

Жорж так-же сказал, что все население города стало страшно презирать немцев, но что оно так-же со страхам ждет прихода советов, которые, безусловно, начнут чинить расправу над всеми теми, кто умышленно и не умышленно не отступил с Красной армией при занятии Таганрога немцами в 1941 г. Тогда «изменниками Родины» оказались наверняка 90 % населения гор. Таганрога.

В тот же вечер, продолжая наш разговор о сложившейся обстановке, проклиная немцев за подлый обман, Жорж, поглаживая советский трофейный пистолет «ТТ» и посматривая на меня, медленно сказал: «застрелю несколько немцев к уйду на советскую сторону, пускай меня там свои расстреляют». Так же медленно, после минутного молчания, я ему ответил: «Никому от этого пользы не будет».

На другое утро он уходил на оборону. Хорошо зная характер Жоржа, я просил его не делать того, что он задумал. Провожая его, еще раз ему сказал, что пользы от его поступка никому не будет; просил его хорошо подумать об этом. Ничего мне не ответив, он ушел.

Приехавшие из отпусков, другие казаки, рассказывали то же самое.

В сотне начался ропот, разгоралась явная вражда к немцам. Казаки не стеснялись открыто говорить даже в присутствии русских немцев-переводчиков, которые все еще служили в нашей сотне. Последние нам сочувствовали и всецело были на нашей стороне.

Весь этот ропот и ненависть к немцам ничего не изменили. *Мы оказались загнанными в тупик политическими авантюристам — Сталиным и Гитлером, — из которого нам не было никакого выхода.*

И вдруг случилось нежданное, не гаданное.

В солнечное летнее утро, появившиеся немецкие самолеты, пролетая вдоль советской обороны начали выбрасывать какие-то листовки. В начале мы подумали, что это обычные немецкие пропагандные листовки, забрасываемые ими на советскую сторону. В таких листовках, как правило, приказным тоном предлагалось советским войскам сдаваться в плен, обещалась

«жратва, курево и девочки». Часть выброшенных в этот раз листовок ветер пригнал в нашу сторону, густо застелив белыми хлопьями зеленый камыш. Зная о содержании подобных листовок, я брезгливо поднял одну из них, упавшую у самых моих ног.

«Почему я встал на путь борьбы с большевизмом. Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова» — прочел я и, ухватив листовку обоими руками, не мог уже оторвать от нее глаз. Через несколько минут вся сотня бросилась подбирать эти листовки и впиваясь глазами перечитывать их по несколько раз. Я хорошо помню охватившее всех нас чувство, при чтении Открытого письма генерала Власова. Его Открытое письмо к народам России воплощало в себе все чаяния и стремления измученных народов. В нем простыми словами рассказывалось о постигшем народ горе, о жестоком обмане народных трудовых масс вождями коммунистической партии. В нем справедливо призывался народ на борьбу с обманщиками и поработителями за свободу, счастье и честь Отечества.

Но главное было в том, что Открытое письмо было написано известным генералом Красной Армии, одним из ее лучших военоначальников, защитником Москвы, отразившим удар немецких армий от столицы Отечества.

Это наводило на мысль, что если ген. Власов, будучи в немецком плену, обращается к народу с призывом к борьбе против Сталина, *следовательно эта борьба получила возможность принять широкие легальные организационные формы. Следовательно, ген. Власов является ее возглавителем. Следовательно, выход из тупика найден.*

Однако, нам все-таки оставалось непонятным, как и то, что ген. Власов, призывая народ на борьбу против Сталина, ничего конкретно не говорит, где и как эта борьба организуется; так и то, что он не призывает советских солдат переходить на сторону немцев, тогда как по нашим убеждениям, борьбу против Сталина возможно было организовать только на немецкой стороне.

Обсуждая эти вопросы мы высказывали различные мнения и предположения до поздней ночи. Оставалось бесспорным одно: ген. Власов человек, за которым пойдут не только солдаты и офицеры Красной армии, но и ее высший командный состав и весь, измученный сталинским террором, народ. В этом ни у кого из нас не были ни малейшего сомнения.

Эти мысли вновь вселили в нас веру и надежду, в победу правды над неправдой, правды, за которую мы начали свою борьбу и за которую уже успели пролить не мало казачьей крови. Рядовые казаки и казаки-офицеры, служившие раньше в Красной Армии, рассказывали нам, молодым казакам об Андрее

Андреевиче все то многое хорошее, что только можно сказать о человеке, имевшем огромный авторитет среди народных масс. Главное то, что Андрей Андреевич был сыном простого крестьянина, а следовательно он был нашим — сыном трудового народа, знавшим, что такое бедность и тяжелый труд.

С того времени имя ген. А. А. Власова стало для нас маяком, внезапно засиявшим нам среди бушующего мрачного океана Второй Мировой войны, в котором мы затерялись, потеряв надежду на спасение. С того времени мы не переставая стремились пробиться к этому маяку, прилагая к этому все свои усилия и старания.

На пути к нашему маяку нас, казаков-фронтовиков встретил тот, в котором мы признали своего казачьего вождя, своего «Батьку», который, преодолев все препятствия, привел нас к этому долгоисканному нами маяку. Но об этом я скажу потом.

Совершенно естественно, что так-же как и для нас, имя ген. Власова стало маяком и для тех других бесчисленных добровольческих казачьих отрядов и батальонов, сформированных из всех народностей и национальностей СССР, разбросанных среди немецких частей на фронте и в тылу. Имя ген. Власова стало и для тех нескольких миллионов советских военнопленных, которые гноились в немецких лагерях военнопленных, умирая десятками тысяч от голода и болезней. Имя ген. Власова стадо маяком и для тех нескольких миллионов подсоветских граждан, которые в качестве подневольных рабов гнули шеи на работах и Германии, подгоняемые гитлеровскими надсмотрщиками.

Немецкие самолеты разбрасывали Открытое письмом ген. Власова не только на фронте, но и в глубоком тылу Красной армии, следовательно, о нем знала не только армия, но и все население СССР. Можно себе представить, какое впечатление оно производило на те 16-ть миллионов советских граждан, заключенных в сталинских концлагерях! Как население Советского Союза (колхозники, рабочие, интеллигенция), так и Красная армия знали, что спасая себя от Гитлера, они спасают за своей спиной Сталина и его иго, следовательно, и для них, вне всякого сомнения, имя ген. Власова становилось спасительным маяком.

Все это, для нас было совершенно понятно и мы только желали скорее узнать, где собираются власовские силы, как к ним поскорее пробраться?

Мы спрашивали немцев. Последние не могли на наши вопросы дать какого-либо определенного ответа. Никто из них ничего толком не знал.

Через несколько дней появилась масса различных слухов. Где были источники этих слухов, никто то-же не знал. Но говорили с убеждением и горящей верой а глазах, что ген. Власов уже сформировал миллионную армию и что эта армия вот-вот выступит.

В один из таких волнующих нас дней наша сотня неожиданно была заменена немецкой ротой и снята с обороны. На другой день мы уже двигались по степям Тамани в направлении Керченского пролива.

Настроение было приподнятое. Все были уверены, что немца наконец-то нас поняли и дают нам возможность бороться против Сталина в наших интересах. Все мы нисколько не сомневались, что мы едем к ген. Власову, в его Великую Народную Освободительную Армию.

На Тамани, у переправы в Крым, мы увидели необыкновенную картину: советские военнопленные, чистые и сыто выглядевшие, веселые и довольные, переправлялись наравне с немецкими частями в Крым. Мы завели с ними разговор и узнали, что отношение немцев (очевидно по приказу свыше) к советским военнопленным резко изменилось.

«Так можно жить», — посмеиваясь говорили пленные. От голода уже не умирали, как раньше. Военнопленные стали получить нормальное питание и медицинскую помощь. Были спасены миллионы жизней советских военнопленных.

Впоследствии стало общеизвестным, что все эти миллионы спасшихся людей обязаны благородному сыну русского народа — ген. Андрею Андреевичу Власову.

Подойдя к одному военнопленному, здоровенному детине старшего возраста, я, вытащив из кармана листовку — Открытое письмо ген. Власова и протягивая ее этому великану, спросил: «Дядько, вот это вы читали?»

«Эге, сынок», радостно отозвался он, «читали, брат, читали; ночей не спали — все изучали письмо-то Андрея Андреевича».

«Ну и как?» — спросил я.

«Что как? Ясное дело, как — конец теперь Еське, это точно», — с уверенностью ответил он.

«Вот оно, письмо-то это», — сказал другой военнопленный — парняга лет двадцати, рыжий и весь в веснушках. Вытянув листовку из кармана а показывая ее мне, прибавил: «Конец (этот молодец на самом деле употребив такие эпитеты, что совершенно не возможно употребить в печати) извергу «черномазому», мы с ним теперь рассчитаемся».

«А что братцы, — спросил один из казаков, — думаете, что вас к Власову направляют?»

«А то куда-же? — заговорили многие, — Стали-бы нас немцы зря так кормить, знаем мы их. Ясно, что к нему».

И действительно, думалось нам, с чего-бы это немцы вдруг так резко переменили свое отношение к советским военнопленным. Сомнения у нас никакого не оставалось и мы стали верить, что немцы опомнились и спасут себя и нас от Сталина.

Немцы нашей сотни не менее нас были обрадованы хорошему виду советских военнопленных, им теперь не было стыдно перед нами, как раньше. Они весело переговаривались с нами, явно хвастаясь тем, что они могли говорить, хотя и плохо, по-русски.

«Как дело, товарищь? — спрашивали они, — Пошли алесс цум генерал Власов, — канут теперь Сталин» — уверенно, жестикулируя руками, восклицали немцы. Военнопленные гоготали и так же уверенно, употребляя сочные эпитеты, подтверждали, что Сталину теперь наверняка придет конец.

Воодушевленные такой картиной, мы громко запели «Три танкиста» и военнопленные сразу-же подхватили песню. «На границе тучки ходят хмуро, край суровый тишиной объят, у высокий берегов Амура часовые родины стоят», — громко лились слова всем нам хорошо знакомой песни. Немцы нашей сотни, за два года совместной службы научившиеся от нас петь русские песни, стараясь выговаривать правильно русские слова, горланили вместе со всеми нами. Баржа с военнопленными стала отваливать от пристани. Весело перекликаясь, махая шапками, мы прощались с ними. Кто-то из них, взобравшись на плечи своих товарищей, махая нам шапкой громко изо всех сил крикнул: «Да здравствует Андрей Андреевич Власов!!!»

«Ура!» — грянули военнопленные.

«Ура!» — подхватили мы.

Их баржа уже далеко отошла, но все еще доносилось до берега дружное русское «ура». Все еще было видно как они махали нам шапками.

Через несколько часов мы погрузились в подошедшую к пристани баржу и отвалили от берега. Переправившись в Крым, в Керчи мы погрузились в поезд.

Киев, Бухарест, Будапешт, Варшава — промелькнули перед нами.

В первые июльские дни мы подъехали к городу Млава и в ее предместье — «Пражница» — выгрузились. Через полчаса мы двинулись со станции. Застоявшиеся кони рвались и просили повод.

Проехав несколько километров мы увидели картину, наполнившую нас великой радостью: у въезда в огромный

военный лагерь стояли с обнаженными шашками часовые-казаки. Над ними величаво развевались Войсковые казачьи флаги. На утреннем солнце ослепительно блестели клинки казачьих шашек, ярко алели донские казачьи лампасы.

Здесь формировалась Первая Казачья Дивизия.

* * *

Продвижение немцев в лето 1942 г. к Сталинграду привело к захвату их войсками всей территории Донского Войска.

По мере продвижения немецких войск по Донской области, — подобно нашей сотне, — начали самочинно формироваться на борьбу против Сталина казачьи отряды и в других станицах. Поскольку эти казачьи формирования не являлись результатом поведения немцев или кого бы то ни было другого, следовательно, освободительную борьбу на Дону, совершенно также как и в других областях СССР, нужно считать стихийной.

Однако, стихийно организованные казачьи отряды сразу-же попадали под контроль местного немецкого командования, которое бесцеремонно использовало их в своих интересах, совершенно не принимая во внимание той цели, ради которой казаки подымались на борьбу. Эти, организовавшиеся на Дону, казачьи отряды были разрозненными и не имели своего единого казачьего руководства.

В июле месяце 1942 г. в Новочеркасске донским казаком, инженером Сергеем Васильевичем Павловым была предпринята попытка объединить эти разрозненные казачьи отряды, создав из них крупное казачье военное соединение, да-бы, опираясь на него, можно было потребовать от немцев свободы действий в борьбе против Сталина. В это время Павлову, как и всем другим, уже было совершенно ясно с какой целью ведут борьбу немцы против СССР, но попав между двумя врагами, естественно нужно было искать какой-то выход. Сложившиеся обстоятельства принуждали быть союзником одного из этих своих врагов. Ясно, что, в первую очередь, нужно было продолжать уже стихийно начатую казачьей массой вооруженную борьбу против Сталина. О борьбе против Гитлера, в сложившейся обстановке, не могло быть и речи.

Первыми помощниками Павлова были: инженер Галдин (казак станицы Старочеркасской), сотник Плотников (казак станицы Заплавской), полковник Попов, войсковой старшина Духопельников, есаул Шумко, сотник Сюсюкин, сотник Меркулов и др.

Из этих людей Павлов организовал свой первоначальный штаб.

Галдина Павлов назначил своим заместителем по хозяйственной части, а сотника Плотникова по строевой части. В начале охранная команда для штаба Павлова была набрана из молодых казаков станицы Грушевской в составе двенадцати человек, но вскоре эта небольшая группа разрослась в конвойную сотню, которая постоянно охраняла штаб Павлова, поместившегося в Атаманском дворце в Новочеркасске. Кроме этой службы конвойная сотня патрулировала по городу и контролировала полицейские посты. (Городская полиция в Новочеркасске была организована немцами из местных жителей, так-же как и во всех других местах оккупированной ими территории).

Позже, приблизительно в октябре-декабре месяце в Новочеркасске была организована вторая сотня — пешая. В станице Грушевской самочинно организовались еще две казачьи сотни под командованием есаула Федорова и хорунжего Харитонова.

Во многих других станицах вверх по Дону уже так-же были организованы вооруженные казачьи отряды.

Вне всякого сомнения, организованные разрозненные казачьи отряды, в случае объединения, могли образовать довольно солидную антисоветскую вооруженную силу. Если к этой вооруженной казачьей силе, состоявшей в большинстве из стариков и малолеток, находившихся в то время дома — на Дону, прибавить еще и строевую казачью массу, которая, будучи в Красной армии попала к немцам в плен и находилась в лагерях военнопленных, где-то на Украине, Белоруссии и в Польше, то казачьи вооруженные силы могли-бы вырасти в миллионную казачью армию. Только в таком случае с немцами можно было бы разговаривать другим языком. Павлов, преследуя эту цель, прилагал все усилия для ее достижения. Горячий патриот казачества, кипучий и энергичный, он отдавал все свой силы делу, за которое взялся и в которой верил.

Глубокой осенью 1942 г. Павлов созвал Войсковой Круг[3]. Заседание Круга состоялось в Новочеркасске в Атаманском дворце. На Круг съехались делегаты избранные населением казачьим станиц. В большинстве это были станичные и хуторские атаманы Донской области. Количество съехавшихся на Круг делегатов достигало более двухсот человек. Участники Круга в первую очередь пришли к единогласному решению — всеми силами стремиться создать максимум казачьих вооруженных сил на Дону. В это время уже было известно, что на Кубани создано

большое количество кубанских казачьих отрядов; уже было известно, что на оккупированной немцами части северного Кавказа организованы многочисленные добровольческие отряды из всех народностей этого края; уже было известно, что на Украине существуют крупные украинские части и, наконец, уже было известно, что в Орловской области РСФСР, инженером Каминским, организована Русская Освободительная Народная армия — РОНА. Все это приводило к абсолютному убеждению, что объединение всех этих антисоветских сил в одну Освободительную Армию, возглавленную антисталинским правительством, приведет к тому, что Красная армия немедленно, целиком, перейдет на сторону Освободительного движения. Павлов, уже в который раз, обратился к местному немецкому командованию с просьбой ходатайствовать перед немецким правительством о разрешении ему объединить казачьи вооруженные отряды, создать из них казачью армию. Борющиеся казаки знали против кого они борются, — но им нужно было дать ответ — за что? На этот вопрос они ждали точный и не двусмысленный ответ. Однако все старания Павлова в этом направлении оказались тщетными. Начавшееся отступление немцев от Сталинграда сразу же привело к катастрофе. Казачьи вооруженные отряды, не имея своего центрального руководства, растерянные между немецкими частями в беспорядке отступали к низовью Дона. Фронт быстро и неудержимо катился на Запад. Казачью территорию вновь стали занимать советские войска. *И время для создания казачьей антисоветской армии на своей территории было упущено.*

В результате отступления с верхнего и среднего Дона казачьих отрядов, у Новочеркасска появилось их большое количество. Только тогда Павлову с большими трудностями удалось добиться разрешения у немцев организовать в Новочеркасске Первый Донской Казачий полк. *Это была первая сравнительно самая крупная боевая казачья единица на территории Донского казачества.*

Обмундирование и вооружение этого Первого казачьего донского полка было трофейным, — советским. Казачий полк по виду отличался от советских войск только тем, что на головных уборах у казаков отсутствовали красные звезды. Полк питался пожертвованными местным населением продуктами, которые хорунжий Галдин, объезжая станицы, собирал и отправлял в Новочеркасск.

Часть этого Первого Донского казачьего полка, под командованием хор. Галдина, была брошена на фронт и занимала оборону у станицы Богаевской. Все другие казачьи отряды,

разбросанные вдоль немецкого донского фронта, использовались немцами так-же на обороне и в тылу немецких войск.

В феврале 1943 года началось отступление немцев из Новочеркасска. Дороги запрудили массы беженцев. Такая же трагичная была картина как и на Кубани и по всему фронту отступающих немецких войск. В это время в районе Матвеева Кургана Первой Донской казачий полк вел бой с советскими частями. Советское командовать незамедлило бросить против казачьего полка танковые части. В бою Первый Донской Казачий полк был почти полностью уничтожен.

Весной 1943 года в беспорядке отступающая казачья масса с Дона, Кубани и Терека собралась на юге Украины. Немцы использовали ее главным образом на работах в колхозах. Лишь только те вооруженные казачьи отряды, которые немцы включили в свои полки и дивизии, находились на фронте или несли охранную службу в тылу.

Прибывший на Украину штаб Павлова обосновался в Кривом Роге. Отбившийся при отступлении с Дона войсковой старшина Духопельников обосновал свой штаб в Каховке. И Павлов и Духопельников летом 1943 года добились разрешения у немцев приступить к формированию вооруженных казачьих частей. Ими были организованы во многих местах, где только находились массы казачьих беженцев, штабы формирования казачьих частей. Но эти казачьи части, сформированные казачьими штабами, опять таки сразу же поступали в распоряжение немцев, которые рассылали их по своему усмотрению для своих нужд.

Например, казачий штаб в Орехово (в Запорожской области) формировал казачьи группы и направлял в город Млава (Польша), где немцы формировали Первую казачью дивизию, которая вошла в состав немецкой армии. Несмотря на это, Павлов, Духопельников и другие казачьи деятели продолжали упорно формировать казачьи части. Казачьи руководители как и все другие организаторы борьбы против Сталина, надеялись на то, что все больше и больше ухудшающееся положение у немцев на фронте, в конце концов заставит их, немцев, дать свободу действий в организации борьбы против Сталина. Отправляя сформированные казачьи группы в Млаву, Павлов верил, что из этих групп, в конечном счете, будут созданы казачьи части и эти части вернутся к своему берегу. Главное, — думал Павлов, — чтобы полки были созданы, получили достаточную боевую, подготовку, а когда придет время, *собрать их в единую казачью армию и влить ее в общероссийские антисталинские вооруженные силы.*

В конце 1943 года, Павлову удалось добиться от немцев

разрешения собрать разъединенных казачьих беженцев в одни пункт. По распоряжению немцев работающих в колхозах на Украине, в Белоруссии и др. местах казаки с их семьями были направлены в район Каменец-Подольска, где начал образовываться Казачий Стан. Устройство казачьего стана было организовано по-казачьи. Прибывающих в стан распределяли по войсковым признакам, т. е. донцов направляли во вновь созданные донские станицы, кубанцев — в кубанские и т. п. Станицы избирали свое руководство — станичных атаманов и станичные правления, подчинявшиеся Павлову, ставшему Походным Атаманом Казачьего Стана.

Штаб Павлова, охраняемый конвойной сотней, под командованием сотника Доманова (в то время эта сотня была единственным вооруженным отрядом Казачьего Стана), обосновался в Дунаевске, а вся казачья масса была размещена в ближайших селах.

Вскоре, продолжавшееся продвижение советских войск, заставило Казачий Стан уходить дальше на запад. Прикрывая отступление Казачьего Стана, конвойная сотня Доманова на р. Днестре попала в окружение. С трудом пробившись сотня потеряла до половины своего состава. Уходящий на запад Казачий Стан держал направление к реке Висле (Польша). В районе города Сандамир Казачий Стан остановился и стал вновь собирать свое население, растерянное при отступлении с Каменец-Подольской области. Немцы заинтересовались населением Казачьего Стана, т. к. среди него было много казаков, годных к строевой службе. В начале лета 1944 года по приказу немецкого командования Казачий Стан Павлова был по железной дороге переброшен в Белоруссию (в район Новогрудок, Ельни, Барановичи), где активно начали действовать советские партизаны и где уже действовали против них казачьи отряды, ранее сформированные Павловым и Духопельниковым в Кривом Роге, в Каховке и других местах.

В этом районе, насыщенном советскими партизанами, уже также действовали и другие казачьи и не казачьи отряды, сформированные другими организаторами освободительного движения. Например: казачий дивизион сотника Холодного, белорусский отряд Рагули, бригада Каминского и многие другие отряды.

В городе Новогрудок, во главе с Павловым, был организован штаб формирования казачках частей из казаков Казачьего Стана, способных носить оружие. Всего было сформировано пять казачьих полков. Эти полки никакого обмундирования не получали, но получили большое количество советского

трофейного оружия. На одну сотню приходилось по 5-ть станковых и 15-ть ручных пулеметов и масса патронов. С этого времени продуктами питания начали снабжать немцы. Конвойная сотня Доманова охраняла штаб Павлова в Новогрудке, а сформированные полки были размещены по селам области и вели борьбу с советскими партизанами.

10 ноября 1943 года Верховное командование немецкой армии и Министерство Востока (министр Розенберг) Рейха объявили о признании и сохранении всех прав казачества, а командующий Восточными добровольческими войсками немецкой армии генерал Кестринг своим приказом от 31 марта 1944 года учредил Главное Управление Казачьих Войск для защиты вышеупомянутых прав. Привожу копию этого приказа в переводе с немецкого:

«От генерала Добровольческих Войск. Учреждено Главное Управление Казачьих Войск. Главное Управление Казачьих Войск является представительством перед германским командованием для защиты казачьих прав и состоит из следующих лиц: генерал Краснов — начальник, генерал Науменко, полковник Павлов, полковник Кулаков.

31 марта 1944 г.

Кестринг, генерал от кавалерии».

Начальником штаба Главного Управления Казачьих Войск был назначен генерал-майор Краснов Семен Николаевич (племянник Петра Николаевича Краснова). Эта организация, по существу с начала и до конца самостоятельной не была и фактически ею управлял представитель Розенберга, некий д-р Гимпель.

Гитлеровцы умышленно старались возглавить освободительную борьбу казаков старыми казачьими генералами из эмигрантов, зная, что эти генералы не могут являться авторитетом для казаков из Советского Союза. Со времени гражданской войны 1918-20 г. г. в Советском Союзе выросло молодое казачье поколение, которое никогда и не видело и не знало этих генералов. Если для интеллигентной части нового казачьего поколения ген. Краснов был известен как писатель, то о других старых казачьих генералах молодые казаки из СССР или ничего не знали или знали из советской пропаганды как о страшных белобандитах. Те же казаки старшего поколения, которые в гражданскую войну 1917-20 г. г. боролись в рядах Белой армии и не ушли за границу, сразу же после ее окончания, почти, все были уничтожены большевиками. Дли тех же, которые, боролись в рядах Красной армии против Белой, естественно эти старые белые генералы не могли быть авторитетом. Для молодого

казачьего поколения, выросшего в СССР авторитетом могли быть только те казачьи вожди, которые вместе с ними переживали иго Сталина, вместе с ним поднялись на борьбу, вместе с ними покрыли себя боевой славой в борьбе за свою свободу. Только эти новые казачьи вожди могли быть авторитетом для молодого казачьего поколения, которое их знало, и им верило. Немцы прекрасно это понимали, но они так-же прекрасно понимали и то, что им для их политических целей будет значительно легче использовать старых казачьих генералов бывших в эмиграции, которые в силу своего устаревшего и различного с казачеством из СССР мировоззрения не понимали действительного положения вещей в Советском Союзе. У немцев было больше оснований доверять старым, нежели новым, казачьим вождям.

Впрочем, как оказалось, впоследствии, немцы в этом не ошиблись.

Летом 1944 года в Новогрудке стало известно о том, что Казачий Стан вошел в подчинение Главного Управления Казачьих Войск. Там же был опубликован приказ о том, что Главное Управление Казачьих Войск утвердило полковника Павлова Походным Атаманом Казачьего Стана и его вооруженных сил. Павлову было все равно, кто его утверждает Краснов или немцы. Он стремился только к тому, чтобы как можно больше создать казачьих вооружённых сил, чтобы, когда придет соответствующий момент, влить их в единое Освободительное Движение народов России.

Казачьи полки, охраняя население Казачьего Стана, вели бои с местными советскими партизанами. В одном из таких боев конвойная сотня, под командованием самого атамана Павлова, будучи в разведке, была обстреляна неизвестным отрядом. Завязалась перестрелка. Полковник Павлов, как всегда в таких случаях, выскочил вперед наблюдать за противником. Бывшие возле него офицеры и казаки просили его уйти в укрытие. Отказавшись уйти в укрытие и продолжая под огнем наблюдать за противником, Атаман Павлов, Сергей Васильевич, был убит наповал, — пуля попала под глаз. Казачий Стан потерял своего казачьего вдохновителя, организатора и возглавителя; потерял своего верного горячего казачьего патриота. Атаман Павлов посмертно бил произведен в чин генерал-майора. Главное Управление Казачьих Войск, после его смерти, назначило, Походным Атаманом произведенного к этому времени в чин войскового старшины, Доманова Тимофея Ивановича. Этим летом советская армии начала наступление на г. Минск.

Немецким войскам пришлось отступать через местность, наполненную активно действующими советскими партизанами.

Действия последних затрудняли отступление немцев, принося им большие потери. Во время отступления Казачьего Стана из района Новогрудок, казачьи полки держали под своим прикрытием дорогу на западный берег реки Неман.

Благодаря казакам немецкие войска в этом районе смогли отступить за Неман без потерь.

Казачий Стан, перейдя через Неман, взял курс на Варшаву. Задержавшись несколько дней в ее районе, двинулся к реке Висле, перейдя ее южнее Варшавы. Переправившись через Вислу, Казачий Стан был направлен в район военных лагерей Шерас, находившихся на границе между Польшей и Германией. Простояв в этом месте несколько недель, Казачий Стан и охранявшие его казачьи полки были погружены в поезда и отправлены в Северную Италию, в район гор. Толмецо.

В Италии, в районах городов Удино и Толмецо находилось много итальянских партизан. Немцы, решив предоставить Казачьему Стану место для поселения, заодно решили использовать казачьи полки для охраны своих коммуникаций в этой местности.

Штаб Походного Атамана Доманова стал в гор. Толмецо. Население Стана расположилось в окружающих селах. Казачьи полки вступили в борьбу с итальянскими партизанами. Вскоре в Стане была хорошо налажена бытовая жизнь его населения.

Осенью 1944 г. в селе Вила-Сантина для молодых казаков было организовано казачье юнкерское училище. Молодые юнкера впоследствии в тяжелых боях с противником неоднократно проявляли необыкновенную храбрость и боеспособность.

Весной 1945 года Главное Управление Казачьих Войск, во главе с ген. П Н. Красновым переехало из Берлина а Толмецо.

* * *

Помимо штабов формирования казачьих частей, организованных казачьими руководителями, как Павловым и др., были еще и штабы формирования таких частей, организованные самими немцами. В 1942 году один такой штаб был учрежден в Шепетовке, на Украине.

Вот что по этому поводу пишет бывший командир одной из этих частей, полковник П.:

«Гитлеровское, как военное, так и гражданское руководство, великолепно было осведомлено о ярой нетерпимости и враждебности подсоветского казачества к советской власти, к сталинщине; еще лучше оно, особенно высшее военное

командование, знало превосходные боевые качества казаков. Гитлеровцы и решили это эксплуатировать конкретно, так сказать, в организованном порядке. Для достижения такой цели распоряжением командования сухопутными силами (ОКХ) В начале 1942 г. в Шепетовке (Украина) был создан Особый штаб во главе с немецким генералом знатоком казаков и говорящим по-русски. В задачу штаба входило — отбор казаков из среды советских военнопленных и формирование из них казачьих частей в составе немецкой армии. Непосредственно формированием руководил полковник Саркисян (по национальности армянин, к немцам в плен попал в начале войны (1941 г.) в чине полковника и в должности не то командира кавалерийской дивизии, не то начальника штаба кавалерийского корпуса советской армии; получил высшее военное образование в Военной Академии им. Фрунзе. В 1945 г., командуя Северо-кавказским легионом в составе гитлеровской армии, произведен в чин генерал-майора. В январе 1947 г. казнен в Москве).

В Шепетовке было сформировано 12 казачьих пеших полков. Полки формировались смешанными, т. е. не по войсковым признакам, когда донцы набираются в одни полки, кубанцы в другие и т. д. Первый полк в честь знаменитого донского казака графа Платова получил его имя и именовался: Первый казачий генерала Платова полк. Полки, по мере формирования, рассылались на разные тыловые участки немецкого фронта где, главным образом, использовались для борьбы с советскими партизанами. Позже, во исполнение пресловутого приказа № 2/15, все эти полки были переименованы в казачьи батальоны. Так, например, 8-й казачий полк — в 635 казачий батальон, 9-й казачий генерала Бакланова полк — в 572, коим мне пришлось командовать. Офицерский и унтер-офицерский состав полков состоял из бывших военнослужащих советской армии — частью и неказачьего происхождения».

В начале 1943 года, в следствии того, что источник пополнения для продолжения формирования полков иссяк, Особый штаб прекратил свою деятельность и был расформирован… Факт создании Особого штаба для формирования казачьих распыленных частей еще лишний раз иллюстрирует то положение, что гитлеровцы нисколько не были заинтересованы в создании крупной казачьей вооруженной силы. Им нужно было только «мясо» для ведения войны за «Великую Германию». Создание же 1-й казачьей дивизии, позже развернутой в 15-й казачий корпус о чем речь впереди, принимать но внимание в данном случае не приходится.

* * *

ПОЧЕМУ Я СТАЛ НА ПУТЬ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИЗМОМ
(Открытое письмо генерал-лейтенанта А. А. Власова)

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение Новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

МЕНЯ НИЧЕМ НЕ ОБИДЕЛА СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ.

Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 года непрерывно я прослужил в её рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего, фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награждён орденами: Ленина, «Красного Знамени» и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот я теперь выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему? Этот вопрос возникает у каждого, кто прочитает мое обращение, и на него я должен дать честный ответ. В годы гражданской войны я сражался в рядах Красной Армии потому, что я верил, что революция даст Русскому народу землю, свободу и счастье.

Будучи командиром Красной Армии, я жил среди бойцов и командиров — русских рабочих, крестьян, интеллигенции, одетых в серые шинели. Я знал их мысли, их думы, их заботы и тяготы. Я не порывал связи с семьей, с моей деревней и знал, чем и как живёт крестьянин.

И ВОТ Я УВИДЕЛ, ЧТО НИЧЕГО ИЗ ТОГО, ЗА ЧТО БОРОЛСЯ РУССКИЙ НАРОД В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ОН В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИКОВ НЕ ПОЛУЧИЛ.

Я видел, как тяжело жилось русскому рабочему, как крестьянин был загнан насильно в колхозы, как миллионы русских людей исчезали, арестованные, без суда и следствия. Я видел, что растаптывалась всё русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, люди, которым не были дороги интересы Русского народа.

Система комиссаров разлагала Красную Армию. Безответственность, слежка, шпионаж делали командира

игрушкой в руках партийных чиновников в гражданском костюме или военной форме.

С 1938 по 1939 годы я находился в Китае в качестве военного советника Чан-Кай-Ши. Когда я вернулся в СССР, оказалось, что за это время высший командный состав Красной Армии был без всякого повода уничтожен по приказу Сталина. Многие и многие тысячи лучших командиров, включая маршалов, были арестованы и расстреляны, либо заключены в концентрационные лагеря и навеки исчезли. Террор распространился не только на армию, но и на весь народ. Не было семьи, которая так или иначе избежала этой участи. Армия была ослаблена, запуганный народ с ужасом смотрел в будущее, ожидая подготовляемой Сталиным войны.

Предвидя огромные жертвы, которые в этой войне неизбежно придется нести русскому народу, я стремился сделать все от меня зависящее для усиления Красной Армии. 99-я дивизия, которой я командовал, была признана лучшей в Красной Армии. Работой и постоянной заботой о порученной мне воинской части я стремился заглушить чувство возмущения поступками Сталина и его клики.

И вот разразилась война. Она застала меня на посту командира 4 мех. корпуса.

КАК СОЛДАТ И КАК СЫН СВОЕЙ РОДИНЫ, Я СЧИТАЛ СЕБЯ ОБЯЗАННЫМ ЧЕСТНО ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ДОЛГ.

Мой корпус в Перемышле и Львове принял на себя удар, выдержал его и был готов перейти в наступление, но мои предложения были отвергнуты. Нерешительное, развращенное комиссарским контролем и растерянное управление фронтом привело Красную Армию к ряду тяжёлых поражений.

Я отводил войска к Киеву. Там я принял командование 37-й армией и трудный пост начальника гарнизона города Киева.

Я ВИДЕЛ, ЧТО ВОЙНА, ПРОИГРЫВАЕТСЯ ПО ДВУМ ПРИЧИНАМ: ИЗ-ЗА НЕЖЕЛАНИЯ РУССКОГО НАРОДА ЗАЩИЩАТЬ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ВЛАСТЬ И СОЗДАННУЮ СИСТЕМУ НАСИЛИЯ И ИЗ-ЗА БЕЗОТВЕТСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА АРМИЕЙ, ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕЁ ДЕЙСТВИЯ БОЛЬШИХ И МАЛЫХ КОМИССАРОВ.

В трудных условиях моя армия справилась с обороной Киева и два месяца успешно защищала столицу Украины. Однако, неизлечимые болезни Красной Армии сделали свое дело. Фронт был прерван на участке соседних армий. Киев был окружен. По приказу верховного командования я был должен оставить укрепленный район.

После выхода из окружения я был назначен заместителем командующего Юго-Западным направлением и затем

командующим 20-й армией. Формировать 20-ю армию приходилось в труднейших условиях, когда решалась судьба, Москвы. Я делал все от меня зависящее для обороны столицы страны. 20-я армия остановила наступление на Москву и затем сама перешла в наступление. Она прорвала фронт Германской армии, взяла Солнечногорск, Волоколамск, Шаховсткую, Середу и др., обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта, подошла к Гжатску.

Во время решающих боев за Москву я видел, что тыл помогал фронту, но, как и боец на фронте, каждый рабочий, каждый житель в тылу *ДЕЛАЛ ЭТО ЛИШЬ ПОТОМУ, ЧТО, СЧИТАЛ, ЧТО ОН ЗАЩИЩАЕТ РОДИНУ*. Ради Родины он терпел неисчислимые страдания, жертвовал всем. И не раз я отгонял от себя постоянно встававший вопрос: *ДА ПОЛНО, РОДИНУ ЛИ Я ЗАЩИЩАЮ, ЗА РОДИНУ ЛИ Я ПОСЫЛАЮ НА СМЕРТЬ ЛЮДЕЙ? НЕ ЗА БОЛЬШЕВИЗМ ЛИ, МАСКИРУЮЩИЙСЯ СВЯТЫМ ИМЕНЕМ РОДИНЫ, ПРОЛИВАЕТ КРОВЬ РУССКИЙ НАРОД?*

Я был назначен заместителем командующего Волховским фронтом и командующим 2-й ударной армией. Пожалуй, нигде так не сказалось пренебрежение Сталина к жизни русских людей, как на практике 2-й ударной армии. Управление этой армией было централизовано и сосредоточено в руках Главного Штаба. О её действительном положении никто не знал и им не интересовался. Один приказ командования противоречил другому. Армия была обречена на верную гибель.

Бойцы и командиры неделями получали 100 и даже 50 граммов сухарей в день. Они опухали от голода, а многие уже не могли двигаться по болотам, куда завело армию непосредственное руководство Главного Командования. Но все продолжали самоотверженно биться.

РУССКИЕ ЛЮДИ УМИРАЛИ ГЕРОЯМИ. НО ЗА ЧТО? ЗА ЧТО ОНИ ЖЕРТВОВАЛИ ЖИЗНЬЮ? ЗА ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УМИРАТЬ?

Я до последней минуты оставался с бойцами и командирами армии. Нас оставалось горсточка и мы до конца выполняли свой долг солдат. Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах. Но теперь во всём объеме встал вопрос: *СЛЕДУЕТ ЛИ ДАЛЬШЕ ПРОЛИВАТЬ КРОВЬ РУССКОГО НАРОДА? В ИНТЕРЕСАХ ЛИ РУССКОГО НАРОДА ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ? ЗА ЧТО ВОЮЕТ РУССКИЙ НАРОД?* Я ясно сознавал, что *РУССКИЙ НАРОД ВТЯНУТ БОЛЬШЕВИЗМОМ В ВОЙНУ ЗА ЧУЖИЕ ЕМУ ИНТЕРЕСЫ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ КАПИТАЛИСТОВ.*

Англия всегда была врагом русского народа. Она всегда стремилась ослабить нашу Родину, нанести ей вред. Но Сталин в

служении англо-американским интересам видел возможность реализовать свои планы мирового господства, и ради осуществления этих планов *ОН СВЯЗАЛ СУДЬБУ РУССКОГО НАРОДА С СУДЬБОЙ АНГЛИИ, ОН ВВЕРГ РУССКИЙ НАРОД В ВОЙНУ, НАВЛЕК НА ЕГО ГОЛОВУ НЕИСЧИСЛИМЫЕ БЕДСТВИЯ, И ЭТИ БЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ЯВЛЯЮТСЯ ВЕНЦОМ ВСЕХ ТЕХ НЕСЧАСТИЙ, КОТОРЫЕ НАРОДЫ НАШЕЙ СТРАНЫ ТЕРПЕЛИ ПОД ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ 25 ЛЕТ.*

Так не будет ли преступлением и дальше проливать кровь? *НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БОЛЬШЕВИЗМ И, В ЧАСТНОСТИ СТАЛИН, ГЛАВНЫМ ВРАГОМ РУССКОГО НАРОДА?*

Не есть ли первая и святая обязанность каждого честного русского человека стать на борьбу против Сталина и его клики?

Я там, в болотах, окончательно пришел к выводу, что *МОЙ ДОЛГ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТОБЫ ПРИЗВАТЬ РУССКИЙ НАРОД К БОРЬБЕ ЗА СВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ, К БОРЬБЕ ЗА МИР ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА, ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ КРОВОПРОЛИТНОЙ, НЕНУЖНОЙ РУССКОМУ НАРОДУ ВОЙНЫ ЗА ЧУЖИЕ ИНТЕРЕСЫ, К БОРЬБЕ ЗА СОЗДАНИЕ НОВОЙ РОССИИ, В КОТОРОЙ МОГ БЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ КАЖДЫЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК. Я пришёл к твёрдому убеждению, что задачи, стоящие перед русским народом, МОГУТ БЫТЬ РАЗРЕШЕНЫ В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНСКИМ НАРОДОМ. ИНТЕРЕСЫ РУССКОГО НАРОДА ВСЕГДА СОЧЕТАЛИСЬ С ИНТЕРЕСАМИ ГЕРМАНСКОГО НАРОДА, С ИНТЕРЕСАМИ ВСЕХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.*

Высшее достижение Русского народа неразрывно связаны с теми периодами его истории, когда он связывал свою судьбу с судьбой Европы, когда он строил свою культуру, свое хозяйство, свой быт в тесном единении с народами Европы. Большевизм отгородил Русский народ непроницаемой стеной от Европы. Он стремился изолировать нашу Родину от передовых европейских стран. Во имя утопических и чуждых Русскому народу идей он готовился к войне, противопоставляя себя народам Европы.

В союзе с Германским народом, Русский народ должен уничтожить эту стену ненависти и недоверия. *В СОЮЗЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ГЕРМАНИЕЙ ОН ДОЛЖЕН ПОСТРОИТЬ НОВУЮ СЧАСТЛИВУЮ РОДИНУ В РАМКАХ СЕМЬИ РАВНОПРАВНЫХ И СВОБОДНЫХ НАРОДОВ ЕВРОПЫ.*

С этими мыслями, с этим решением, в последнем бою вместе с горстью верных друзей я был взят в плен.

Свыше полугода я пробыл в плену. В условиях лагеря военнопленных, за его решеткой я не только не изменил своего решения, но укрепился в своих убеждениях.

На честных началах, на началах искреннего убеждения, с полным сознанием ответственности перед Родиной, народом и историей за совершаемые действия, я призываю народ на борьбу, ставя перед собой задачу построения Новой России.

Как я себе представляю Новую Россию? Об этом я скажу в свое время.

История не поворачивает вспять. Не к возврату к прошлому зову я народ. Нет! Я зову его к светлому будущему, к борьбе за завершение Национальной Революции, к борьбе за создание Новой России — Родины нашего великого народа. Я зову его на путь братства и единения с народами Европы и в первую очередь на путь сотрудничества и вечной дружбы с великим Германским народом.

Мой призыв встретил глубокое сочувствие не только в широчайших слоях военнопленных, но и в широких массах Русского народа в областях, где еще господствует большевизм. Этот сочувственный отклик русских людей, выразивших готовность грудью встать под знамена Русской Освободительной Армии, даст мне право сказать, что *Я НАХОЖУСЬ НА ПРАВИЛЬНОМ ПУТИ, ЧТО ДЕЛО, ЗА КОТОРОЕ Я БОРЮСЬ, — ПРАВОЕ ДЕЛО, ДЕЛО РУССКОГО НАРОДА. В ЭТОЙ БОРЬБЕ ЗА НАШЕ БУДУЩЕЕ Я ОТКРЫТО И ЧЕСТНО СТАНОВЛЮСЬ НА ПУТЬ СОЮЗА С ГЕРМАНИЕЙ.*

Этот союз, одинаково выгодный для обоих великих народов, приведет нас к победе над тёмными силами большевизма, избавит нас от англо-американского капитала.

В последние месяцы Сталин, видя, что Русский народ не желает бороться за чуждые ему интернациональные задачи большевизма, изменил политику в отношении русских. Он уничтожил институт комиссаров, он попытался заключить союз с продажными руководителями преследовавшейся прежде Церкви, он пытается восстановить традиции старой армии. Чтобы заставить Русский народ проливать кровь за чужие интересы, Сталин вспоминает великие имена Александра Невского, Кутузова, Суворова, Минина и Пожарского. Он хочет уверить, что борется за Родину, за отечество, за Россию.

ЭТОТ ЖАЛКИЙ И ГНУСНЫЙ ОБМАН НУЖЕН ЕМУ ЛИШЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ УДЕРЖАТЬСЯ У ВЛАСТИ. ТОЛЬКО СЛЕПЦЫ МОГУТ ПОВЕРИТЬ, БУДТО СТАЛИН ОТКАЗАЛСЯ ОТ ПРИНЦИПОВ БОЛЬШЕВИЗМА.

Жалкая надежда! Большевизм ничего не забыл, ни на шаг не отступил и не отступит от своей программы. Сегодня он говорил о Руси и русском только для того, чтобы с помощью русских людей добиться победы, а завтра с ещё большей силой закабалить

Русский народ и заставить его и дальше служить чуждым ему интересам.

Ни Сталин, ни большевики не борются за Россию.

ТОЛЬКО В РЯДАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОЗДАЕТСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАША РОДИНА. ДЕЛО РУССКИХ, ИХ ДОЛГ — БОРЬБА ПРОТИВ СТАЛИНА, ЗА МИР, ЗА НОВУЮ РОССИЮ. РОССИЯ — НАША! ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА — НАШЕ! БУДУЩЕЕ РУССКОГО НАРОДА — НАШЕ!

Многомиллионный Русский народ всегда на протяжении своей истории находил в себе силы для борьбы за свое будущее, за свою национальную независимость. Так и сейчас не погибнет Русский народ, так и. сейчас он найдёт в себе силы, чтобы в годину тяжёлых бедствий объединиться и свергнуть ненавистное иго, объединиться и построить новое государство, в котором он найдёт свое счастье.

Генерал-лейтенант А. А. Власов

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Первая казачья дивизия — Батько

Катастрофическое положение на всех фронтах в лето 1943 года всё больше и больше принуждает немцев прибегать к использованию антикоммунистических сил из народов СССР.

Летом 1943 года немецкое главное командование сухопутных сил ОКХ (обер командо дес херрес) отдало приказ на организацию 1-й казачьей дивизии. Командиром дивизии назначается молодой талантливый генерал, кавалер рыцарского креста, Хельмут фон Панвиц. (Фон Панвиц до этого назначения служил в чине полковника в штабе Клейста — командующего южным участком немецкого Восточного фронта).

С начала мая 1943 г. в район гор. Млава (Польша) стали стягиваться с фронта и тыла казачьи отряды. Во главе этих отрядов находились казачьи офицеры, которым, в свое время, каким-то путем посчастливилось добиться разрешения у немецкого командования на формирование этих отрядов. Офицерский состав отрядов, в подавляющем большинстве, состоял из бывших кадровых командиров Красой Армий. Однако, в приказе ОКХ указывалось, что всех казачьих офицеров, прибывших со своими отрядами в лагери формирования 1-й казачьей дивизии, сиять с командных должностей, их отряды реорганизовать и на все командные должности в дивизии назначить немецких офицеров и унтер-офицеров. В тыловых учреждениях, в штабах, должны быть также только немцы.

На основании такого приказа штаб 1-й Казачьей дивизии приступил к реорганизации прибывших казачьих отрядов, направляя казаков в новые организовывающиеся полки, а казачьих офицеров в, так называемый, «Запасной казачий полк».

Охватившая казаков радость в первые дни пребывания в лагере формирования 1-й Казачьей дивизии, заменилась разочарованием и негодованием. Становилась ясна немецкая авантюра. Вера в то, что немцы «опомнились» и дают возможность казакам бороться против Сталина в интересах народов СССР — лопнула.

В казачьей массе поднялся негодующий ропот. Многие казачьи офицеры стали требовать возврата их отрядов на фронт. Поднятый шум заставил немцев пойти на уступки. Пятьдесят процентов казачьих офицеров и семьдесят процентов казачьих под-офицеров было оставлено в дивизии, при чем, отправленных в «Запасной казачий полк» обещали немедленно вернуть, как

только они там пройдут учебу. (Немцы, отправку казачьих офицеров в «Запаской казачий полк» мотивировали тем, что, якобы эти офицеры недостаточно были подготовлены для командных должностей). После этих мероприятий казаки приутихли, да и дальнейший шум, в конце концов, мог привести к отправке не на фронт, а в лагерь военнопленных. Это знал каждый казак.

В середине июня в лагерь прибыл с Восточного фронта 600-й Донской казачий батальон. Прибывший батальон, как и все другие, подлежал немедленной реорганизации. Однако, этот батальон оказал особенно упорное сопротивление и категорически отказался подчиниться приказу о его реорганизации. Сопротивление было настолько упорным, что немцам оставалось только или разоружить и отправить этот батальон в лагерь военнопленных, или оставить его нетронутым.

Командир этого батальона, войсковой старшина (подполковник) Кононов, явился в штаб дивизия и в присутствии командиров бригад, полков, офицеров штаба дивизии и ген. П. Н. Краснова (к этому времени уже было организовано Главное Управление Казачьих Войск и ген. Краснов в качестве наблюдателя и советника присутствовал в месте формирования дивизии) заявил командиру дивизии ген. фон Панвицу, что он, в случае расформирования его батальона не отвечает за действия казаков и просит немедленно освободить его от должности или отправить его батальон обратно на фронт.

На попытку фон Панвица разъяснить необходимость реорганизации батальона, Кононов категорически заявил, что он не пойдет ни на какой компромисс. После такого решительного заявления Кононова, ген. фон Панвиц ответил: «Я вам сейчас ничего не могу сказать. Завтра к вечеру вы получите от меня соответствующий приказ».

Вечером на другой день был получен приказ.

«Приказ № 13.

16 июня 1943 г., гор. Млава, штаб 1-й Казачьей дивизии.

§ 1.

600-й Донской Казачий батальон переименовать в 5-й Донской казачий полк. Командиром полка назначается подполковник Кононов. Все офицеры и унтер-офицеры бывшего 600-го Донского казачьего батальона остаются в составе полка. Полк сформировать по штатам генерального штаба.

Основание: радиограмма ген. штаба от 15 июня за № 008/504.

Командир 1-й каз. дивизии, генерал-майор фон Панвиц»

Этот смелый и решительный отпор немцам казаков 600-го каз. Донского батальона и его командира войскового старшины Кононова был единственным случаем в истории формирования

добровольческих частей, заставивший немцев пойти на неслыханный раньше компромисс.

К 20-му июня 1943 г. 1-я Казачья дивизия была сформирована в составе 7-ми полков: 2 донских, 2 кубанских, 1 терский, 1 сибирский и 1 сводно-запасной. По три полка в бригаде. (Смотри схему).

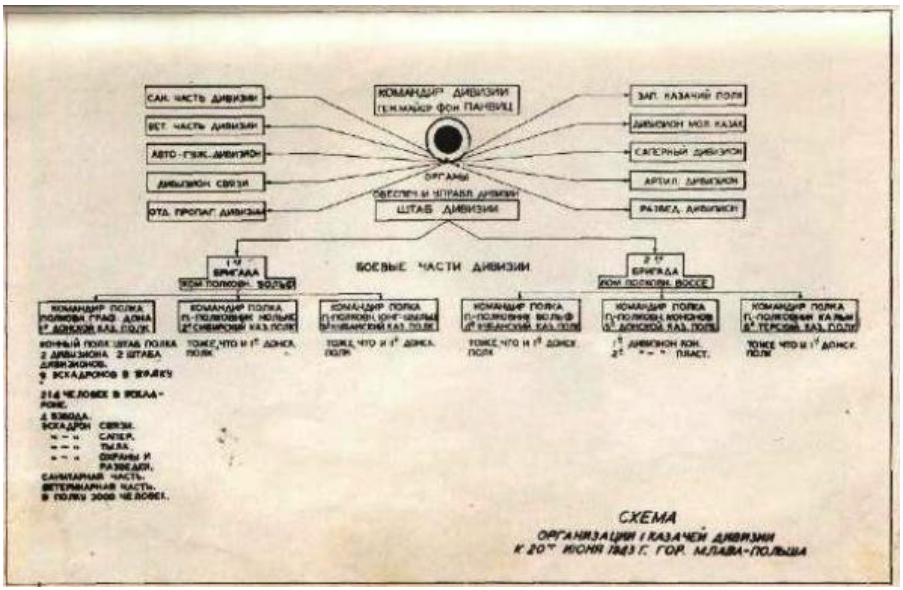

КОМАНДИР ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР фон ПАННВИЦ
САН. ЧАСТЬ ДИВИЗИИ
ВЕТ. ЧАСТЬ ДИВИЗИИ
АВТО-ГУЖ. ДИВИЗИОН
ДИВИЗИОН СВЯЗИ
ОТД. ПРОПАГ. ДИВИЗИИ
ЗАП. КАЗАЧИЙ ПОЛК
ДИВИЗИОН МОТ. КАЗАК.
САПЕРНЫЙ ДИВИЗИОН
АРТИЛ. ДИВИЗИОН
РАЗВЕД. ДИВИЗИОН
ОРГАНЫ ОБЕСПЕЧ. И УПРАВЛ. ДИВИЗИИ
ШТАБ ДИВИЗИИ
БОЕВЫЕ ЧАСТИ ДИВИЗИИ
1-Я БРИГАДА
ВОЛЬФ
2-Я БРИГАДА
БОССЕ
КОМАНДИР ПОЛКА ПОЛКОВН. ГРАФ ДОНА 1-Й ДОНСКОЙ КАЗ. ПОЛК
КОМАНДИР ПОЛКА П/ПОЛКОВН. НОЛЬКЕ 2-Й СИБИРСКИЙ КАЗ. ПОЛК
КОМАНДИР ПОЛКА П/ПОЛКОВН. ЮНГ-ШУЛЬЦ 3-Й КУБАНСКИЙ КАЗ. ПОЛК
КОМАНДИР ПОЛКА П/ПОЛКОВН. ВОЛЬФ 4-Й КУБАНСКИЙ КАЗ. ПОЛК
КОМАНДИР ПОЛКА П/ПОЛКОВН. КОНОНОВ 5-Й ДОНСКОЙ КАЗ. ПОЛК
КОМАНДИР ПОЛКА П/ПОЛКОВН. КАЛЬМ 6-Й ТЕРСКОЙ КАЗ. ПОЛК
КОНН. ПОЛК: ШТАБ ПОЛКА 2 ДИВИЗИОНА. 2 ШТАБА ДИВИЗИОНОВ. 9 ЭСКАДРОНОВ В ПОЛКУ
214 ЧЕЛОВЕК В ЭСКАДРОНЕ.
4 ВЗВОДА ЭСКАДРОН
СВЯЗИ.
САПЕР.
ТЫЛА.
ОБОЗНЫ И РАЗВЕДКИ.
САНИТАРНАЯ ЧАСТЬ. ВЕТЕРИНАРНАЯ ЧАСТЬ.
В ПОЛКУ 3000 ЧЕЛОВЕК.
ТОЖЕ, ЧТО И 1-Й ДОНСК. ПОЛК
ТОЖЕ, ЧТО И 1-Й ДОНСК. ПОЛК
ТОЖЕ, ЧТО И 1-Й ДОНСК. ПОЛК
ТОЖЕ, ЧТО И 1-Й ДОНСК. ПОЛК
1-Й ДИВИЗИОН КОН. 2-Й " " ПЛАСТ.
ТОЖЕ, ЧТО И 1-Й ДОНСК. ПОЛК

СХЕМА
ОРГАНИЗАЦИИ 1 КАЗАЧЕЙ ДИВИЗИИ
К 20-ТУ ИЮНЯ 1943 Г. ГОР. МЛАВА-ПОЛЬША

Командирами бригад, полков, за исключением 5-го Донского полка, были назначены немецкие офицеры.

Командир 1-й бригады — полковник Вольф и командир 2-й бригады — полковник Боссе, прекрасно владели русским языком.

Командиры полков: полковник граф Донэр, — 1-й Донской полк, полковник Нольке — 2-й Сибирский полк, подполковник Юнг-Шульц — 3-й Кубанский полк, подполковник Вольф (родной брат командира 1-й бригады) — 4-й Кубанский полк, подполковник Кальм — 6-й Терский полк и подполковник Штабино — Запасной полк — были профессиональными кадровыми офицерами немецкой армии.

Командирами дивизионов были назначены также немецкие офицеры и лишь на должности командиров сотен (эскадронов), взводов и отделений был назначен некоторый процент казачьих офицеров и под-офицеров.

Дивизия получила немецкое вооружение, автотранспорт, пополнилась обозом и лошадьми. Форма одежды — немецкая, но знаки отличия — казачьи.

К 25-му июня учеба в дивизии была в полном разгаре. Немецкое оружие было быстро освоено казаками. Немецкое

командование пребывало в полном удовлетворении успехами казаков в учебе. Однако были некоторые, тогда большие, шероховатости из-за языка и национальной гордости как со стороны немцев, так и со стороны казаков.

И. Н. Кононов — командир 436 стрел. полка 155 стрел. дивизии Красной армии в чине майора.

И. Н. Кононов — командир 5-го Донского Казачьего полка 1-й Казачьей дивизии в чине подполковника.

* * *

Прибыв в лагерь формирования 1-й казачьей дивизии наша сотня была размещена по соседству с 5-м Донским полком. Однако мы сразу не были включены в какой-либо из полков и довольно долго пребывали обособлено. Став соседями 5-го Донского полка мы сразу же заметили, что кононовцы (так все называли казаков из 5-го Донского полка) имеют знаки различии иные, нежели казаки других частей. Кононовцы имели малиновые петлицы с серебряными пиками на перекрест и не имеют в своих рядах немецких командиров. Познакомившись с ними поближе мы также увидели, что они смотрят на нас свысока и явно

чувствуют свое превосходство над нами.

Кононова, которого они называли — «Батько», прославляла чуть ли не до небес и до самозабвения были ему преданы. Кононовцы совершенно определенно и открыто высказывались против присутствия немецких офицеров в казачьих частях. В отношении немцев мы были с ними солидарны, но нам не нравилось их уж очень самоуверенное поведение, которым, как нам казалось, они бравировали и хотели показать свое презрительное отношение к нам — казакам, состоявшим под немецким командованием.

Нам — первым повстанцам на казачьей земле — поднявшимся на борьбу против Сталина, прошедшим через огонь и воду, было особенно обидно наблюдать такое отношение к нам: оно как-бы унижало нас. Заносчивое поведение кононовцев вызвало у нас не совсем дружелюбное отношение и к Кононову, которого мы еще не видели, и к его офицерам, которые, как нам казалось, держались тоже надменно.

Через несколько дней исполняющий должность командира нашей сотни — старший вахмистр Пфайль, — (Пфайль сменил отозванного куда-то в штаб ротмистра Шеллера), объявил нам перед строем, что он получил приказ сотню сдать и что завтра к нам прибудут казачьи офицеры.

На следующий день в сотню явился наш новый командир сотни — сотник Шикула и с ним несколько других офицеров-кононовцев. Мы были выстроены и познакомились с ними.

Солидный и интеллигентный Шикула имел внушительный вид к произвел на нас хорошее впечатление. (Шикула — в прошлом капитан и штабной офицер Красной армии).

«Я знаю, — сказал он нам, — что ваша сотня прошла большой боевой путь. Получив вашу сотню под свое командование, мне этим оказана большая честь. Завтра, командир нашего 5-го Донского казачьего полка, наш Батько, войсковой старшина Кононов, будет говорить с вами. Он слышал много хорошего о вас и желает лично познакомиться с вами.»

Польщенные такими словами, мы остались довольны своим новым командиром-кононовцем и загорелись желанием поскорее увидеть самого Батько-Кононова.

На следующий день, после нашего разговора с Шикулой, на лагерном плацу был выстроен 5-й Донской полк. Поблескивая боевыми орденами, чеканя шаг, наша сотня с песнями подошла к месту построения полка.

В центре, перед строем, подавая команды, распоряжался помощник командира полка — майор Пуговичников (о котором мы уже так много успели наслышаться от казаков-кононовцев).

Интересное впечатление произвел он на нас. Стройный, подтянутый, резкий и поворотливый, с моложавым румяным лицом и с длинной пушистой белой, как лунь бородой, Пуговичников производил впечатление красавца-старика, затянутого в мундир. Он был похож на офицеров Павловских времен императорской России, о которых нам, молодым казакам, пришлось только читать в книгах.

«Дедушка-майор» называли его между собой казаки-кононовцы. О нем рассказывали всякие легенды, говорили, что он неимоверно строгий, придирчивый, неугомонный и злой старик. Однако, из рассказов можно было заключить, что казаки все-таки любят своего злого «Дедушку-майора».

Помню, один казак рассказал нам, как однажды, еще когда их полк стоял в г. Могилеве, он со своим приятелем, ночью, украдкой, ушли из казарм погулять к «девочкам», что строго преследовалось. Утром, пробираясь к забору казарм и стараясь проскользнуть незаметно в казарму, они натолкнулись на объезжавшего верхом расположение полка «Дедушку-майора». Увидав проказников, последний, пришпорив коня, помчался к ним.

«Эй, казачки… а ну-ка, стой! Давай-ка сюда!» — закричал он.

Один казак, не долго думая, бросился наутек, перепрыгнул через ограду и был таков. Другой, в испуге, растерявшись, вытянувшись в струнку, стал докладывать, подскочившему к нему Пуговичников:

— Казак Донского Войска, второго дивизиона, — забормотал перепуганный казак…

— Баба ты, баба, а не казак, — закричал на него Пуговичников, — вон казак, убежал, черта с два я его теперь найду, а ты баба, а не казак. Нет у тебя казачьей сноровки. Марш в сотню, трое суток ареста. (Я сильно смягчаю настоящие выражении Пуговичникова).

Подобное о Пуговичникове рассказывали и многие другие казаки. Из всего рассказанного о нем можно было видеть, что хотя «Дедушка-майор» и очень строг и придирчив, но он и явно поощряет ловкость, находчивость, изворотливость, смелость и т. п., т. е, то, что называется казачьей сноровкой. Зная все это о Пуговичникове, мы с большим интересом наблюдали, как он распоряжается.

Подойдя к замершей в положения «смирно» нашей сотне, приняв рапорт сотника Шикуло, прищурившись, кивнув на нас головой, он не громко (однако многие из нас слышали) сказал: «Да, да, знаю… это эти онемеченные» и потом, уже громко, обращаясь к нам, поздоровался — «Здравствуйте, соколы!»

«Здравствуйте… Здравия желаем…» — забормотали мы в разброд.

«Это что такое! Кто-же так здоровается!» — крикнул возмущенно Пуговичников. «Где это так вас учили?! Словно бабы рязанские на базаре загалдели. Вы смотрите, не осрамите меня перед командиром полка. Да я вас…» и «Дедушка-майор» принялся уже было давать нам изгоняй, как в это время кто-то из адъютантов подскочил к нему и доложил, что едет командир полка: «Батько едет, господин майор!» Пуговичников бросился к центру построения и оглядываясь, угрожающе поглядывая на нас, подал команду: «Полк смирно!.. равнение на середину!.. господа офицеры!» Все взгляды впились в подъезжающую медленно легковую машину.

В СССР, нам, молодым казакам, не раз приходилось видеть в кинофильмах легендарных народных вождей революции 1917-20 г. г., таких, например, как Чапаев, Щорс и др. Роли этих вождей исполнялись опытными артистами и их вид производил на зрителей поистине исключительное впечатление. Мы, молодежь, видели на экране смелых и лихих командиров, с заломленной «чертом» папахой, с боевой, твердой осанкой. В нашем воображении представлялся легендарный герой именно только таким, каким мы видели его в кино-фильмах «Чапаев», «Щорс» и др.

Вышедший из машины человек поразил нас свои видом, абсолютно сходным с нашим представлением о легендарном герое.

Кононов, с твердой осанкой, с пышными пшеничными усами, в заломленной «чертом» донской папахе, в бурке, с казачьей шашкой и плетью в руках, приковал к себе наши взоры.

Вслед за Кононовым из машины вышли двое усачей-детин в высоких мохнатых белых папахах, с черными длинными бородами. У одного в правом ухе поблескивала золотая серьга. Это были постоянные телохранители Кононова.

Среди мертвой тишины замершего по команде «смирно» полка, слышался рапорт «Дедушки-майора»:

«Господин подполковник, вверенный вам 5-й Донской казачий полк по вашему приказанию выстроен».

«Здравствуйте, мои сыны!» — отрывисто и громко поздоровался Кононов.

«Здравия желаем, господин подполковник» — дружно грянул полк.

Наша сотня ответила гробовым молчанием. Перепуганные, накричавшим на нас Пуговичниковым, за то, что мы не умеем здороваться, мы просто не решились ответить на приветствие

Кононова. Дело в том, что приученные здороваться по-немецки, большинство из нас действительно не знало, как полагается с начальством здороваться по-русски. Те-же, которые знали, умышленно промолчали, дабы опять не произвести «галдеж», как назвал «Дедушка-майор» наш ответ на его приветствие.

Окинув орлиным взором полк, приложив к папахе руку, Кононов, под полковой оркестр стал обходить строй полка. Вслед за ним двинулся «Дедушка-майор» и другие старшие офицеры.

Подойдя к нашей сотне Кононов замедлил шаг, с бронзового, загорелого лица, на нас в упор, пронизывающе насквозь, смотрели яркие зеленые глаза. Перед нами было необычное, лицо, каким обладают в большинстве люди, — перед нами было лицо тонкое, с прямым носом и с орлиным твердым взглядом. Что-то специфически-казачье было в его облике и манерах. Из подлобья смотрели мы, молодые казаки, на Кононова, в первый раз увидевшие перед собой казачьего вождя — «Батько».

Обойдя строй Кононов обратился к полку с речью: «Мои славные сыны! Вот уже третий год как мы, в ужасно трудных условиях, ведем жестокую борьбу против поработителей нашей Родины. Все вы свидетели тому, с какими трудностями пришлось нам добиться разрешения для организации борьбы против Сталина. Несмотря на это, мои родные, я с совершенной уверенностью могу заявить, что вы не падали духом даже в такие мрачные для нас дни, когда все наши шансы на организацию освободительной борьбы против Сталина были у нас отобраны. Когда наши союзники-немцы не хотели и слышать о создании крупных казачьих вооруженных единиц и вообще о какой-либо другой реальной силе из народов России. В эти трагические дни на протяжении более двух лет вы, мои славные воины — сыны вольнолюбивого казачьего народа, с не угасающей энергией и неограниченной жертвенностью, с верой в Бога и великой надеждой и верой в победу правды над неправдой, вели неустанную богатырскую борьбу. Вашим боевым подвигам нет равных в мире! Желательно или не желательно нашим врагам, но будущие беспристрастные и честные историки вынуждены будут отметить вашу исключительную боеспособность, ваше неизмеримое упорство и храбрость в борьбе за победу добра над злом.

На пройденном пути мы оставили немало казачьих могилок. Дорогой ценой мы платили за наши боевые победы. Дорогой ценой и впредь придется платить нам за нашу упорную волю обрести свободу для нашей великой Родины. На нашем тернистом пути нам придется встретить еще немало преград, но я твердо верю, что ни вы, ни я, не свернем с намеченного пути и будем

штурмовать любые преграды какие-бы они не были и чего-бы это нам ни стоило.

Сегодня, мои славные, с великой радостью заявляю вам, что в нынешний день мы уже не горсточка вооруженных казаков, какой мы начали борьбу нашим доблестным 102-м Донским казачьим полком в 1941 году. Сегодня мы находимся в лагере 20-ти тысячного вооруженного казачьего войска! Войска, с высоким боевым качеством и неизмеримой духовной силой.

Крепко верю, что настанет время, когда наши вооруженные силы будут исчисляться не тысячами и не десятками тысяч, а миллионами. Вот тогда-то мы и померимся силами с любым врагом, ставшим на нашем пути. Вот тогда-то мы и посчитаемся со всеми теми, кто испакостил нашу великую Родину, кто задумал превратить ее в арену экспериментов для достижения своих темных целей. Мои родные, я всегда говорил вам, скажу и сейчас, и прошу это крепко помнить, — Красная армия — это наша армия, солдаты и командиры Красной армии, это наши солдаты и командиры. Генералы Красной армии — это наши генералы. Мы должны помочь им вырваться из паутины, сплетенной тираном-Сталиным и предоставить им возможность нами командовать и вести нас к светлому будущему нашего великого Отечества. Красная армия должна вся полностью перейти к нам, в наши братские объятия. Мы должны вырвать ее из цепких когтей политических преступников, создавших своими темными действиями заколдованный круг в нашем Отечестве. Мы должны прорвать этот заколдованный круг и соединиться с нашим многострадальным народом и только тогда падут ниц все наши враги и только тогда наша Родина станет свободной. Вам — лучшим сынам народов России, вам — сынам донских степей, красавицы Кубани и буйного Терека, вам, казакам, — сынам свободы, доблести и чести, история начертала путь борьбы, в которой вы являетесь авангардом в настоящих и будущих великих сражениях. И это не случайно.

Если мы вглядимся в историю нашего Отечества, то мы увидим, что именно казачество было всегда авангардом в борьбе против любого насилия, против любой неволи.

Сталин и его опричники задумали вытравить из нас казачий дух, выжечь каленым железом наши души, пытками, концлагерями, великими мучениями заставить нас отказаться любить свободу, отказаться от борьбы за нее.

Да не тут-то было. Не таковы казаки, чтобы сдаться на милость презренному, нечестному и трусливому врагу и быть его послушными рабами.

Нет. Любовь к свободе дана нам от Бога и никто ее не был в

силах вытравить из казаков ни раньше, ни теперь, не в силах будет вытравить и в будущем. Казачество — это колыбель свободы народов России и это — не угасающий очаг свободы. Вот почему русский народ сочинил о казаках такие прекрасные былины, песни и предания. Вот почему все народы России с великой любовью поют песни о казачестве, о его боевых подвигах, о его чести и славе.

Мои родные сыны! Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что мы достойны своих славных казачьих предков! И я верю, что придет час, когда мы, казаки, готовы будем вместе со всем великим русским народом и другими народами России приступить к штурму заколдованного круга. Я верю, мои славные сыны, что скоро придет час, когда мы на дедовских арчаках вихрем понесем нашу радость — освобождение святой Руси в наш дедовский вековой казачий Дом!»

Среди мертвой тишины застывшего полка, как святая заповедь лилась речь Кононова и глубоко западала нам в душу. Такой речи, от таких больших казачьих начальников мы еще не слышали. От слов Кононова у меня першило в горле, у многих других я видел на глазах слезы. Многое напомнил нам Кононов: о великом несчастном русском народе, не знавшем никогда свободы, о вольном казачестве, всегда так дорого плативщем за свою свободу.

После официальной части построения, Кононов стал обходить ряды и дружелюбно, по-отцовски, говорить с казаками.

Подойдя к нашей сотне, окинув нас взором, он, сделав удивленный вид и разведя руками, воскликнул: «Вот, герои-то какие! Орденов-то сколько!» и тут-же стал шутить с казаками, многих расспрашивать о личной жизни, многим пожимать руки, пересыпая свою речь словами: «Сыночки», «славные», «герои» и т. п. Перед нами теперь уже был не суровый начальник, а добрый, ласковый и веселый «Батько».

Вся эта картина разговора казаков со своим Батькой, отражала особый казачий быт, особый уклад казачьей жизни, испокон веков присущей только казакам.

После построения, возвращаясь в свои бараки, мы уже были не «Чужаками» кононовского полка, нет, мы возвращались кононовцами, самыми настоящими, обретшими своего казачьего вождя, за которым мы, наравне со всеми другими, готовы были идти в огонь и и воду. «Вот это Батько, так — Батько! С таким и умереть не жалко» — говорили казаки с восторгом и радостью.

* * *

Кононов Иван Никитич родился 2 апреля 1903 года в семье донского казака, в станице Новониколаевской. Службу в Красной армии начал в 1920 г. красноармейцем 14-й кав. дивизии 1-й конной армии Буденного. В 1922 г. окончил школу младшего комсостава. В 1924 г. поступает в объединенную военную школу им. ВЦИКа (Москва) и в 1927 г., окончив эту школу направляется в 5-ю кав. дивизию, в которой служит до 1934 г., занимая должности командиров взвода, эскадрона, начальника полковой школы, командира полка. В 1935 г. поступает в Военную академию им. Фрунзе (Москва), заканчивает ее в 1935 г. и назначается командиром 436-го стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии, участвует с полком в войне против Финляндии. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды. Кононов был членом комсомола с 1924 г. по 1927 г., в партии ВКП(б) с 1927 г. по 1941 г.

Начать открытую вооруженную борьбу против Сталина Кононов задумал еще во время Финской кампании, но видя безусловное поражение Финляндии, отложил свои действия до более благоприятного случая. Кононов понимал, что свергнуть усовершенствованный Сталиным аппарат насилия невозможно никакой внутренней революцией, т. к. народ был лишен всякой возможности к совершению таковой. Оставалась единственная возможность свергнуть власть Сталина, используя удар извне. Кононов сразу-же, при первом ударе немцев 22 июня 1941 г. решил осуществить задуманный план.

Находясь со своим 436-м стрелковым полком в арьергарде отступающей 155-й стрелковой дивизии, наносит сокрушительный удар, преследующей его немецкой части, разбивает ее наголову, и, таким образом, отрывается от своей дивизии, могущей помешать исполнению задуманного им плана организованного перехода. (Характерно, что Кононов нанес жестокий удар передовым частям корпуса будущего своего начальника ген. Шенкендорфа а районе Погоста (Белоруссия) 3 августа 1941 г.

Кононов еще задолго до этого момента подготовлял своих подчиненный солдат и офицеров придти к решению на открытую вооруженную борьбу против Сталина. В обращений с солдатами он был всегда строго справедлив и ласков. Если ему нужно было отдать распоряжение или просто обратиться к какому-либо солдату или офицеру, то он, к примеру, говорил: «А ну-ка, славный, сбегай-ка в 5-ю роту» или в разговоре с каким-либо неряшливым красноармейцем говорил: «Ты, сынок, приведи себя в порядок, боец должен быть примером всем другим». Слова «Сынок» и «славные» у Кононова не сходили с уст, в результате

чего красноармейцы между собой стали называть его «Батько», потом это вошло в обычай и позднее принялось во всех казачьих частях Кононова и разнеслось по всем добровольческим частям и лагерям военнопленных Красной армии. Солдаты полка любили своего ласкового «Батько» и гордились его боевыми подвигами, участниками которых они все были еще в Финскую компанию.

Писать о ненависти солдат Красной армии к паразитической власти Сталина мне нет надобности. Факт наличия вооруженной борьбы против Сталина говорит сам за себя.

Словом, у Кононова нашлось достаточно оснований, чтобы положиться на подчиненных своего полка. Естественно, некоторый процент из состава полка отнюдь не был расположен переходить на сторону немцев и вести борьбу против Сталина, а наоборот, эти люди были фанатичными защитниками власти Сталина и представляли собой опасность, с которой до поры до времени приходилось считаться. Особый отдел и свора сексотов строго следили за настроениями и действиями бойцов и командиров полка, но спецам из Особого отдела и в голову не могло придти, что прославленный командир полка, к тому-же только-что на их глазах жестоко разбивший немцев, таит в душе ненависть к советской власти и организовывает борьбу против этой власти. Кононов так умело действовал, что никто из этих людей и ахнуть не успел, как они очутились перед лицом постигшей их действительности.

* * *

Избрав своего самого верного офицера, Кононов, под видом разведки послал его через фронт к немцам с письмом, в котором излагались его намерения. Посланный офицер вернулся с положительным результатом и заверением ненецкого командования о их благосклонном отношении к решению Кононова.

Надо сказать, что как раз перед этим из полка только-что отбыл присланный из штаба 61-го стрелкового корпуса начальник химической службы корпуса, майор Поздняков В. В., которого командир корпуса прислал поздравить Кононова с победой над немцами и сообщить ему о представлении его к награде.

Получив ответ от немцев Кононов сразу-же, не откладывал ни на минуту, приказал своим командирам и политработникам полка явиться к нему. Офицеры, бывшие в заговоре, приказали своим бойцам окружить офицерское собрание. Встав перед командирами своего полка Кононов, с характерной ему

твердостью и ясностью, сказал: «Мои славные командиры! Совершенно сознательно и откровенно вам заявляю, что я советскую власть ненавижу! Сейчас я перехожу на сторону немцев для организации русских вооруженных сил, которые будут бороться против тирана — Сталина потопившего в крови русского народа нашу Родину. Мои славные, командиры! Вы прошли со мной славный боевой путь, вы не посрамили имя русских командиров в борьбе с противником, но настал час, когда вы должны во имя свободы Отечества обратить свое оружие против главного врага нашего народа. Вы все знаете, что Сталин для сохранения своей личной власти, замучил тысячи лучших командиров Красной армии, миллионы нашего народа голодны, раздеты, измучены, проклятой властью тирана. Миллионы ваших братьев, которых истязают в застенках НКВД, требуют от вас их освобождения. Лично я твердо стал на путь борьбы против советской власти и не сойду с этого пути, пока буду жив. А сейчас, мои славные, я вас прошу — те, кто сознательно желает идти со мной, пусть отойдут в право, а кто желает оставаться пусть отойдут влево. Предупреждаю, всем желающим оставаться ничего не угрожает».

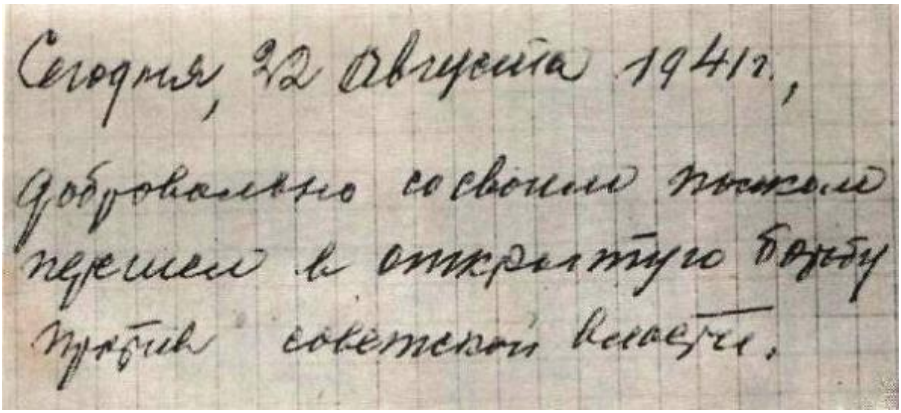
Впоследствии комиссар полка Дм. Панченко (также перешедший с полком) часто рассказывал, что у него волосы стали дыбом от слов командира полка. Но надо сказать, что никто из политработников полка не решился отойти влево и лишь после в личном разговоре с Кононовым наедине, некоторые из них признались в своем желании остаться. Кононов был крайне заинтересован (с определенней целью), чтобы кое-кто, именно, из политработников остался на советской стороне и он постарался уверить этих людей, что с его стороны им ничего не угрожает. Он также оставил некоторых своих командиров и бойцов с секретным заданием. Оставшиеся по приказу Кононова, в первую очередь должны были, вернувшись в дивизию, немедленно рассказать бойцам о случившемся, а потом уже доложить командованию о своем прибытии.

Это мероприятие принесло большую политическую пользу. Вся дивизия была крайне распропагандирована. Скрыть от бойцов переход целого полка на сторону немцев командование не смогло, т. к. «беспроволочный телеграф» трезвонил во все стороны. Оставшиеся политруки заявили, что Кононов их отпустил добровольно и это тоже сыграло большую политическую роль.

Закончив разговор с командирами и политработниками полка Кононов с той-же речью выступил перед бойцами. На вопрос: «Кто со мной» солдаты Красной армии громогласно

кричали: «С тобой, Батько!».

22 августа 1941 г. в 9 час. утра 436 стрелковый полк 155 стр. дивизии, под командованием майора И. Н. Кононова, вступил в открытую борьбу против советской власти, перейдя на сторону немцев. (См. фотокопию из дневника Кононова).


Сегодня, 22 августа 1941 г.,
добровольно со своим полком
перешел в открытую борьбу
против советской власти.

Фотокопия из дневника И. Н. Кононова.

* * *

Командование Центрального немецкого фронта было и заинтересовано и озабочено случившимся 22 августа 1941 года.

Добровольный и организованный переход на их сторону целого полка со своим командиром был неожиданностью. Как в таком случае поступить предусмотрело не было. До сих пор всех перебежчиков и военнопленных Красной армии, которых в то время было десятки тысяч ежедневно, обычно отправляли в лагеря военнопленных, но те люди были взяты в плен, а тут было нечто неожиданное. Начальник тыла Центрального немецкого фронта, командир армейского корпуса генерал-лейтенант Шенкендорф, пригласил Кононова и его офицеров на устроенную им дружескую встречу. Встреча протекала в весьма дружеской атмосфере. Позднее, майор граф Риттберг (в то время лейтенант), описывая эту встречу в специальном бюллетене, издававшемся в 15 каз. корпусе, вспоминал, как Кононов неожиданно вышел в сад (дело было летним вечером) и долго не возвращался и как у него мелькнула мысль, что советский майор бежал, как вдруг Кононов вошел, держа в руках сорванные в саду яблоки. Как будто нарочно он подошел к графу Риттбергу и протянул ему яблоко. «С тех пор, — писал граф Риттберг, — я не разлучен с моим дорогим Иваном Никитичем по сегодняшний день». (Вначале граф Риттберг был назначен офицером связи при 102 каз. полку и в

дальнейшем неразлучно находился с Кононовым при всех формированиях, которыми командовал последний, почти до конца войны).

Кононов просил ген. Шенкендорфа немедленно ходатайствовать перед немецким правительством о разрешении ему начать формировать Русскую Освободительную Армию. Он заверял ген. Шенкендорфа, что при наличии Русской Освободительной Армии война перейдет в гражданскую и с коммунизмом будет покончено навсегда.

Надо сказать, что ген. Шенкедорф был человек весьма умный и честный. Это был немец, способный многое понимать. Он хорошо понимал Кононова и искренне сочувствовал стремлению освободить свое Отечество от неслыханного в мире насилия и издевательства над народом. Он сказал, что приложит все усилия, чтобы добиться разрешения от немецкого правительства, необходимого для осуществления плана Кононова. А пока что, он, ген. Шенкендорф, разрешает ему, майору Кононову, под свою личную ответственность, формировать один полк и при этом добавил, что лучше будет, если этот полк будет называться не русским, а казачьим. (Ген. Шенкендорф знал, что Гитлер и все нацисты слово «русский» не выносят и могут запретить предпринять что-либо, но он об этом, конечно, Кононову сказать не мог).

Кононов, будучи сам донским казаком, с радостью согласился формировать «пока-что» (как думал он в то время) один казачий полк. Он твердо верил, что немецкое правительство безусловно понимает сколь легко разгромить коммунизм при помощи народов России и, конечно, разрешит ему действовать. Веря в себя, в свою подготовку, твердость и решительность, зная свой народ и веря в него, окрыленный надеждой Кононов со всей своей энергией принялся формировать казачий полк.

Ген. Шенкендорф предоставил Кононову полную свободу действий во всех направлениях: в административном, хозяйственном, военном и политическом.

Для связи ген. Шенкендорф прикомандировал к полку связного офицера — лейтенанта графа Риттберга, а для обеспечения полка в материальном отношении, вооружением, боеприпасами и т. д. были прикомандированы из немецкого состава офицер-хозяйственник и группа унтер-офицеров.

Подбор казаков, казачьих офицеров, структура построения боевой части и ее обучение, было непосредственно предоставлено Кононову. Генерал Шенкендорф приказал так-же немецкому саперному батальону оборудовать казармы для казачьего полка. В течение 14 дней этим батальоном были прекрасно оборудованы

казармы, склады, конюшни, кухни, тиры, манежи и т. д. Параллельно получалось обмундирование, оружие и огнеприпасы советского происхождения, обоз, автомашины и запасы продовольствия. Надо сказать, что во всех этих мероприятиях особенно активно и с искренним желанием помочь казакам принимали участие адъютант ген. Шенкендорфа капитан Гильке, начальник оперативного отделения штаба корпуса майор Кревель и другие немецкие офицеры. Эти люди, не щадя своих сил, делали все возможное с их стороны, чтобы помочь Российскому Освободительному Движению, но их связывала по рукам и ногам вышестоящая власть — власть бредовой политики нацизма.

Костяком формируемого полка, естественно, оказался людской состав 436 стр. полка, но многие из этого состава не были приняты в казачий полк, т. к. в него, прежде всего, набирались казаки. Не принятых немецкие власти устроили, с соответствующими документами, на гражданскую работу.

Ровно через 8 дней после перехода к немцам, Кононов 1 сентября прибыл в лагерь военнопленных в г. Могилеве для набора казаков-добровольцев в первую боевую единицу Освободительного Движения Народов России 1941-45 г. г. В лагере насчитывалось свыше 5.000 военнопленных. Все военнопленные были выстроены во дворе лагеря, Кононов выступил со следующей речью: «Дорогие братья, нашей необъятной родины России! Я, донской казак, прослуживший в Красной армии с 1920 г. по 22 августа 1941 г. знаю прекрасно, как вы жили при советской власти. Видел все ужасы, принесенные нам большевиками — голод, нищету, бесправие, поэтому решил уйти от большевиков и поднять всех честных людей, любящих свою родину, на борьбу за освобождение нашего Отечества от преступной власти Сталина. Немцы нам идут навстречу, как союзники, и помогут нам снабжением, оружием, обмундированием, продовольствием и др. средствами до полного разгрома большевиков. После свержения советской власти мы сами установим свою народную власть. За помощь, оказанную нам немцами, мы, безусловно, отплатим добром: как? тогда будет видно, но это не значит, что мы немцам отдадим территорию, или себя в кабалу. Нам помогут немцы, а мы им, ибо коммунизм угрожал и угрожает немецкому народу тоже. Поэтому мы выступаем как союзники. Мы выступаем не против русского народа или других национальностей, населяющих просторы России — мы выступаем против кровавой власти Сталина. Мы будем представлять из себя армию освобождения нашей Родины от коммунизма и восстановления в ней настоящего справедливого всеобеспечивающего порядка к жизни людей.

Свобода слова, печати, право на вероисповедание. В скором будущем, я думаю и уверен, найдутся люди из нашего народа, которые образуют правительство и выработают программу наших чаяний и желании. В этой борьбе мы, безусловно, должны использовать помощь Германии другого выхода у нас нет.

Завтра в 10 часов утра, здесь, в лагере, я буду отбирать всех тех людей, которые хотят идти в открытый бой против большевиков. Конечно, в первую очередь, буду брать казаков, т. к. первая формирующаяся часть будет казачья.

До свиданья, братья!»

В эту ночь в лагере никто не спал.

Возбужденные люди говорили без конца, забыв о сне, забыв даже, что они смертельно голодные. Воевать за Россию, за свободную Россию без большевиков, без палачей НКВД, без сексотов и убийц Сталина, за Великое Отечество, где можно будет жить не боясь, что за тобой ночью приедет «черный ворон» — «карета» НКВД и мрачные, озлобленные садисты бросят тебя в нее, как затравленного зверя и повезут на пытки и неслыханные мучения, о которых свободный мир не имеет ни малейшего представления. Видеть Россию свободной казалось каждому несбыточным счастьем, о котором мечтал каждый человек в СССР. Но воевать рядом с немцами… ах, черт с ним, с немцем, с кем угодно, лишь бы против Сталина.

Обуреваемые этими горящими мыслями бойцы и командиры Красной армии не спали целую ночь.

Наутро в 10 часов приехал Кононов. В лагере творилось что-то невероятное — все (за исключением некоторых) желали идти на борьбу. Глаза у Кононова горели радостью и гордостью за свой народ, за людей, с которыми вырос, учился, служил и к которым сам принадлежал. Он готов был их всех взять, всех до единого, но он этого не мог сделать «пока-что» (опять таки так думал Кононов).

Попросив всех успокоиться и установить тишину, он сказал: «Мои родные! Я бесконечно рад и горд за вас всех, дорогие братья. Я еще больше верю в правоту освободительной борьбы. Ваше желание вступать в ряды борцов против коммунизма, подтверждает правоту начатого нами дела. Верьте, братья, я не единственный, таких как я будет много. Формирования скоро начнутся по всему фронту. Мы развернемся в огромную освободительную армию. Красная армия — это наша армия и вся она перейдет на нашу сторону. Тиран-Сталин останется один со своей кучной кровопийц, палачей-садистов из НКВД, но уже с этими «героями», я думаю, мы как-нибудь справимся (общий смех). Я прошу вас всех быть выдержанными и соблюдать

порядок. Сейчас я вас всех взять не могу, т. к. имею пока-что разрешение формировать один казачий полк, но оставшихся прошу духом не падать. Вскоре придет разрешение немецкого правительства на формирование других полков и дивизий Освободительной армии и все вы будете иметь счастье вступить в ее ряды. Как я уже сказал вчера, я буду брать, в первую очереди казаков».

На просьбу всем казакам отойти вправо — хлынул весь лагерь, все оказались «казаками». Каждый хотел вступить в казачий полк во что бы то ни стало, сегодня-же. Пришлось не отделяя казаков строить всех колонной и каждый должен был по очереди подходить к столу, за которым сидел Кононов со своими офицерами и немецким офицером связи. Подошедшему Кононов задавал вопросы: Казак? Какого Войска? Какой станицы? Сколько служил в армии? и т. п. Опрошенному Кононов говорил отойти вправо или влево. Долголетняя служба в армии и большой опыт позволяли ему сразу определять, на что способен стоящий перед ним солдат. После нескольких вопросов Кононов сразу определял, кто казак, а кто не казак. Тут уместно сказать, что если Кононов набирал казаков, то это лишь потому, что у него на это был соответствующий приказ немецкого командования. Он также учитывал, что многое будет зависеть от того, какого качества окажется первая боевая единица Освободительного Движения. Этому Кононов придавал большое значение. Он хотел в первых же боевых действиях показать немцам полезность и необходимость расширения Российского Освободительного Движения. В силу этого из более 4-х тысяч желающих Кононов отобрал 542 чел. — из них 405 казаков и 137 не казаков.

Такая-же картина происходила и в других лагерях военнопленных — в Бобруйске, Орше, Смоленске, Пропойске, Гомеле и др. местах.

К 15 сентября в Могилев, в место формирования казачьего полка, прибыло 1061 добровольцев. 16, 17 и 18 сентября 1941 г. в казармах происходила четкая, быстрая работа по следующему плану:

1. Разбивка казаков по подразделениям (сотням).
2. Баня, стрижка, бритье.
3. Получение обмундирования и подгонка его.
4. Получение оружия.
5. Устройство внутреннего порядка в казармах, конюшнях и на складах.

К 19 сентября Кононов сформировал полк в составе: 8 сотен, из них 1,2 и 3 — конные; 4,5 и 6 — пластунские; в каждой сотне по пулеметному взводу (4 станковых пулемета «Максима»);

пулеметная сотня — 16 станковых пулеметов «Максима» (4 взвода по 4 пулемета в каждом); минометная батарея — двенадцать 82 мм минометов (4 взвода по 3 миномета в каждом); артиллерийская батарея — шесть 45 мм и шесть 76 мм орудий.

Кроме боевых подразделений — подразделения: связи, саперное, хозяйственное и полковой духовой оркестр.

В полку: офицеров — 77, урядников — 201 и рядовых казаков — 1521; всего — 1799 чел.

19 сентября 1941 г. к 10 час утра казаки, все 1799 человек, были выстроены на большой площади вблизи казарм. Все, как один, в донских казачьих папахах, брюках с красными лампасами, с казачьими погонами. На правом фланге красуется знамя полка. Знамя держит 50-тилетний донской казак станицы Каргальской, Белогрудов Кузьма Никифорович, потерявший в подвалах НКВД 4-х сыновей и 2-х родных братьев, отбывший сам 12-тилетний срок в лагерях НКВД, где у него были выбиты все зубы и сломаны два ребра. Ассистенты у знамени — по два представителя от каждой Войсковой казачьей группы, состоявшей в полку, и два — от будущих казаков (т. е. не урожденных казаков, которых в полку было около 250 чел.), имея в виду афоризм прославленного Донского Атамана графа Платова: «Казаки не рождаются, а ими становятся». Первый Цавидис, грек из гор. Мариуполя, 36 лет, успевший 10 лет пробыть в концлагерях НКВД, потерять при допросах, зубы, где ему заодно сломали левую руку и два пальца на правой руке; второй — Ивановский Петр Иванович, 38 лет, бывший политрук гаубичного полка 100-й стрелковой дивизии, был членом ВКП(б) с 1933 г., в прошлом рабочий из Ивано-Вознесенска; советской властью не преследовался, но во имя спасения Родины от сталинского террора, ставший на путь борьбы со сталинской кликой. Левее знамени — полковой оркестр, созданный из состава полка. Далее в форме буквы «П», в двух-шереножном строю — все подразделения полка. Вокруг выстроенных казаков толпилось гражданское население: взрослые и дети, мужчины и женщины, старики и молодежь, пришедшие посмотреть на казанов — первых людей, ставших в этой войне на путь открытой вооруженной борьбы против «вождя мирового пролетариата», палача российских народов — Сталина. Слышно было, как люди переговаривались между собой: «Вот это да, русские герои, за Россию против Еськи Джугашвили ишака чертова, что замучил народ вконец, изверг треклятый!»

Группа стариков подошла совсем близко к строю и один совсем глубокий, смотря на всех воспаленными глазами, громко, так, что далеко было слышно, сказал: «Слава вам вечная, дети-казаки! Поклон вам от нас мужиков-белорусских. Слава России-

Матери и смерть коммуне проклятой! Мы все готовы подсобить вам в борьбе против большевика».

В 10 часов со стороны казарм показалась небольшая группа всадников. Впереди на сером англо-арабе скакал донской казак — командир казачьего полка майор Кононов. «Смирно! Равнение направо! Господа офицеры!» — подал команду терский казак, бывший командир эскадрона 50-й кавалерийской дивизии старший лейтенант Красной армии, а ныне командир 1-й сотни — сотник Мудров Сергей Михаилович. Полк замер, все взоры на своего командира полка. Оркестр играет «Встречный марш», Кононов проскакал перед фронтом, остановился посередине и громким отрывистым голосом произнес: «Здравствуйте, родные казаки!» В ответ, в один голос: «Здравия желаем, господин майор!» — далеко разнеслось над площадью и отозвалось эхом от стен полковых казарм. Не успел замереть ответ, как подошло несколько легковых автомобилей. Из машин вышли — генерал Шенкендорф, немецкие офицеры, корреспонденты с фотоаппаратами, бургомистр г. Могилева. Кононов отрапортовал генералу. Приняв рапорт, Шенкендорф обратился к полку: «Казаки и господа офицеры! Приветствую вас, как союзников в войне, с нашим общим врагом большевиками. Я позволю себе выразить уверенность в том, что ваш полк, под командованием майора Кононова, окажется на должной высоте при исполнении поставленных ему задач. Поздравляю всех вас с вступлением в ряды вооруженных борцов с коммунистическо-советской властью!» Вслед за приветствием ген. Шенкендорфа объявлен его приказ (перевод с немецкого):

«19 сентября 1941 года, гор. Могилев. Штаб армейского тылового корпуса группы «Центр».

I. На основании распоряжений генерального штаба казачий отряд, формирующийся в гор. Могилеве, именовать «120-й Донской казачий полк». Командиром полка назначается казачий майор Иван Кононов.

II. Все порядки, обучение, офицеры, унтер-офицеры должны быть установлены усмотрением и распоряжением майора Кононова.

III. Все части казаков и не казаков зачисляются на полное довольствие равное ненецким частям.

(Подписи)».

После объявления вышеприведенного приказа Кононов обратился к казакам с речью.

«Дорогие казаки! Около 22-х лет миллионы наших соотечественников томились и томятся в тюрьмах, подвалах и концлагерях НКВД благодаря советской власти. Мы потеряли

свои семьи, своих близких; потеряли свои родные места, хутора, станицы. Потеряли все, что было сердцу близким и родным. Нет такого места в Советском Союзе, где не была бы пролита казачья кровь.

Наконец мы дождались времени, когда можно взять оружие в руки и отважной борьбой изгнать со своей Родины большевистскую нечисть. Мы не одиноки, с нами весь народ святой Руси. Вы знаете, русский народ не раз пытался сбросить с себя иго коммунизма. Вы все так-же знаете о восстании казаков на Дону, на Кубани, на Тереке и других казачьих землях; знаете о восстании моряков в Кронштадте, восстании уральских рабочих, колхозные бунтах. Все это было потоплено в море крови. Кровавый изверг Сталин организовал свой аппарат насилия так, что российские народы лишены всякой возможности внутренними силами свергнуть его иго. Теперь, при помощи иностранного государства, мы имеем единственный шанс организоваться во Всероссийское Освободительное Движение и раз навсегда покончить с коммунистическим режимом. Во имя освобождения нашей Родины мы обязаны принять помощь Германии. Конечно, за оказанную помощь мы должны будем отплатить Германии, ибо мир так устроен, что в нем пока ничего даром не дается. Но мы не собираемся торговать своим народом или своей территорией. Мы идейно и совершенно сознательно идем на борьбу за освобождение нашей Родины от преступной власти Сталина и его банды.

Казачество, как авангард российского народа, всегда выступало первым на борьбу за его и свою свободу. Так это есть и на сегодняшний день. Вы, стоящие здесь, являетесь подтверждением этого неоспоримого факта. Если сегодня у нас один, только один, полк, то в скором будущем мы сможем иметь армию.

Я рад вас видеть, славные сыны казачества, в нашей родной казачьей форме. Слава вам, сыны мои! Да пошлет Господь Бог вам сил и здоровья для подвигов и славы казачьей. Не посрамим наших славных предков своими ратными делами! Пусть дрожит палач Сталин! Пусть знает весь мир, что казаки были, есть и будут передовым отрядом в борьбе с коммунистическим террором. Вы, мои родные, первый камень в фундаменте Российского Освободительного Движения. Россия не забудет вас и золотыми буквами запишет ваши подвиги! Да здравствует великая свободная Россия! Вечная слава казачеству!

А теперь, мои славные, примем нашу казачью Присягу, Прошу повторять за мною:

Я, казак, совершенно сознательно вступаю на путь

вооруженной борьбы со злейшим врагом всего человечества — коммунизмом. Моя цель — изгнать из моей Родины большевизм. Во имя этой цели клянусь перед Богом и Казачеством служить честно и добросовестно и исполнять все, что от меня будет требоваться моими начальниками для достижения этой высокой цели. Я обязуюсь всюду показывать образец дисциплинированности и гражданского мужества. Если будет необходимо — готов отдать свою жизнь в борьбе за освобождение своего Отечества от коммунистического рабства. Если отступлюсь от этих торжественных слов, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарают меня братья по оружию. Аминь».

После присяги полк прошел перед ген. Шенкендорфом торжественным маршем. Парад окончен. Казаки стройными подразделениями с песнями и под музыку полкового оркестра разошлись по своим казармам.

102-й казачий Донской полк скоро вошел в полную колею боевой учебы. Казаки и офицеры с большим желанием и рвением выполняли все учебные задачи, с утра до вечера кипела учебная деятельность. Слышны крики «ура», команды, стрельба изо всех видов оружия. Везде — в казармах, на конюшнях, складах — идеальный порядок. Полным ходом работают мастерские — сапожные, портняжные, авторемонтные и т. д.

В воскресенье желающие казаки идут в церковь, в город. Каждое воскресенье в полк большим потоком прибывало гражданское население как из города, так и из окрестных деревень — всем было очень интересно посмотреть на свою будущую освободительную армию. Почти каждый вечер в комнатах штаба полка кипит учеба. Командир полка, майор Кононов, прилагает все усилия к подготовке офицерского состава: игры на картах, решение тактических летучек, занятия на ящиках с песком; в полку созданы краткосрочные курсы по подготовке урядников. Везде и всюду кипит усиленная работа.

Так проходили дни учебы до 26-го октября 1941 года.

* * *

Вечером 26-го октября, посланные за сеном в деревню Княжицы казаки вернулись с «пополнением», — на подводе нагруженной сеном, рядом с казаками сидели трое перебежчиков, в полной форме и при полном боевом с автоматами и гранатами. Едва подводы въехали во двор казармы, как их обступили со всех сторон. «Здорово ребята! Каким ветром занесло! Не сладко видать там у Еськи. А?!» — с задором и шутками, пожимая руки

перебежчикам, угощая их сигаретами, спрашивали казаки.

«Пополнение к нам, по приказу Еськи Сталина, прямо из Москвы», — отвечали за перебежчиков шуткой казаки-возницы. В это время подошел дежурный офицер. Ему доложили. Последний немедленно направился в штаб полка.

«Немедленно ко мне, так как есть, при полном боевом!», — приказал Кононов.

Приветливо встретив перебежчиков, предложив им сесть, Кононов спросил их, что они желают и чем он может нм помочь.

Перебежчики доложили, что они из специального советского парашютного десанта недавно, сброшенного советской авиацией.

Главной задачей этого десанта является посредством компрометации немцев в лице местного населения, обозлить последнее против немцев и привлечь его в ряды советских партизан. Для этой цели десант был подготовлен в спецшколе в Москве. Имеется большое количество немецкого обмундирования и многие десантники хорошо владеют немецким языком. Отдельные группы переодевшись в немецкую форму заходят в неохраняемые немцами деревни и чинят жестокий террор: насилуют молодых девушек и расстреливают мужчин, включая стариков. Перебежчики рассказали о тех преступлениях, которые им самим приходилось чинить по приказу их начальников; что их мучает совесть; что они больше не в силах терроризировать свой несчастный народ; что они понимают, что все преступления против народа творятся по приказу Сталина; что они узнали от населения о формировании на немецкой стороне вооруженных сил из народов СССР, для борьбы против Сталина; что с целью вступления в ряды борцов против палача Родины они и пришли к казакам с открытой душой.

«Если Вы, товарищ майор нас не примете, то лучше прикажите расстрелять, обратно к Сталину мы не за что не вернемся!», — заявили перебежчики.

Интересно, во время этого разговора в кабинет постучались. Вошел немецкий офицер связи лейтенант граф Риттберг. Последний увидев трех вооруженных красноармейцев и среди них без всякого оружия Кононова, с испугом и недоумением нерешительно остановился у двери. Кононов поднялся ему навстречу.

«Прошу… прошу… дорогой граф, заходите, не стесняйтесь. Познакомитесь. Вот трое нашил друзей, Сталин прислал нам на помощь».

Поняв шутку, Риттберг пожал руки перебежчикам и доложил о причине его прихода. Отпустив Риттберга, Кононов продолжал беседу с перебежчиками — еще долго. Отпуская перебежчиков,

поздравив их с вступлением в ряды Освободительной борьбы, пожав им крепко руки, Кононов приказал зачислить их в 1-ю сотню полка.

Получив сведения от перебежчиков, Кононов решил не медля разгромить советский десант. Тут же им был отдан приказ о выступлении.

Утром 27-го октября полк выступил.

Сосредоточив полк в районе деревень Круглое-Тетерев Кононов в 18.45, собрав командиров подразделений, отдал боевой приказ. В записи штаба полка этот приказ выглядел так:

«Боевой приказ № 1/оп., штаб полка 102 Дон. каз., 18–45 27.10.41, дер. Тетерев, карта 1:100000.

1. Парашютный советский десант численностью до 1000 бойцов хорошо вооруженный, 20.10.41 сброшен в районе дер. Шепелевичи (15 километров западней деревни Тетерев); этот отряд (командир — майор Яснов, кличка «Зеленый», комиссар — старший батальонный комиссар Гущенко, кличка — «Мягкий») именуется «Белорусский патриот». Положение пр-ка к 12–00 27.10.41: деревни Мортяновичи и Глубокое — 75 бойцов в каждой; в лесу 4 км ю-з. Мортяновичи группа (впредь — «Лесная») до 300 бойцов; деревни Полесье и Шепелевичи — до 125–150 бойцов в каждом; штаб отряда с группой (впредь — «Штабная») до 275 бойцов в лесу 6 км с-з. Шепелевичи.

Противник произвел земляные оборонительные сооружения.

2. Соседей нет. Агентурная разведка продолжает действовать. Войсковую разведку использовать только для непосредственного обеспечения.

3. Я решил: к 5-30 28.10.41 окружить пр-ка в районе Мортяновичи-Глубокое-Полесье-Шепелевичи и к 15–00 того же для уничтожить его в этом районе.

4. Задачи:

а) 5 сот. с приданными 3 станк. пул. и одним 45-мм оруд. в 6-00 28.10.41 атаковать и уничтожить пр-ка в Мортяновичи, в дальнейшем: одной полусотне с 3 станк. пул. идти в Полесье, где войти в подчинение ком-ра 4 сот.; второй полусотне с 4 стан. пул. под командованием ком-ра сотни, взаимодействуя с 3 и 6 сот. наступать на «Лесную» группу пр-ка;

б) 6 сот. с приданными 2 станк. пул. в 6-00 28.10.41 атаковать и уничтожить пр-ка в Глубоком, в дальнейшем, взаимодействуя с 3 и 5 сот. наступать на «Лесную» группу пр-ка;

в) 4 сот. с приданными 2 станк. пул., двумя 45-мм орудиями и 1 мином. в 6-00 28.10.41 атаковать и уничтожить пр-ка в Полесье, в дальнейшем наступать на «Штабную» группу пр-ка, охватывая ее с запада и совместно с 1 и 2 сот. уничтожить в

районе Полесье;

г) 3 сот. с приданными 2 станк. пул., при поддержке полк. батар. в 6-00 28.10.41 атаковать и уничтожить пр-ка в Шепелевичи, в дальнейшем, взаимодействуя с 5 и 6 сот. наступать на «Лесную» группу;

д) 1 и 2 сот. под командованием ком-ра 1 сот., с приданными 3 станк. пул., 2 мином. и тремя 45-мм оруд. в 6-00 28.10.41 атаковать «Штабную» группу пр-ка с зап., не допустив ее отход на зап. и ю-з., теснить на с-в. и совместно с 4 сот. уничтожить в районе ю-з. Полесье;

е) Полк. батар. сопровождать 3 сот. колесами и поддержать ее атаку на Шепелевичи, в 9-30 сосредоточиться на ю-в. окр. Шепелевичи;

ж) Мином. и пул. сот. — огневая группа, которой быть готовой с 5-45 28.10.41 поддержать 6 сот.;

з) В Мортяновичи, Глубокое, Полесье и Шепелевичи задачи выполнить до 9-00 28.10.41;

5. Резерв — конв. сот. без одного пешего вывода;

6. П.П.Б. до 10–00 28.10.41 зап. окр. Тетерев, с 13–00 — сев. окр. Шепелевичи. Прикрытие — отделение конв. сот.;

7. П.П.М. и П.П.В. до 12–00 28.10.41 вост. окраина Шепелевичи Прикрытие — 2 отд. конв. сот.;

8. К.П. до 8-00 28.10.41 — Тетерев, в дальнейшем по дороге Глубокое-Шепелевичи, с 11–00 — Шепелевичи;

9. Ось связи — ось передвижения К.П.;

10. Мой заместитель — нач. штаба».

После отдачи боевого приказа Кононов, проверив, верно ли командиры сотен поняли его решение и точно ли уяснили поставленные им задачи, дал указания по взаимодействию, боевому обеспечению, связи, эвакуации раненных и больных людей и лошадей уточнив время выступления каждой сотни для выполнения боевой задачи, отпустил командиров сотен.

На следующий день к 5.30 часов утра сотни заняли исходное положение для атаки.

В 6.00 полк атаковал. Атака на рассвете для советского десанта была полной неожиданностью и ошеломляющей. Мортяновичи, Глубокое, Полесье и Шепелевичи к 8.00 были заняты. 1 и 2 сотни после короткого боя выбили «Штабную» группу из укрепленного лагеря и стали теснить ее в направление Полесье.

В 6.45 4 сотня атаковала Полесье. При чем командир командир сотни сотник Тихонов (Тихонов капитан и бывший авиадесантник Красной армии) демонстрируя главный удар с юга, предоставил противнику свободный выход на северо-запад.

Это, как он потом объяснял, сделал для того, чтобы Полесская группа противника не пыталась уйти на юг или юго-запад, где она могла-бы соединиться со «Штабной» или «Лесной» группой. Кстати сказать, не многим из советских десантников вообще удалось уйти из Полесье.

В 10.00 «Штабная» группа, окруженная 1,2 и 4 сотнями в 1,5–2 км юго-западнее Полесье, перестала существовать. Комиссар отряда был убит, командира так и не нашли, по-видимому ему удалось скрыться. С «Лесной» группой бой затянулся почти до 13.00 и в него к этому времени были втянуты, исключая конвойную сотню, все наличные силы полка.

К 16.00 все было кончено Полк сосредоточился в Шепелевичи, где и стал на ночевку.

Противник понес большие потери.

Приводим краткий перечень потерь противника.

Убитых — 171, Раненых — 348, Пленных — 257, Станков. пул. — 10, Ручных пул. — 24, Винтовок — 356, Автоматов — 385, Ротных мином. — 21, Полевых телеф. — 5, Радиостанций — 1, Крестьянских телег — 15, Лошадей — 27, Немецкое обмундирование — 107 комплектов.

Освобождено из под ареста 159 лиц гражданского населения, главным образом мужского пола 17–45 лет.

В полку 29 убитых и 63 раненных.

После ночлега в Шепелевичи, утром 29 октября, полк выступил в Могилев.

30 октября хоронили павших в бою — рядовых казаков, урядников и офицеров. Это были первые жертвы полка. В 10.00 полк выстроен для последних проводов своих погибших друзей. Здесь же были и вчерашние «враги» — военнопленные, бывшие бойцы красного отряда «Белорусский патриот». Много пришло и гражданского населения. Гробы украшены венцами и цветами, на каждом гробу казачья папаха. Командир полка майор Кононов обратился с краткой речью:

«Родные казаки! Друзья-соотечественники! Перед нами лежат в гробах 29 героев, наших родных братьев. Они отдали свои молодые жизни в борьбе за светлое будущее нашей Родины. Мы должны, мы обязаны продолжать борьбу, несмотря ни на какие жертвы, до окончательной победы над красным спрутом. Наша борьба не из легких и не мало будет пролито нашей крови, не мало мы еще потеряем на бранном поле наших боевых друзей пока знамя действительной свободы взовьется над просторами нашей Отчизны. Мы глубоко и твердо уверены, что рано иди поздно это будет так!

Многие государства и народы, не зная коммунизма,

протянули сейчас ему, в лице Сталина, руку помощи, но настанет час и им придется узнать, что предстанет из себя этот изверг человечества. Не дай Бог, чтобы это было слишком поздно! Коммунистические заправилы и их подпевалы орут на весь мир, что мы — казаки, изменники Родины, наемники Германии. Вот здесь стоят рядом с вами вчерашние красноармейцы и командиры Красной армии, еще вчера их заставляли защищать кровавый сталинский строй, а сегодня, как только предоставилась возможность, они с нами. Пусть у них спросят симпатии коммунистической системы, что такое коммунизм? Казаки никогда не продавались, не продаются и не будут продаваться, чтобы служить против интересов своей Родины, а тот, кто попытается купить казаков с этой целью — несчастен будет. Мы друзья всем тем, кто только поможет нашим народам освободиться от коммунизма. Правда, у некоторых «гастрономов» появился большой аппетит покорить эти народы, превратить дорогую нам Родину в свою колонию. Таким «гастрономам» мы скажем: господа, смотрите как бы не подавиться. Помните, что Россия — не Польша и не Чехословакия. Мы организуемся для кровавой борьбы не для того, чтобы из одного ярма влезть в другое.

Мои друзья! Наш путь один — жизнь или смерть.

Так лучше погибнуть в открытом бою против палача Сталина, чем в подвалах или лагерях НКВД. Наша победа безусловно будет зависеть от поведения немцев в отношении нашего измученного народа, а пока есть время и помощь Германии, как союзника все на борьбу с коммунистической диктатурой Сталина!

Вечная память нашим павшим, боевым друзьям! Их подвиг — это показатель решимости всего нашего народа и, прежде всего, казаков, авангарда, наших народов в борьбе с коммунизмом до полной победы над ним!

Слава светлому будущему нашей необъятной Отчизны!»

Похоронная процессия тронулась. Неслись над Могилевом траурные звуки похоронных мелодий. Под артиллерийские и винтовочные залпы гробы с первыми павшими героями опустились в землю…

Слушая речь Кононова многие присутствующие из мирного населения плакали.

В этот день был издан приказ: 28 октября — день первой боевой победы 102 полка — считать полковым праздником. Этот день и стал полковым праздником 102 Донского казачьего полка.

* * *

Кононов был прав, сказав 2 сентября 1941 г. в обращении к военнопленным: «Я не последний, таких как я будет много, формирования скоро начнутся по всему фронту».

Из вышеописанные мною событий, происходивших на Дону, Кубани, Тереке и Сев. Кавказе (южный фронт) читатель может найти подтверждение этим словам.

На среднем — центральном фронте творилась та же картина, т. е. стихийно стали образовываться добровольческие отряды из населения этих областей. А главным образом, из солдат и офицеров Красной Армии, сдавшихся или перешедших к немцам. Если другим командирам Красной армии не удалось, как Кононову, перевести свою часть в организованном порядке (о чем безусловно, многие из них мечтали, но в силу заведенной в Красной армии системы шпионажа это было совершенно невозможно. Случай с Кононовым единственный в истории 2-й Мировой войны) на сторону немцев, то они просто, не оказывая сопротивления немцам, сдавались со своими подразделениями в плен и как правило, многие из них тут же просили разрешение у немцев бороться против Сталина. Многие немецкие военноначальники, подобно ген. Шенкендорфу, охотно удовлетворяли просьбу советских командиров, в результате чего и появились добровольческие части, количество которых вскоре стало достигать 200 отдельных батальонов и полков, разбросанных по всему Восточному фронту. Немецкие командиры, увидев воочию с какой, яростью люди из СССР борются против Сталина, стали сами организовывать части добровольцев при своих полках, дивизиях, корпусах. Дошло даже до того, что многие немецкие офицеры, даже не ставя в известность свое старшее командование, обзаводились столь выгодной, а подчас и совершенно необходимой для них ротой или батальоном добровольцев. Тем более, что это достигалось совершенно легко и просто.

Если какому-нибудь немецкому командиру нужно было сформировать подразделение добровольцев при своей части, то он просто ехал в лагерь военнопленных и спрашивал кто желает идти бороться против Сталина. В то время картина была одна и та же во всех лагерях военнопленных: тысячные очереди стояли поджидая, когда подойдет очередь записаться в добровольческую часть.

(Все добровольческие формирования в начале войны — до смещения Гитлером главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала Браухича и начальника штаба генерал-полковника Гальдера, которые в значительной степени способствовали организации антисоветских вооруженных сил из народов СССР —

не только широко допускались, но и поощрялись немецким командованием на Восточном фронте. После смещения их все ранее допущенные возможности организовывать эти силы, были ликвидированы Гитлером и его «маститым» министром по восточным дедам Розенбергом).

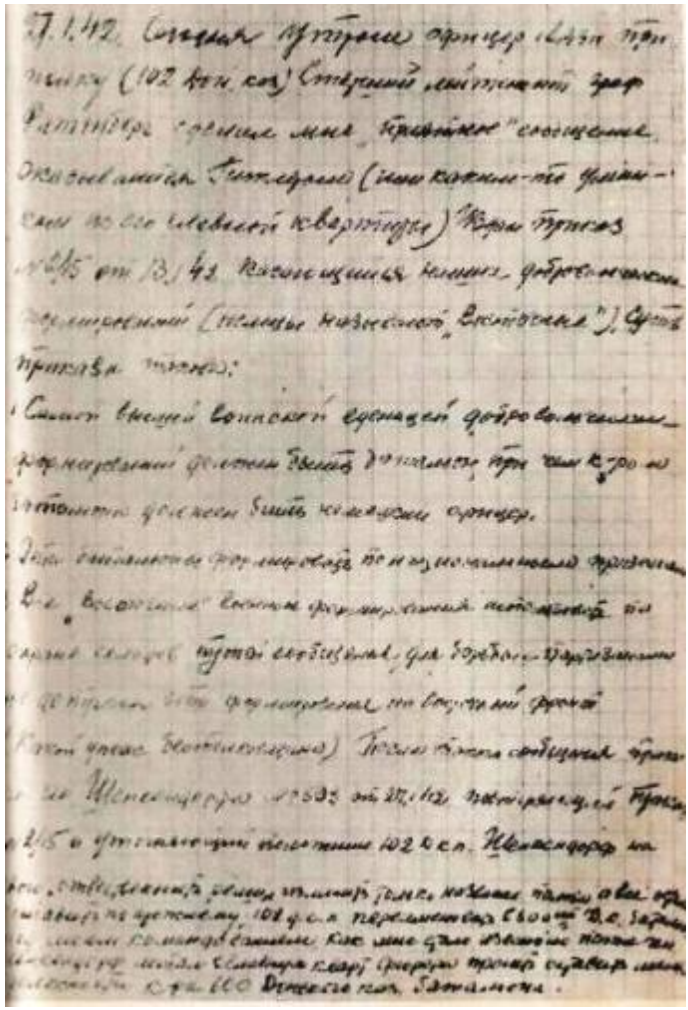
В тылу своего центрального фронту немцы, так-же как в казачьих областях, в каждом занятом ими городе, в каждой деревне и в каждом населенном пункте организовывали полицию из местных жителей, задачей которой являлись охрана и соблюдение порядка в городе или деревне. Численность этой полиции на всей занятой немцами территории достигала огромных размеров. Большой процент полиции состоял из красноармейцев и командиров Красной армии, которым удавалось избежать лагеря военнопленных и примкнуть к местному населению — «идти в примаки» — появилось народное выражение. Эти люди присоединялись к семьям местного населения и начинали заниматься хозяйством (многие женились), но как только объявлялся набор в полицию, многие из них охотно вступали в ее ряды. Вообще, полиция, организованная немцами на занятой территории СССР, состояла на 90 % из бывшего кадрового состава Красной армии. Эти полицейские силы, созданные немцами, могли в любой момент, при желании последних, стать грозной вооруженной силой в борьбе против Сталина, но гитлеровцы этого, конечно на желали.

В первые дни войны население центральных областей СССР, так-же как и в казачьих областях, принимало немцев, как освободителей от Сталинского террора и с цветами и традиционным русским «хлебом-солью» встречало немецкие фронтовые части. Последние вели себя сравнительно не плохо и население радушно принимая их, помогало им во всех их повседневных нуждах. Если немецкие солдаты приходили с фронта на отдых в населенный пункт, то население проявляло всяческую заботу о них, старалось показать свое русское гостеприимство и отзывчивость. Подтвердить эти слова может каждый немецкий солдат, побывавший на Восточном фронте.

Поведение бойцов, командиров Красной армии и вообще всего населения СССР привело к полной растерянности Сталина и его опричников. Никакой террор, никакой, созданным ими аппарат насилия, не могли больше заставить народ защищать их преступную власть.

Массовую сдачу в плен и перебежки к немцам вообще ничем невозможно было приостановить. Казалось крах Сталину был неминуем. Но если Сталин не мог найти способ заставить народ воевать за свою власть, то этот способ нашел и использовал в

полной мере его кровавый соратник Гитлер. Приказ № 2/25 вошел в силу и начал твориться «ужас и бестолковщина». (См. фотокопию из дневника Кононова).



Фотокопия из дневника И.Н. Кононова.

За фронтовыми частями немцев в центральные области СССР пришла гитлеровская администрация. Последняя вела себя по отношению и населению во много раз хуже, нежели в казачьих областях или на Северном Кавказе. Начался массовый расстрел мирного населения. За одного убитого немца выстраивали 300 человек мирного населения и публично всех расстреливали. Сталин заслал своих фанатиков в тыл к немцам и те ночью нападали на отдельных немцев и убивали их; наутро немцы приступали к расстрелу мирного населения — сто за одного. Этот способ, использованный Гитлером, принес Сталину желанный результат — население оккупированной территории нахмурилось

и отвернулось от немцев. Последовавший приказ Гитлера всех военнопленных, приставших на жительство к мирному населению арестовать и отправить в лагерь военнопленных — ухудшал положение. Эти люди, боясь попасть за проволоку, где их ждала смерть от голода, стали бежать в леса и присоединяться к советским десантам, создавая отряды партизан. Описать ужасную картину смерти от голода в лагерях военнопленных нет ни сил, ни слов. Есть русская поговорка: «Сытый голодному не верит». И тот, кто не испытал на себе мук от голода, никогда не поймет этого полностью.

Те советские солдаты и офицеры, которым чудом удавалось бежать из лагерей военнопленных и перебраться к своим, рассказывали о всех преступлениях творимых гитлеровцами на оккупированной территории СССР. Это и именно это заставило народы СССР взяться за оружие. Сталинской пропаганде, трубившей о преступлениях немцев, народ не верил, но своим братьям-советским солдатам, которые перед этим сами добровольно сдавались в плен к немцам в надежде на спасение от разгула сталинского террора, народ не имел оснований не верить. Народ поверил, ощетинился и принялся воевать. Гитлер и все его нацистские политиканы, ни во что ставившие боеспособность и силы народов СССР в начале войны, когда народ сдавался в плен, встретились с боеспособностью и настоящими силами народов Советского Союза после вышеописанных событий. Немецкая армия, беспрепятственно шагавшая но территории СССР, была остановлена и началось советское контрнаступление. Немецкий генерал Курт фон Типпельскирх, написавший книгу «История Второй Мировой войны» — доказывает в этой книге, что немецкая армия потерпела поражение в Советском Союзе в силу того, что Гитлер был несогласен с планом главнокомандующего немецкой армии ген. фельдмаршала Браухича, в котором намечался главный удар на Москву и будто-бы этим ударом была бы ликвидирована вся советская армия. Гитлер отклонил этот план и приказал сначала забрать юг — Крым и Кавказ, чтобы отнять у русских нефть и на севере — Ленинград, чтобы соединиться с финнами.

Это мнение Типпельскирха не выдерживает никакой критики, а лишь подтверждает полное непонимание (или нежелание понимать) истиной причины поражения немецкой армии. Типпельскирх так-же пишет, что благодаря не совершённому во время удару по Москве русские выиграли время и подтянули большее, хорошо вооруженные силы и перешли в контрнаступление. Читателю понятно, что если бы гитлеровская нацистская политика не заставила своим террором народы СССР

воевать, то все эти большие и хорошо вооруженные силы, подтянутые к Москве, не оказали бы никакого сопротивления и продолжалась бы массовая сдача в плен к немцам, как это было в начале войны, когда народы Советского Союза еще не знали истинной цели Гитлера и встречали немецкую армию с цветами и русским «хлебом-солью». Но при наступлении немцев на Москву этого уже не было и если немцам удавалось кое-где продвинуться вперед, то население встречало их со страхом и ненавистью. «Унтерменши» не хотели, больше переходить из одной кабалы в другую, оскорбляющую их национальное чувство.

Сталин и его опричники были спасены за спинами народов СССР. И если народы СССР обязаны поставить памятники своим национальным героям, то Сталин и его опричники обязаны были поставить памятник своему спасителю-преступнику Гитлеру. Он, и только он, спас их от неминуемой гибели.

Пусть кто-нибудь докажет, что это не так!

После всего сказанного выше, читатель может себе представить в каком положении очутилось освободительное движение народов России в те дни ужасных событий. В какое положение попали создатели этого движения, в частности Кононов и многие другие, ставшие на путь организации освободительной борьбы.

Из приказа № 2/15 было видно, что Гитлер не желает организации освободительного движения народов России и в самом начале пресекает его.

Кононов, после долгих мучительных размышлений приходит к решению продолжать борьбу при всех обстоятельствах. В душе теплилась надежда, что все ухудшающееся положение на фронте принудит Гитлера прибегнуть к решению разрешить организацию анти-сталинских сил из народов СССР. (Этой надеждой жили все ставшие на путь открытой борьбы против Сталина, включая и честных коммунистов верующих в идею Маркса и считающих Сталина компроментатором — врагом этой идеи. Об этих людях я скажу ниже).

Генерал Шенкендорф продолжал под свою ответственность помогать, не смотря на то, что Гитлер, не считаясь ни с чем, немедленно смещал с должности любого, кто был несогласен с его директивами. Из приказа за № 503 записанного Кононовым в его дневнике читатель видит, как ген. (см. фотокопию) Шенкендорф, рискуя своим положением, отправляется лично сам к «грозному» Фюреру и буквально упрашивает оставить часть Кононова нетронутой, охарактеризовав последнего, как исключительно талантливого организатора и военачальника. Гитлеровцы с трудом согласились, но реорганизовать полк в

батальон все-же приказали. Полк в это время насчитывал 2000 чел., по сути это были два конных полка, а именоваться стал 600 казачьим донским батальоном.

1-го февраля 1942 г. в 600 казачий донской батальон прибыло пополнение в 1000 казаков.

Ген. Шенкендорф приказал отобрать из них людей для танкового казачьего батальона. Пройдя учебу он, как прекрасная боевая единица был готов к концу мая 1942 г. и направлен на фронт, где вошел в подчинение 3-й танковой немецкой армии, которая вела бои под Великими Луками. Этот батальон получил наименование — 17-й танковый казачий батальон. В боях против советских войск казачий батальон удивлял немецкое командование своей боеспособностью и отвагой. 600-й казачий донской батальон продолжал пополняться и вел беспрерывную учебу. Временами его бросали на фронт: под Великие Луки с 15 мая но 20-е сентября 1942 г., под Смоленск с 22 октября 1942 г. по 4-е апреля 1943 г. и беспрерывно вел бои с десантами и советскими партизанскими отрядами, которых советское командование забрасывало в большом количестве в белорусские леса. В общей сложности 600-й казачий Донской батальон с 28 октября 1941 г. по 10 июня 1943 г. дал больше 50-ти больших и малых боев советским частям, не имея ни одного боевого поражения.

За это время Канонов 12 раз награждается боевыми орденами и производится в чин подполковника.

В начале 1942 г. в часть Кононова начали прибывать старые эмигранты из Югославии, Болгарии, Франции и др. государств. Первая группа прибыла в составе 12-ти человек офицеров. Во главе этой группы был майор Александр Николаевич Пуговичников (полковник Русской Императорской армии), человек исключительно воспитанный и порядочный, Кононов назначил его своим заместителем.

Группа прибывших русских офицеров из Югославии привезла с собою наказ о боевой дружбе русских эмигрантов с казаками 102 Донского казачьего полка в совместной борьбе с большевиками. Они так-же принесли в дар полку образ Божией Матери (этот образ сейчас хранится у ген. Кононова) и в дар командиру полка кубанскую шашку с надписью на ней: «Герою-казаку майору Кононову И. Н. от казаков-эмигрантов в Югославии». Подарки сопровождались теплым письмом Кубанского Атамана ген. — майора В. Науменко.

Вновь прибывшие офицеры за короткий промежуток времени показали себя с очень хорошей стороны. Особенно отличились майор Пуговочников, лейтенанты Сушков, Гюнтэр, Хрущев,

Жариков, Турчининов к др. Все они в боевых действиях оказались офицерами в полном смысле этого слова. С самого начала создании казачьих частей Кононова русская эмиграция (1920-22 г.г.) следила за действиями Кононова и сердечно их приветствовала. На имя Кононова приходило много писем от эмигрантских военно-политических и общественных организаций Югославии, Франции, Германии, Болгарии и других государств, а также и казачьих старшин этой эмиграции.

Ниже приводятся выдержки из письма от 20 декабря 1941 г. бывшего Атамана Донского Войска и известного писателя и казачьего деятеля генерала от кавалерии Краснова Петра Николаевича.

«… примите мой казачий сердечный привет. Мы все радуемся вашим ратным успехам в боевых делах с красным чертополохом…»

«Сыны Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурного Терека и других наших земель вновь поднялись, чтобы отстоять исконную казачью свободу…»

«Вы, Иван Никитич, как мне известно, со своим полком стоите на истинной дороге. Искренне желаю успеха в таком чистом и светлом деле. Помните, мы, старые казаки, всегда с вами и готовы оказать по нашим возможностям и силам, помощь и поддержку…»

«Знаю, что Вам сейчас особенно трудно двигать поднятое Вами дело. Но, как известно, без большого труда большие дела не делаются…»

«…У меня имеются из достоверных источников сведения, что в недалеком будущем многое изменится для нас в положительном смысле…»

Все эти письма и приветствия вселяли веру и надежду и Кононов продолжал с той-же энергией и упорством вести борьбу.

* * *

По записям офицера 600-го Дон. Каз. батальона сотника Борисенко.

В начале февраля 1942 года, 600-му Дон. каз. б-ну пришлось участвовать в разгроме крупной войсковой части Красной Армии.

В конце 1941 года, когда уже выяснилась пагубная политика Гитлера на оккупированной территории СССР, которая естественно, обратила, народ против немцев, Сталин решил перебросить крупную войсковую часть в тыл немецкого фронта с целью парализовать коммуникации наступающей немецкой

армии и поднять население на партизанскую борьбу.

В январе 1942 г. кав. корпус, под командованием ген. Белова, пройдя в тыл немцам, вышел на коммуникации 4-ой немецкой армии в районе Ельни и стал чинить страшный вред. Особенный вред и разрушение корпус приносил населению: жег села, угонял скот и всех людей насильно забирал с собой; не желающих или сопротивляющихся — расстреливал.

Действуя юго-западнее Смоленска корпус Белова вышел в тыл армейского корпуса ген. Шенкендорфа вдоль реки Сожь, между Смоленском и Пропойском. Генерал Шенкендорф решил окружить и уничтожить корпус Белова. 10 февраля 1942 года Кононов получил приказание к 13-му февраля со своим батальоном сосредоточиться в гор. Пропойске. В 15.00 13-го февраля батальон сосредоточился на юго-восточной окраине города Пропойска, вечером этого дня был получен приказ (перевод с немецкого):

«Командиру 600-го Казачьего Донского батальона:

майору Кононову 13 февраля 1942 г., гор. Пропойск.

1. Кавалерийский корпус красных, под командованием ген. Белова, прорвался юго-западнее Смоленска и и данный момент действует в тылу наших частей вдоль реки Сожь, в лесах между Смоленском и Пропойском.

2. К утру 16-го февраля 1942 г. наши части окружают противника на реке Сожь, 20 км сев. — зап. гор. Пропойска.

3. 600-му Донскому казачьему батальону 16-го февраля сосредоточиться в лесу у двух домиков лесника, строго 17 км на север от Пропойска, где войти в подчинение командира 88-й стрелковой дивизии ген. майора Рихард.

4. С 3.00 16-го февраля 600-й Донской казачий батальон переходит на все виды довольствия 88-й стрелковой дивизии.

Командир корпуса ген. лейтенант Шенкендорф.

Начальник Оперативной части майор Кревель.»

В Пропойске ген. Шенкедорф в личном совещании с Кононовым одобрил предложенный план действий последнего, в котором главным образом, придавалось значение политическому воздействию на противника. Кононов сказал, что толковое обращение к людям корпуса ген. Белова принесет больше пользы чем все наши пушки и исключит ненужное кровопролитие как русских, так и немецких солдат. (Написанное Кононовым обращение в нескольких тысячах экземпляров было заброшено немецкой авиацией в части корпуса Белова 15-го февраля накануне дна их разгрома).

В 16 час. 15 февраля 1942 г. у ген. Шенкендорфа были все командиры дивизий и полков для согласования действий 16-го

февраля против советского корпуса Белова.

Тут же было им зачитано (на немецком языке) обращение Кононова. Шенкендорф приказал всех пленных и перебежчиков направлять в гор. Пропойск, где они поступят в полное распоряжение майора Кононова.

Утром в 4 часа 16-го февраля армейский корпус ген. Шенкендорфа, окруживший к этому времена корпус ген. Белова, начал наступление. В 6.30-7.00 началась редкая артиллерийская, минометная к пулеметная стрельба.

Корпус Белова почти не оказывал никакого сопротивления. В 7.30 в 600-й Донской казачий батальон прибыли первые перебежчики, во главе с командиром дивизиона связи корпуса Белова, капитаном В. и батальонным комиссаром Кочетовым. Вместе с ними прибыли 37 красноармейцев.

Батальонный комиссар Кочетов в присутствии казаков и своих красноармейцев сказал следующее:

«Товарищи!

Мы уже много времени бродили по лесам, мы давно уже в душе были разочарованы политикой Сталина, но мы боялись сдаваться немцам. Вчера немецкие самолеты сбросили листовки, подписанные Кононовым. Вот они. Я и мои бойцы прочли их и ни слова никому не говоря в душе решили перестать проливать кровь за чуждые нам интересы Сталина. Обращение ваше, товарищ майор, на нас глубоко подействовало. Каждый из нас был настроен, как можно быстрее все бросить и уйти к вам. Вчера вечером я из политотдела корпуса получил радиограмму. Вот вам ее текст:

«Эмигрант-белогвардеец, ушедший в 1920 г. за границу, майор Кононов[4], напитал к корпусу обращение. Эти листовки собрать, сжечь и разъяснить людям, что это провокация. Наше дело справедливое, мы под руководством партии Ленина-Сталина победим. Всех лиц, морально неустойчивых, изолировать или взять под наблюдение. О политическом настроении людей доносить в политотдел корпуса через каждые шесть часов».

Я с командиром дивизиона поняли уже давно, что дело Сталина не защищает интересов русского народа, но не было подходящего момента чтобы уйти. И вот мы сегодня пришли к вам не как пленники, а как ваши братья. Если вы, казаки, поступите с нами так, как написано в листовках майора Кононова, уверяю вас, Сталин скоро будет разбит. А теперь мы готовы идти с вами вместе!»

К исходу дня 16-го февраля корпус Белова почти весь добровольно сдался. Очень малые группы оказывали сопротивление. К вечеру 17-го февраля 1942 г. в Пропойске уже

было сосредоточено свыше 9.000 человек из корпуса. Все они были очень довольны исходом дела. Все они как памятку, носили и читали обращение Кононова. Все они прошли через руки Кононова, который со многими из них говорил и внушал идею освобождения России от сталинского ига. Часть из них изъявила желание добровольно служить в 600 Донском казачьем батальоне, часть ушла в г. Бобруйск в сформированные добровольческие батальоны под названием «Березина» и «Днепр», в г. Оршу, где тоже были уже сформированы восточные батальоны, остальные пошли в гражданскую полицию, многие просто получили документы и начали устраивать свою жизнь на гражданских правах. Никто из этих людей в лагерь военнопленных не попал благодаря сочувствию и пониманию людей на СССР генералом Шенкендорфом.

* * *

В боях 16-го февраля 1942 г. против корпуса Белова, 600-й Донской казачий батальон захватил в плен: — 700 чел., 1115 лошадей, 82 повозки с оружием и огнеприпасами, 23 штуки 76-мм орудий, 2 полковых радиостанции, 5 танков Т-34 и ряд других трофеев.

* * *

Примечание: Еще до разгрома корпуса Белова 16-го февраля частями ген. Шенкендорфа, немецким командованием были сняты с фронта крупные войсковые соединения и брошены против корпуса Белова, но эти немецкие части особенного успеха не имели, хотя им и удалось окружать корпус Белова и нанести ему значительные потери, однако, разгромить корпус Белова им не удалось, последний, оказывая сильное сопротивление, вышел из окружения.

В боях против частей ген. Шенкендорфа большинство частей корпуса Белова, не оказывая почти никакого сопротивления, добровольно сдались в плен, т. к. против них было брошено, вместо пушек, обращение Кононова. Причина подобного явления читателю, надеюсь, понятна.

Сам ген. Белов с небольшой частью своего корпуса сумел уйти в глубь немецкого тыла и получив подкрепление продолжал свои действия. Ухудшающееся поведение немцев на территории СССР, связанное с политикой Розенберга, естественно,

способствовало действиям ген. Белова и многим другим вспыхнувшим очагам партизанской борьбы.

* * *

Обращение Кононова к бойцам к командирам кавалерийского корпуса ген. Белова.

«Обращение.

Дорогие братья кавалерийского корпуса ген. Белова! Вы в течении нескольких недель бродите по лесам и по приказу Сталина жжете убогие русские села и города, насильно уводите население с собой дли пополнения своих рядов. Вы огнем и мечом хотите заставить население защищать кровавую власть Сталина. Вы посмотрите, как радостно и охотно крестьяне и рабочие восстанавливают свои дома, усадьбы, сажают сады, разводят птицу и скот. Открыты церкви и школы. Каждый очень рад, что избавился от колхозной кабалы и коммунистического террора. Я уверен, что многие из вас были в тюрьмах в подвалах НКВД, многие потеряли своих близких и родительский дом. Так во имя чего нам защищать советскую власть? Мы, казаки, и не казаки, сейчас объединились в отряды, и в будущем создадим армию освобождения нашей Родины от большевизма. Наша программа борьбы:

1. Свержение советской власти и отмена колхозного строя. Восстановление на нашей Родине действительного порядка, отражающего интересы всех национальностей, населяющих просторы России.

2. Свобода слова, печати, вероисповедания. Свобода в приобретении собственности, свобода на труд и приобретение профессии.

Мы не наемники Гитлера, как кричит о нас сталинская пропаганда, мы такие-же сыны России, как к все вы. Мы обратились к немцам с просьбой помочь нам оружием, чтобы свергнуть советскую власть и восстановить на нашей Родине порядок и свободу. Вы сами знаете, что свергнуть советский усовершенствованный аппарат насилия без помощи иностранного государства совершенно невозможно. Сейчас пришел момент покончить с коммунизмом, этот момент нужно использовать; другой возможности у нас нет. Но это не значит, что мы отдадим себя в кабалу немцам. Мы выступаем как равный с равным. Понятно, за все услуги немцев мы должны будем уплатить, ибо в мире ничто не делается даром.

Чем скорее мы объединимся, тем лучше. Нас будет много, а,

следовательно, у нас будет сила. А раз сила — с нами будут считаться, как с силой. Тогда мы, безусловно, победим.

Мы не хотим, чтобы вы умирали во имя чуждых вам коммунистических идей! За 27 лет вы увидели прелести диктатуры большевизма: наша страна убогая, холодная, голодная; вся покрыта тюрьмами и концлагерями; миллионы наших людей погибли и погибают от руки кровавого Сталина. Мы не хотим больше крови, мы не собираемся мстить кому-бы то ни было, даже энкаведистам, если они бросят свои преступные действия. Довольно крови! Да восторжествует свобода! Мы с вами — мученики и жертвы большевизма! Мы хотим и достойны лучшей жизни.

Вы все окружены. Чтобы не было ненужной крови, переходите к нам, с этими листовками и без них, по одиночке и группами, с оружием и без оружия!

Вы найдете у нас родной и братский прием. Если вы попадете к немцам, они вас всех будут направлять к нам, казакам. У нас есть с ними об этом договор.

Ждем вас. До встречи!

Командир 600-го Донского казачьего батальона майор Кононов.

(Бывший командир 436 стрелкового полка 155-й стрелковой дивизии Красной армии)»

* * *

15-го мая 1942 г. 17-й танковый казачий батальон, 1-я и 6-я сотни 600-го Донского казачьего батальона под командованием майора Кононова были направлены на фронт в составе немецкой 3-й танковой армии под Великие Луки. (17-й танковый казачий батальон остался в составе боевых частей немецкой танковой армии, а 1-я и 6-я сотня прибыли обратно в 600-й Донской казачий батальон 25-го февраля 1943 г.).

Кононов приступи к выполнению боевых, задач, возложенных на него командованием танковой армии. Удивлению и восхищению действиями Кононова и его казаков не было границ. Подразделения Кононова находились а армейском резерве, выполняя задачи разведывательной службы или бросались на те участки, где была угроза прорыва. Из боевых действий казачьих частей Кононова под Великими Луками особенно интересен следующий боевой эпизод.

Утром 22 ноября 1942 г. Кононов был вызван в штаб танковой армии, где получил следующий приказ: «Нашей авиацией установлено сильное движение обозов и артиллерии противника на запад перед фронтом армии. Есть предположение, что противник усиленно готовится к контрнаступлению. Необходимо сведения авиации уточнить наземной разведкой, в течении ближайших 3-х дней, т. е. 23, 24 и 25 ноября. Выполнение данной задачи поручено Вам».

Получив приказ Кононов прибыл на место расположения своих подразделений. Вызвав командиров 1-й и 6-й сотен, Кононов посвятил их в данную ему задачу.

Командир 1-ой сотни, сотник Сидоров (бывший старший лейтенант Красной армии), выслушав Кононова, коротко ответил: «Сделаем, Батько». Командир 6-й сотни, хорунжий Денисенко, молча вытянулся.

Тут-же Кононов отдал им нижеследующий приказ:

1. Сегодня в 20.00 20 км южнее Великие Луки 1-я и 6-я сотни будут пропущены через линию фронта.

Задача:

а) Пройти в тыл противника на восток 20–25 км, на своем пути установить наличие укрепленных рубежей, расположение тыловых учреждений и штабов противника.

б) Установить цель большого движения автотранспорта и обозов противника.

в) Обязательно захватить пленных (достать «языков»).

2. Срок действий: начало 20.00 22.11.42, конец — 1.00 25.11.42.

Проходить при возвращении линию фронта на том же участке, где и выходили. При подходе к нашей линии дать три серии красных ракет.

3. 1-й и 6-й сотням действовать под командованием командира 1-й сотни.

В разведку отобрать по 60 человек из каждой сотни самых выносливых и подходящих для этой цели казаков.

Одеть красноармейские шапки со звездами, теплые ватные фуфайки и брюки; сверху белые халаты. Продовольствие — на 3 дня.

Вооружение: автоматы, ручные гранаты и на группу 10 чел. 1 ручной пулемет.

Никаких документов не брать.

4. В деревнях не ночевать и не делать привалов. Движение не по дорогам. В бой с крупными войсковыми частями противника не вступать.

5. Отобранных для разведки казаков хорошо проинструктировать.

6. В 17.00 сегодня всех отобранных казаков построить для осмотра мною.

Получив приказ сотник Сидоров немедленно приступил к действиям. Отобранные люди были хорошо проинструктированы и подготовлены к выступлению. Командиры отдельных групп изучили местность на картах. В 17.00 отряд в 120 человек был выстроен для осмотра.

Осмотрев выстроенных казаков, Кононов сказал:

«Родные мои сыны! Сегодня вечером я вас отправляю в «гости к Еське Сталину». После визита через несколько дней жду вас с успехами. Будьте везде и всюду осторожны, внимательны, дисциплинированны, инициативны и смелы. Раненных и убитых не бросать. Если кто попадет в трудную и сложную обстановку, не теряться — такого в жизни нет положения, чтобы казак не вышел из него. Преданность и помощь один другому — наш основной казачий закон!

В добрый путь, мои славные орлы!»

Кононов, говоря с казаками, обычно всегда шутил, но и в шутке чувствовалось строгое безоговорочное приказание. Так было и теперь. В словах в «гости к Еське Сталину» чувствовалась шутка и строгий приказ.

В 20.00 22-го ноября 1942 г. отряд под командованием сотника Сидорова был пропущен через линию фронта.

Долго смотрел вслед своим славным сынам Кононов; смотрел

и видел, как каждый из них смело и твердо пошел на смерть за волю и лучшую долю своего народа. Беспрерывный гул артиллерии гремел по всему фронту. Зарево пожарища горящего леса издалека тускло освещало мрачную линию фронта. Под смертельный пушечный разговор двинулись сыны казачества в дальний и трудный путь…

* * *

Бывалые казаки были подобраны в разведку, да и бывалый командир вел их. Под самым носом советской обороны проползали казаки, как тени. Этому искусству много научились в кадровой, но еще больше, от рождения: от поколения в поколение передавалась, всасывалась к кровь казачья сноровка. Ни в какой академии ее не преподают, а лишь веками она вырабатывалась в этом, без конца воинствующем народе.

* * *

На следующий день в 7.00 в назначенном пункте собрались все отдельные группы. В одной группе было 2 человека легко ранены. Однако группа себя не обнаружила. Очевидно из советских дзотов стреляли наугад, в темноту. Раненный в руку Севастьянов все время шутил над Солтыковым, раненным в мягкое место: «Эх, ты, казак, голову спрятал, а ж… забыл, вот тебе краснюки и влепили, по делу, стало быть». «А что руками размахался, молчал-бы уже — Аника-Воин», — парировал Солтыков.

Очутившись в глуши леса и среди сугробов снега казаки чувствовали себя, как дома. Начались шутки и разговоры. Командиры отдельных групп доложили Сидорову обо всем замеченном на их пути. Сидоров приказал расположиться на отдых и сделать из веток деревьев шалаши. Сразу же была организованна круговая оборона. Выставлены часовые. 12 ручных пулеметов смотрели во все стороны от казачьего бивака.

Из менее уставших людей, по 5 человек в группе, была пущена в 4-х направлениях разведка. В 9.00 разведка вышла; им было приказано вернуться к 16.00. Все остальные отдохнули, подкрепились едой и обогрелись у костров. К 16.00 разведка вернулась. Одна из групп доставила 3-х пленных. Один был связной из штаба 46-й стрелковой дивизии. Связной вез приказание командиру саперного батальона. В приказании было

указано о минировании на фронте одного участка. Пленный доложил, что штаб 46-й дивизии находится в лесу, в землянке, обнесенный в 3 ряда колючей проволокой. Проволока минирована, имеется только 4 прохода, штаб дивизии хорошо охраняется. Два других пленных, были шоферы из 27-й танковой бригады, везли бензин. Пленные шоферы сообщили: штаб 27-й танковой бригады находится в 400–500 метрах от штаба 46-й стрелковой дивизии, тоже хорошо охраняется (места штабов Сидоров уточнил на карте).

Остальные группы донесли, что дорога из Витебска на Великие Луки тщательно охраняется. Восточнее ее, в 150–200 м, строятся саперами дзоты. В тылу советского фронта много построено коллейных путей с тыла к фронту. Очевидно, каждый полк имеет коллейный путь. Все они охраняются слабыми патрулями. По этим дорогам изредка ходят машины — больше работает гужевой транспорт. Подводы ходят группами от 30-ти до 60-ти единиц. Везут на фронт продовольствие, огнеприпасы, обмундирование и людское пополнение.

Вечером 23.11.42 г., Сидоров решил атаковать советский транспорт следующий на фронт. Весь отряд выступил. По пути неожиданно были схвачены двое красноармейцев — конвоиры, которые гнали в совхоз им. Сталина, где находился корпусной Воентрибунал, красноармейца-дезертира. Узнав от пленных пароль, Сидоров решил немедленно захватить трибунал. В 23.00 достигли совхоза им. Сталина. Головной казачий дозор заметил у входа в совхоз часового. Сидоров приказал окружить совхоз. Подойдя небольшой группой казаков к часовому, ответив на пароль, Сидоров спросил: «Кто здесь ночует? Я старший лейтенант Громов, иду с ротой на фронт и хочу здесь переночевать». Увидев перед собой командира, красноармеец доложил: «Никто не ночует, товарищ командир. Здесь находится военный трибунал, сейчас, как раз, идет суд». Сидоров: «Да тут их наверное так много, что нам и переночевать негде будете. Часовой: «Да нет, что вы? Тут только наша охрана, да арестованных с полсотни, вот это и все. Все эти хаты пустые, тут не только ваша рота, а и добрый полк разместится». Как только он это сказал, Сидоров направил на него пистолет к сказал: «Если будешь кричать, застрелю на месте. Мы, казаки, воюем против Сталина и советской власти». «А чего я кричать буду? Дурак я, что-ли?» — сказал красноармеец. В это время казаки отобрали у него автомат и сняли пояс. Сидоров приказал ему следовать за собой и показать где находится охрана, где находится Трибунал и где сидят арестованные. Он все охотно исполнил.

Для захвата противника врасплох Сидоров выделил из отряда

3 группы: первой группе (во главе с ним) захватить суд; второй группе, во главе с унтер-офицером Перкун захватить охрану; третьей группе, во главе с хорунжим Денисенко, освободить арестованных. Все три группы должны были действовать одновременно, по условному знаку. «Наш пароль — «Москва», — сказал Сидоров, сейчас каждая группа должна приближаться к своей цели и, как только я зажгу пучок соломы, сразу приступайте к действиям. Стрелять запрещаю, применяйте холодное оружие. Действуйте ловко и без звука. Всех пленных сводить к дому, где идет суд».

Через несколько минут загорелась солома. Со своей группой Сидоров подошел к дому, где шел суд. Окружил дом. В доме окна были изнутри закрыты одеялами, в щели просачивался свет. С шестью казаками Сидоров прямо направился ко входу в дом. При входе в дом стояло двое часовых. (Внутри стояло еще двое). Сидоров быстро подошел к часовому и сказал: «Я старший лейтенант Громов, прибыл с приказаниями к прокурору». Часовые пропустили. В это время казаки направили на них автоматы и разоружили. Войдя в зал, Сидоров сразу скомандовал: «Руки вверх! Арестованные, ложись!» Автоматы были направлены на судей и часовых. Все они без звука выполнили команду. После разоружении Сидоров приказал всем снять пояса, расстегнуть брюки и держать их правой рукой, чтобы не упали, а левую руку заложить за голову и не разговаривать между собой. Все команды выполнялись четко.

Подсудимым, которых было 9 человек, Сидоров сказал: «Вы, друзья, именем народа освобождаетесь из под суда. Между собой не говорить. Следуйте за нами».

* * *

В это время, унтер-офицер Перкун со своей группой казаков подошел к дому, где беспечно спала охрана. У двери стоял дневальный, покуривая самокрутку. Укрывшись одним из домов Перкун приказал своим казакам незаметно подкрасться и окружить дом, а сам с пятью казаками вышел на дорогу и прямо направился к стоящему дневальному красноармейцу. Двое казаков спрятали под одежду свое оружие и сняли белые маскировочные халаты, Перкун и двое других казаков вели их вроде как под арестом, наставив на них автоматы. Как только вывернулись из-за угла дома, где стоял дневальный, Перкун сразу, обращаясь к последнему, спросил: «Товарищ боец, где здесь военный трибунал находится?» — «А вам чего надо?» — «Да вот

двоих арестованных пригнали, велено мне их в трибунал сдать». — «Подожди-ка, сейчас». Красноармеец спустился с крыльца, подошел к Перкуну и указывая автоматом, сказал: «Вона, видишь, стоить хлев, как дойдешь до няго, сворачивай направо, пройдешь метров двести и увидишь большой дом, вот енто тибе и трибунал будя, зараз как раз там суд идет». — «Спасибо, товарищ, — поблагодарил его Перкун, — нам бы потом, как сдадим арестованных, переспать где-нибудь надо, не найдется ли у вас место для нас?» — «Не, у нас не буде, нас тута двадцать человек охраны, все в одном доме спим. Вы лучше на обратном пути зайдите к нашему лейтенанту, он вас определит. Он тута с нами в одном доме спит». В это время Перкун достал сигарету и попросил у него прикурить. Красноармеец повесил на плечо автомат и стал искать в карманах спички. Перкун подал знак и казак, стоявший позади красноармейца, сдернул с него автомат. Перкун, наставив на него свой автомат, приказал: «Ни звука, застрелю на месте!» Тот молча повиновался.

Узнав от пленного, что лейтенант спит в отдельной комнате, Перкун подошел к окну и тихонько постучал. «В чем дело?» — «Товарищ лейтенант, вас прокурор вызывает». Через минуту в дверях показался лейтенант застегивающий на ходу мундир. Перкун наставил на него автомат: «Ни звука». Двое казаков, стоявших по обе стороны двери, схватили его под руки. Зайдя с казаками в коридор, Перкун осторожно приоткрыл дверь. В большой комнате горел свет. На нарах, в одном белье, слали красноармейцы. Все оружие было аккуратно сложено у стены. Быстро войдя в комнату вместе с казаками и заслонив собой оружие, Перкун скомандовал: «Встать, руки вверх! Кто произнесет лишь одно слово, застрелю на месте. Быстро одевайтесь!» Перепуганные красноармейцы молча исполнили приказание. Забрав оружие и построив пленных, казаки повели их к дому, где шел суд.

* * *

В это же время третья группа казаков, под командованием хорунжего Денисенко, подошла к дому, который служил тюрьмой. В отдельных комнатах сидели приговоренные к расстрелу; осужденные в штрафные батальоны сидели вместе со всеми другими.

Подкравшись к тюрьме, Денисенко увидел, что она окружена забором и колючей проволокой. У ворот стоял часовой. Денисенко снял с себя белый халат и велел сделать то же двум

казакам. Затем приказал вести его, как арестованного, в тюрьму. Всем остальным казакам велел подкрасться со всех сторон и окружить тюрьму. Спрятав оружие, Денисенко, сопровождаемый двумя казаками с наставленными на него автоматами, прямо по дороге пошел к стоящему у ворот тюрьмы часовому. Часовой увидел обычную картину — ведут из под суда приговоренного. Подойдя к часовому вплотную все трое направили на него оружие.

Взятый в плен часовой сказал, что внутри дома, в коридоре у двери есть еще двое часовых. В это время вся группа Денисенко вплотную окружила тюрьму. Взяв с собой четырех казаков Денисенко вошел во двор тюрьмы и направился в дом. Распахнув дверь, сразу скомандовал: «Руки вверх!»

Часовые, увидев направленные на них пять автоматов молча исполнили приказание. Забрав у них оружие, Денисенко приказал им открыть дверь, где сидели заключенные. Обращаясь к заключенным Денисенко сказал: «Дорогие братья! Мы, казаки, боремся против советской власти. Именем народа вы освобождаетесь. Следуйте за нами».

* * *

В течении одного часа все группы собрались в назначенном месте.

Среди освобожденных из тюрьмы красноармейцев, было трое командиров. Один из них капитан, Василий Иванович Леонтьев. Капитан Леонтьев в одном из горячих боев под Великими Луками застрелил своего комиссара, который постоянно мешал ему командовать батальоном. Военный Трибунал за этот поступок приговорил капитана Леонтьева к расстрелу.

Сидоров назначил капитана Леонтьева командиром взвода, который был тут же создан из освобожденных красноармейцев.

Окончив эту операцию, Сидоров ушел в глубину леса на 10 км в сторону фронта. На другой день пополудни напал на обоз 10-й стрелковой дивизии. 60 повозок с огнеприпасами и продовольствием сжег. 22 человека взял в плен. В этом бою было убито 5 казаков и 8 ранено, в том числе и хорунжий Денисенко. Убито красноармейцев более тридцати. Убитых казаков и красноармейцев похоронили в глуши леса.

Ночью, того же дня, Сидоров двинулся к линии фронта. Через густой лес, подойдя вплотную к передовой позиции красных, Сидоров разделил отряд на 5 отдельных групп. Каждая группа должна была переходить фронт на намеченном для нее участке.

Сам Сидоров остался с группой, которая охраняла пленных, причем взвод капитана Леонтьева, получив оружие помогал ей в этом.

По замыслу Сидорова каждая группа должна была занимать назначенные дзоты красных самостоятельно. Последнее было сделано с необыкновенной ловкостью и хитростью и явилось совершенной неожиданностью для красных. Смелый, доходящий до дерзости, поступок Сидорова, удивлял впоследствии командование немецкого центрального фронта, который пересказывался сотни роз солдатами и офицерами немецкой танковой армии, оборонявших участок фронта под Великими Луками.

В 21.00 24.11.42 все 5 групп подошли к намеченным советским дзотам. Перед этим три казака, посланные для добычи языка, привели красноармейца, который, будучи связным, шел на передовую с приказанием из штаба своей части.

Узнав от пленного пароль и все подробности расположения советской передовой. Сидоров уже больше не сомневался в успехе.

Приказав пленному связному вести прямо к дзоту, в котором находился командир батальона (несколько дзотов было на отшибе у самого леса и очень удобны для захвата врасплох), Сидоров с группой казаков подошел к дзоту. Буквально в течении пяти минут дзот оказался в руках казаков. Пытавшегося сопротивляться комиссара батальона казаки прикончили холодным оружием.

Командиру батальона было приказано позвонить по телефону своим командирам рот и приказать им приготовиться для отхода в тыл, т. к. пришла смена и батальон идет на отдых. Последний в испуге, со сна, не понимая еще хорошо в чем дело, исполнил приказание под угрозой немедленно быть заколотым казачьими штыками.

Все намеченные советские дзоты были заняты казаками без единого выстрела и лишь в совсем незначительной степени пришлось применить холодное оружие. Советское командование узнало о постигшем их несчастье слишком поздно.

В 2.30. 25.11.42 перед немецким фронтом появились серии красных ранет. Советская артиллерия открыла ураганный огонь. Немецкая артиллерия немедленно ответила. У самой немецкой обороны Сидоров отпустил всех красноармейцев, взятых в плен из дзотов, сказав им, чтобы они вернувшись в свою часть и рассказали всем о том, что на немецкой стороне организуется Русская Народная Освободительная армия, которая в союзе с немцами борется против Сталина.

«Идите, дорогие друзья, — сказал им Сидоров, — и в следующий раз приходите уже сами со своим оружием и со своими друзьями к нам. Мы вас примем в ряды Освободительной армии, как родных братьев». Красноармейцы не желали идти обратно, но Сидоров им сказал, чти если они искренне желают помочь Освободительному движению, то они могут это сделать лучше, если вернутся назад, в ряды Красной армии и будут везде и всюду рассказывать обо всем ими услышанном от казаков. Красноармейцы, один за другим, гуськом потянулись к советскому фронту. Это шла живая пропаганда Освободительной борьбы, рожденная на поле боя, которая была несравненно сильнее всякой другой, печатающейся на листах бумаги.

Вскоре в темноте раздались оклики казачьих пикетов: «Кто идет?»

— «Ростов» — отвечали казаки.

* * *

25.11.42 в 10.00 в землянку к Кононову пришли 10 немецких офицеров с переводчиками. Они были крайне заинтересованы действиями казаков на их участке фронта и сгорали от нетерпения узнать результат казачьей разведки. Некоторые из них (как потом признались) вообще не верили в возможность возвращения казаков из советского тыла.

В 10.00 в землянке, отдавая честь, вытянувшись стоял командир 1-й сотни 600-го Донского казачьего батальона сотник Сидоров. К нему подошел Кононов и сказал: «Садитесь и подробно расскажите о выполнении задачи». Присутствующие немецкие офицеры с явным восхищением слушали доклад казачьего сотника и все записывали.

В результате своих действий казачья разведка, выполнив боевое задание, вернулась со следующими трофеями: взят в плен советский Военный Трибунал Уральского стрелкового корпуса — 5 чел.; охрана Военного Трибунала и тюрьмы — 21 чел., из них 1 лейтенант и 3 сержанта; 1 связной 46-й стрелковой дивизии; 2 шофера 27-й танковой бригады. Освобожденных непосредственно из под суда — 9 чел.; освобожденных из тюрьмы — 32 чел., из них 3 офицера; 22 чел. из охраны обоза 105-й советской стрелковой дивизии, из них 1 старшина и 2 сержанта. 35 чел. взятых в плен, при переходе советской обороны были отпущены Сидоровым; 3 офицера взяты с собой; 27 автоматов, 5 ручных пулеметов и 9 пистолетов стали так-же добычей казаков. Тяжелые пулеметы и другие виды оружия Сидоров приказал не брать, а лишь привести

в негодность.

Выслушав доклад Сидорова, Кононов приказал всех казаков — участников разведки — накормить и отпустить на отдых, в том числе и всех приведенных с собой красноармейцев. Членов Военного Трибунала представить немедленно ему. Через несколько минут члены Трибунала, коротко допрошенные Кононовым, были направлены дальше в военный штаб. В 11.00 все казаки, участвовавшие в разведке, и пришедшие с ними красноармейцы были, по приказу Кононова, построены (пленные выстроены отдельно). Взвод капитана Леонтьева — в центре. Обращаясь к казакам, Кононов сказал:

«Мои славные сыны! Я бесконечно рад видеть вас живыми и здоровыми. Я не нахожу слов, чтобы выразить вам свою благодарность. Вы своими действиями умножили казачью славу к доказали преданность Освободительной борьбе. В этом наша сила и радость. Я всех вас, до единого, награждаю восточными орденами «За отвагу» (Бронзовая медаль с мечами). Вечная вам слава, мои герои!»

Затем, обратившись к капитану Леонтьеву и его солдатам, Кононов сказал:

«Дорогой капитан Леонтьев! Я сердечно рад видеть вас и всех ваших воинов. Мои сыны-казаки спасли вам жизнь. А кто и за что хотел отнять у вас эту жизнь?! Я знаю кто и знаю за что, капитан. Случай с вами подтверждает, что боевые командиры Красной армии являются игрушкой политических преступников, предательским образом захвативших власть на нашей Родине. Они хозяева на сегодняшний день. Когда вы, как командир батальона, хотели показать, что вы хозяин своего батальона, а не какой-то политический болтун-комиссар, то за это вас «хозяева» приговорили к расстрелу. Почему это? Да потому, что Сталин и вся его свора видят, что народ, благодаря войне, начинает подымать голову и чувствовать себя истинным хозяином своей Отчизны. Вы подняли руку на сталинского опричника, на представителя власти в вашем батальоне и за это должны были поплатиться жизнью. А что, если бы вы застрелили не комиссара, а строевого командира, который бы, подобно комиссару, не подчинился бы вашему приказу? Я думаю, что наверняка получили бы за это похвалу, как за «сохранение дисциплины» — не правда ли? А почему это? Да потому, что любой строевой командир, подобно вам, является игрушкой в руках сталинской власти. Такая-же участь может постигнуть каждого человека в Советском Союзе, кто бы он ни был — простой боец, или генерал. Двести миллионов рабов в руках Сталина и разве ему жалко будет, если застрелят какого-то раба? Другое дело, если

застрелят опричника в лице комиссара или работника НКВД. Тут Сталин, не из жалости, а из-за необходимости заботится о них, ибо на них и власть его держится. Сталин отдаст приказ расстрелять любого, поднявшего руку на одного из его опричников. Вот, капитан Леонтьев, я думаю, что я достаточно понятно сказал и вам и другим, против кого и за что я и мои казаки воюем.

Поздравляю вас с обретенной свободой и правом на борьбу в наших рядах за свободу нашей дорогой Родины — России!»

Затем Кононов подошел к капитану Леонтьеву и крепко пожал ему руку, а так-же и всем бойцам его взвода. Потом, повернувшись к выстроенным пленным красноармейцам, Кононов сказал:

«Дорогие братья! Мои казаки взяли вас в плен с боем. Я знаю в силу чего вы и все другие воины Красной армии защищают советскую власть — в силу террора и обмана. Сейчас вы освобождены от террора и вам ясен обман сталинской власти, но я не хочу принуждать вас идти служить в наши ряды, а поэтому освобождаю вас всех и вы можете вернуться, если желаете, в ряды Красной армии. Мы вас пропустим через линию фронта. Если кто-нибудь из вас желает остаться на этой стороне и присоединиться к гражданскому населению, тем будут выданы специальные документы».

После этих слов Кононова пленные красноармейцы подняли шум и стали кричать: «Не пойдем к кровопийце-Сталину! Не пойдем в гражданку! Мы такие-же как и вы казаки! Батько, прими нас в казаки!»

Тогда Кононов, успокоив их сказал:

«Ну, раз так, мои родные, поздравляю вас всех с обретенной свободой и правом на борьбу в наших рядах за свободу Отчизны!»

Кононов подошел к каждому красноармейцу и крепко пожал руку. Последние, взбудораженные от радости, поломали строй, обступили Кононова, подхватили его на руки и начали «качать». Улыбающийся Кононов не сопротивлялся. Присутствующим немецким офицерам и солдатам вся эта картина казалась никогда невиданным ранее, непонятным сном.

25-го декабря 1942 года 1-я и 6-я сотни 600-го казачьего Донского батальона, с пополнением в своих рядах, вернулись в г. Могилев.

Батальон продолжал учебу.

* * *

В начале января 1943 года в 600-ом Донском каз. б-не состоялось большое торжество по случаю приезда в б-н вождя Российского Освободительного Движения — генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова. В это время Власов объезжал все добровольческие части, находившиеся на фронте и в тылу центрального участка немецкого Восточного фронта. Посетив ген. Шенкендорфа, весьма восхищенный этим прекраснейшим человеком, Власов направился в 600-й Дон. каз. б-н, где уже с утра шла подготовка к торжественной встрече Андрея Андреевича.

1-ая сотня есаула Сушкова, как лучшая сотня, была назначена в почетный караул.

Кононов и казаки с нетерпением ждали появления знаменитого гостя. Наконец на дороге показалось авто. Все устремили на него свои взоры. Из авто вышел высоченного роста человек. В этом великане казаки сразу отгадали Власова.

Андрей Андреевич прибыл в сопровождении бургомистра города Могилева, группы немецких офицеров и полковника Кромиади Г. К. (Полковник Кромиади Константин Георгиевич, был одним из тех немногих белых офицеров-эмигрантов, которые не страдали никакими иллюзиями и прекрасно понимали людей из Советского Союза, с первых же дней знакомства с Власовым, Кромиади стал верным его соратником и до самозабвения был ему предан).

«Господин генерал, 600-й Донской казачий батальон построен для встречи и приветствия. Командир батальона — майор Кононов!» — отрапортовал Кононов.

«Очень рад видеть Вас и Ваш батальон» — пожимая руку Кононову сказал Власов, и, обращаясь к б-ну произнес: «Здравствуйте Казаки!» После короткой приветственной речи, генерал был приглашен на торжественный обед.

За обедом Власов с увлечением весело беседовал с молодыми Кононовскими офицерами. Последние были очарованы Андреем Андреевичем и стараясь не пропустить ни одного сказанного им слова, не сводили с него глаз.

Сопровождающий генерала — полковник Кромиади, также понравился всем. Этот весьма сдержанный и симпатичный человек невольно вызывал к себе уважение.

После обеда Власов начал обход казарм и конюшен. Обходя помещения, часто останавливался и расспрашивал многих казаков о жизни, о причинах, побудивших их стать на путь борьбы с большевизмом.

При осмотре 2-й сотни, один казак доложил Власову, что он служил в 99-й дивизии (99 дивизия Красной Армии, которой

командовал Власов в 1939 году, в этом-же году на испытаниях была признана лучшей дивизией по подготовке во всей Красной Армии), Красной Армии, когда Власов был ее командиром. Встреча со своим сослуживцем, видимо Власову доставила большое удовольствие, он долго и крепко пожимал руку этому казаку и все повторял, что очень, очень рад встретить его здесь, в рядах бойцов за свободу России.

Осмотрев все подразделения б-на, Власов остался очень доволен состоянием б-на и выразил Кононову свою искреннюю благодарность.

После осмотра, Власов в штабе б-на вел долгий и серьезный разговор с Кононовым.

Последний рассказал ему всю свою личную историю начатой им борьбы против Сталинской клики. Рассказывал о всех трудностях организации начатого дела, о вере и надежде на помощь немцев, об их обмане, о пролитой братской крови, о тяжелых душевных переживаниях. Андрей Андреевич молча, склонив голову, с грустью слушал. Его всегда энергичное, живое лицо было в эти минуты печально и угрюмо, через стекла больших роговых очков светились умные, проницательные глаза.

Выслушав Кононова, Власов сказал, что он подобную историю слышал уже от сотни других командиров добровольческих частей, но что начатую борьбу бросать нельзя, нужно надеяться, что немцы рано или поздно, хочется им это или не хочется, но вынуждены будут изменить свою политику и предоставят Освободительному Движению свободу действий в борьбе против большевизма; что события на фронте с каждым днем все больше и больше принуждают их к этому; что этот час несомненно наступит; что требуется только терпеливо ждать. «Других шансов у нас нет и их неоткуда ожидать» — сказал Андрей Андреевич.

«На Вас, дорогой Иван Никитич» — продолжая он — «я имею все основания рассчитывать, как на верного соратника, и прошу Вас не падать духом и продолжать прилагать все свои усилия и способности в начатой борьбе. Я уже много о Вас раньше слышал как о легендарном герое. Слух о Вас и Ваших казаках идет повсюду. Я восхищен Вашей частью. Вашими прекрасными офицерами, Вашими героями казаками. Я верю, что казачество, — этот вольнолюбивый народ нашего великого Отечества, — сыгравшее огромнейшую, если не первенствующую роль в истории построения Великой России, и на этот раз будет авангардом в борьбе за построение свободы и счастья для наших народов. И Вам, дорогой Иван Никитич, как верному сыну казачества, как казаку с современным военным и политическим образовавшем, понимающим психологию современного

казачества, выпадает большая честь и обязанность собрать, как можно больше казаков, чтобы в нужный момент быть готовым, вместе со всеми, приступить к штурму всех врагов нашей великой родины — России. Этот момент наступит, верьте мне. Сейчас я веду переговоры с главным немецким командованием среди которых есть немцы, чистосердечно сочувствующие и стремящиеся помочь нам и, больше того, эти люди настолько умны, что видят свое спасение в нас. Они заверяют меня, что сумеют в короткое время добиться от Гитлера свободы действий для нас, что нашему делу будет дан ход, будут созданы наши собственные вооруженные силы под моим командованием. Как только это произойдет, сразу же все разрозненные казачьи части сколотим в казачью Армию и я хотел бы видеть Вас ее командующим. Вы знаете, у нас неисчерпаемые резервы бойцов, мы имеем миллионы добровольцев, готовых по первому моему призыву встать в ряды Российский Освободительной Армии».

Власов говорил с таким жаром, с таким воодушевлением, с такой силой, что даже самый слабый духом человек наполнялся надеждой, верой и волей к борьбе. Его басовитый голос, его манера говорить и держаться, фигура великана — импонировали всем и каждый хоть немного соприкоснувшийся с ним, не мог не видеть в Андрее Андреевиче подлинного народного вождя.

Прощаясь с Власовым, Кононов крепко сжимая ему руку, поклялся быть верным сыном его идеи до победного конца.

Распрощавшись со всеми офицерами и казаками-кононовцами генерал Власов уехал.

* * *

5-го марта 1943 года 600-й Донской каз. б-н был снова брошен на фронт в район г. Смоленска. Батальон получил задачу: удерживать дорогу — главную магистраль Минск-Москва. Батальон по фронту занимал 300–350 метров. Глубина батальона доходила до 3-х километров, справа и слева были немецкие части. Советские части много раз, как правило ночью, пытались прорваться вдоль автострады Смоленск — Минск. Это была единственная главная артерия снабжения всеми видами довольствия всех войск центрального немецкого фронта, причем параллельно с шоссейной дорогой проходила и железная дорога. Прочно и упорно обороняя свой участок, 600-й Донской казачий батальон, с особенным успехом вел пропаганду Освободительной борьбы.

Кононов, с прибытием на фронт, все боевые действия

батальона совмещал с политической работой, придавая последней первостепенное значение. Трудности в организации политической работы были неимоверные. Немцы не придавали абсолютно никакого значения пропаганде и особенно еще в то время (1943 г.), когда они все еще чувствовали себя сильными и верили в возможность победить Советский Союз посредством оружия.

Чтобы добиться от немцев малейших средств для политической работы, приходилось просить, упрашивать, доказывать и, как правило, безрезультатно. Не было ни громкоговорителей, ни типографии, ни даже простого рупора. Конечно, немцы все это имели, но не хотели давать пользоваться добровольческим частям. На просьбы и упреки Кононова они отвечали: «Нас учить нечего, мы не дураки, мы знаем, что делаем, наши успехи говорят о немецкой деловитости». А эта «деловитость» в их листовках, выбрасываемых для Красной армии и населения СССР, выражалась в следующем. Ниже привожу тексты из немецких листовок:

«Господа красноармейцы и офицеры Красной армии! Приходите к нам, немцам, вы получите от нас кушать и работу!»

«Гитлер-освободитель. Под руководством Германии вы будете жить лучше, приходите к нам!»

«Красная армия слабая, сдавайтесь в плен, иначе вы будете убиты!»

«Немецкая армия — непобедимая, сдавайтесь, пока не поздно!»

«Красноармейцы, кончай войну, бросай оружие!»

«Ты и твоя семья заживет лучше под руководством прекрасного, хозяйственного и умного немецкого народа!»

Вот несколько выдержек из немецкой пропаганды на восточном фронте. Во всех фразах звучит кабала, глупость и унижение других национальностей. Не хотелось верить, что эта глупая пропаганда исходит от немецкого правительства… Можно было поверить, что эта пропаганда исходит от Сталина с целью компрометации немцев, но, к сожалению, эта глупая пропаганда велась немцами под руководством «спеца» по восточным — делам гитлеровского министра Розенберга. Смешно и горько, но это было так, факты — упрямая вещь.

Сталин приказал такие листовки обязательно зачитывать и прорабатывать в войсках и среди населения. Сталин и вообще все советское начальство было крайне удивлено глупостью немцев и в душе благодарило гитлеровских «деловитых» пропагандистов.

9-го марта 1943 г. вечером Кононов с большими трудностями достал громкоговоритель. Советская оборона находилась в 150–

200 метрах. Кононов устроился в одном из окопов и начал говорить в рупор:

«Внимание, внимание! (Перестрелка сразу прекратилась).

Дорогие братья-красноармейцы и офицеры Красной армии!

Перед вами, также в окопах и на холоде, стоят казаки, бывшие воины Красной армии. Теперь они стали на борьбу не против вас, а против советской власти. Мы идем за освобождение нашей Родины от большевизма и за восстановление на ней правды и свободы, Переходите и нам!»

«С вами говорит подполковник Кононов…», но тут сосредоточенный артиллерийский огонь по убежищу, где сидел Кононов, заставил его замолчать. Однако, этой-же ночью результат был на лицо: в 2 часа ночи прибыло из 787-го стрелкового полка 17 красноармейцев и один лейтенант.

Перешедшие попали в немецкую часть, которая по соседству с казачьим батальоном занимала оборону. Они сказали немцам, что слышали обращение подполковника Кононова и пришли к нему, чтобы вместе воевать против Сталина. Немцы, не разобрав в чем дело, посадили их в холодный сарай и продержали их там до утра. Утром двоим из них удалось убежать обратно. Немцы собирались отправить их в лагерь военнопленных, (а это значит неминуемая смерть от голода), как вдруг, совсем случайно, о них узнал Кононов, поехал и освободил их.

В 5.00 из этого-же полка на участке 600 казачьего батальона перешло 9 человек красноармейцев. Они рассказали, что весь их полк знает о том, что против них стоит казачий батальон, который воюет против Сталина за свободную Россию, что все бойцы, тайно от политруков и комиссаров ведут об этом разговоры. Многие еще боятся переходить, думают, что это только немецкая провокация. Один сержант, обращаясь к Кононову, сказал:

«Товарищ подполковник! Если-бы наш полк увидел вас и всех ваших казаков вот так, как я это вяжу сейчас, то даю голову наотрез, сразу бы перебили всех комиссаров и всю политсволочь и перешли-бы все к вам, но люди сомневаются и не верят, боятся провокации. Откровенно говоря и я сомневался, когда шел к нам, просто шел на риск».

Другой, стоящий с ним рядом боец, сказал: «Сержант правду говорит — сомнение большое. Люди, которые уже побывали на немецкой стороне рассказывают, что еле ноги унесли. Немцы сажают за проволоку и морят голодом, а то и просто стреляют. Разговоры в полку идут разные. Сейчас особенно, большой контроль организован комиссаром полка, за неосторожное слово могут шлепнуть без всякого суда. Но люди все равно между собой

говорят, хотя и боятся сексотов. Везде контроль. Даже сейчас в разведку не посылают — боятся, что люди не вернутся. Все это после того, как услышали ваше обращение».

10-го и 11-го марта двое суток почти беспрерывно казачий батальон подвергался ураганному артиллерийскому обстрелу советской артиллерии, С 15 на 16 марта советская авиация 3 часа беспрерывно бомбила участок казачьей обороны.

Все старания уничтожить казачий батальон огнем и прорвать фронт на его участке, не увенчались успехом. Утром 13-го марта в казачьем батальоне разыгрался интересный эпизод.

Командиру 2-й сотни сотнику Мудрову казаки привели где-то пойманную собаку. Приласкав собаку и накормив ее, Мудров назвал ее «Почтальон». Затем, подозвав урядника Челнокова, приказал написать под его диктовку письмо следующего содержания:

«Здравствуйте братья-красноармейцы, офицеры и политруки!

Шлю вам сердечный поклон от себя и своих казаков. Мы стоим против вас, но стрелять по вас не хотим. Мы воюем не против России, а против Сталина и его системы. Немцы нам разрешили организоваться для борьбы за освобождение нашей Родины от коммунизма. Переходите к нам, нас будет больше, с нами немцы будут считаться, как с силой.

По свержении коммунизма восстановим на нашей Родине поистине народную власть, без колхозов и без сталинских концлагерей.

Дорогие братья! Поворачивайте свое оружие против палача русского народа Иосифа Джугашвили-Сталина. Он потопил наше Отечество в море крови. Долой кровопийцу Сталина! Да здравствуют свободные народы России! Еще раз прошу вас — переходите к нам, нас будет больше. Немцы идут нам навстречу, но если и они будут чинить что-либо против нашего народа, то мы народ не гордый — и им морду набьем. Я не политик, много говорить не могу, но прошу вас понять меня правильно.

Пора нам проснуться и действовать решительно и смело. Настал момент использовать возможность свергнуть проклятую советскую власть. Обсудите мое письмо и приходите ко мне, я занимаю оборону прямо на дороге. Это письмо вам принесет моя собака, ее зовут «Почтальон». Вот и все. До встречи!

Ваш брат, командир 2-й сотни 600-го Донского Казачьего батальона, сотник Сергей Михайлович Мудров.

(Бывший командир эскадрона 55 кав. дивизии Красной армии).

13 марта 1943 года.»

Письмо завернули в тряпку и привязали к шее собаки. Затем вывели собаку из окопа и открыли огонь. Перепуганная собака

кинулась бежать в сторону советской обороны (130–150 метров). Было видно, как ее поймали и забрали красноармейцы. Примерно через час из советских окопов послышались крики: «Почтальон ранен, оказываем медицинскую помощь!»

Вечером 13-го марта к казакам прибыло, при полной боевой и с ручным пулеметом, 7 человек красноармейцев. Через три часа еще 11 человек во главе с командиром взвода лейтенантом Балашовым. Все они оказались 2-й роты 1-го батальона 502-го полка.

Перебежки красноармейцев к казакам были почти каждый день. Перебежчики рассказывали, что весь полк охвачен желанием бороться против Сталина, но в полку царит сильный контроль, прибыли специальные заградотряды. Убежать очень трудно, особенно группой, когда нужно сговориться, но не знаешь, кто сексот. Комиссары подсылают сексотов и те вроде агитируют бежать к немцам, а потом, согласившихся бежать, выдают и их тут же расстреливают, как изменников Родины.

С 5-го марта по 4-е апреля 1943 г. непосредственно на участке 600-го Донского казачьего батальона перебежало 69 человек бойцов, 17 сержантов и 5 офицеров: итого 91 человек.

4-го апреля вечером 600-й Донской казачий батальон был заменен немецким полком. Батальон ушел на отдых в г. Могилев. 7 июня 1943 г. 600-й Донской казачий батальон был погружен в эшелон и отправлен в лагерь формирования Первой Казачьей Дивизии.

* * *

Войдя в состав 5-го Донского полка наша сотня стала 3-й конной сотней. Полк делился на два дивизиона, по четыре сотни в каждом и 9-й сотне тяжелого оружия (в сотне были и пушки). В каждой сотне было по 200 с лишним человек. Старых казаков нашей сотни, освобожденных медицинской комиссией от военной службы, заместили молодые казаки из других сотен. В большинстве на должности командиров взводов и отделений были назначены кононовцы. Почти все они были бывшие кадровики — младшие и средние командиры Красной армии.

Получив должность командира отделения, я, бывший раб Особого Отдельного Строительного батальона Красной армии, представлял собой исключение среди младших командиров нашей сотни. К тому же с погонами рядового казака. Я не имел тех теоретических военных знаний, которые надлежало иметь. Но за своей спиной, я имел пройденный боевой путь по горам

Кавказа, по степям Кубани, за мной был опыт 2-х летней боевой страды.

Командиром 1-го взвода был назначен пожилой терский казак хорунжий Сергей И. Пащенко. Последний был бывшим командиром эскадрона Особой кавалерийской дивизии Красной армии. Выше среднего роста, полный и солидный, спокойный и степенный, строгий, державший себя с достоинством, он невольно внушал к себе уважение. Однако вне службы он был прост и любезен и часто можно было слышать его беспечный заразительный веселый смех. Его смуглое скуластое лицо с отпущенными по татарски усами, слегка припухшими веками, говорило о том, что несмотря на его русскую фамилию в его жилах течет большая доля азиатской крови.

Командиром 2-го взвода был назначен вахмистр Николай Давыдов — бывший лейтенант и командир эскадрона Красной армии. Молодой Давыдов был с добродушным, всегда улыбающимся, типично русским лицом. Во время гнева его полное лицо делалось красным, но через секунду оно вновь добродушно улыбалось и казалось, что несмотря на его старания, он никак не может быть строгим. Казаки его мало боялись, но любили очень и любя посмеивались над добродушием своего командира.

Командиром нашего, 3-го взвода, был назначен вахмистр Петр Чебенев. Удивительно интересна была личность этого весьма молодого командира. Небольшого роста, худощавый, стройный, подтянутый, с бойкими смеющимися голубыми глазами, со светлым кучерявым донским чубом, Чебенев на первый взгляд производил впечатление бойко-дерзкого мальчугана, надевшего на себя военную форму. Говорил он «блатным» лексиконом, зачастую пересыпая свою речь троекратным «матом», но держал себя с достоинством, явно требуя от нас уважения к себе, как к начальнику.

Познакомившись ближе с Чебеневым я узнал, что он бывший сержант казачьей дивизии Красной армии. Образование получить ему пришлось очень скудное — всего четыре класса станичной (начальной) школы, да и получать его он совсем не старался, а мечтал о службе в армии, куда добровольцем-малолеткой и попал.

Чебенев часто с увлечением рассказывал, как он получил первый приз — серебряные часы — за джигитовку еще будучи курсантом полковой школы; как ему было присвоено звание сержанта и т. п. По-всему было видно, что он любит военную службу и к ней способен. Строгий, но справедливый, он вскоре стал пользоваться общим уважением, не только нашего взвода, но

и всей сотни.

Каковы были его боевые качества, я тогда еще не знал, хотя и неоднократно слышал от других казаков, что он неимоверно храбр и ловок в бою, за что и был произведен, несмотря на молодость, в чин вахмистра (Чебеневу было тогда 19 лет).

И, наконец, командиром хозяйственного взвода (обоз), был назначен вахмистр Николай Суханов. Этот стройный, подтянутый, слегка рябоватый, но красивый, среднего возраста донской казак, стал сразу-же бичём целой сотни. Он придирался к каждому упущению, к каждой мелочи, наказывал казаков за каждый пустяк. Говорили о нем, что в прошлом он старшина эскадрона Красной армии. А, как известно, на такие должности в любой армии подбираются рьяные «службисты», не спроста в немецкой армии вахмистров эскадронов и фельдфебелей рот называли «спис». Вот и наш Суханов обладал несравненными качествами такого «списа».

Наша сотня, став Кононовской, сразу же стала и перековываться на кононовский лад. Немецкие команды, которые мы так хорошо знали, оказались нам больше не нужды. Все военное обучение строилось по уставам и наставлениям Красной армии, используя все лучшее, что в них было и тесно увязывалось с боевым опытом и казачьей сноровкой.

Несмотря на жестокую дисциплину, царившую в полку, чувствовался демократический дух, изстари присущий казачьему войску.

Например, даже к самому командиру полка можно было в некоторых случаях обратиться на ты, назвав его «Батько», а не по обычному — господин Войсковой старшина (подполковник).

Все эти новые для нас — новых кононовцев — порядки нам очень понравились и мы прилежно и быстро стали их усваивать. Совсем иное положение было в полках, где командовали немецкие офицеры. С самого начала там начались трения из-за языка и абсолютного взаимного непонимания. В своем большинстве немецкие командиры вели себя по отношению к казакам со свойственной им надменностью и чванством, что оскорбляло национальное чувство и вызывало у казаков недружелюбие и злость. Если на казака накричал казачий командир, то казаки относились к этому, как к обычному явлению, так, скажем, как ребенок, в подобном случае, к отцу, но если на казака кричал или тем более наказывал немецкий офицер, то это воспринималось казаками так, как-бы кричит и наказывает «чужой дядя».

Те немецкие командиры, которые, будучи заражены гитлеровским нацизмом и явно с ненавистью, пользуясь своим

положением, умышленно наказывали казаков, особенно разжигали национальную вражду. Последнее приводило иногда к серьезным эксцессам.

Например, во время занятий в одном из эскадронов 3-го Кубанского полка, один немецкий унтер-офицер ударил по лицу одного казака, остальные казаки в защиту своего товарища немедленно тут-же на месте, убили этого унтер-офицера. Прокуратура дивизии долго уточняла и выясняла, кто-же конкретно убил унтер-офицера, ответ был один: «Вся сотня».

Второй случай. Во втором Сибирском полку в 4-й сотне немецкие унтер-офицеры особенно плохо относились к казакам в том числе и сам командир сотни немецкий, обер-лейтенант М.

Казаки этой сотни ночью зашли в комнату, где спали немецкие унтер-офицеры и вахмистр, забрали оружие и разбудив немцев, приказали им раздеться догола, а затем ударить друг друга кулаками в лицо. Потом всех их избили до полусознания, связали веревкой один к другому и сделали надпись: «Быть другом казаков, — значит быть, прежде всего, человеком».

Эти казаки исчезли бесследно.

Подобные случаи были не единичны и, естественно, тормозили учебу. Конечно, командование дивизией старалось устранить эти недоразумения, но в первое время это было почти невозможно.

Наш 5-й Донской полк, лишенный подобных трений, духовно единый и сплоченный, вскоре стал выделяться успехами в учебе, что и было откровенно признано командованием дивизии. Те старшие немецкие офицеры дивизий, которые владели русским языком, скорее других поняли, что замена казачьих офицеров немецкими, дело пагубное и очень тормозит подготовку дивизии. Знание русского языка позволяло им очень скоро понять психологию казаков, их стремлении и чаяния. Они поняли, что для более плодотворной учебы, для усиления боеспособности дивизии необходимо завести в полках такие порядки, какими они были у нас— в 5-м Донском полку.

Эти немецкие офицеры, прежде всего, конечно, старались дать понять суть этого командиру дивизии ген. фон Панвицу. Особенно хорошо понял казаков офицер штаба Дивизии полковник Вагнер. Этот весьма любезный немецкий офицер, владевший в совершенстве русским языком, особенно полюбил казаков и всегда старался поддержать казачьи интересы.

Помню однажды наш полк производил занятия на пересеченной местности. Наш 1-й дивизион наступал на обозначенного «противника» в густом лесу. Делая перебежки со своим отделением, я отдавал соответствующие приказания своим

казакам. Как вдруг передо мной появился немецкий офицер. Последний следуя за мной стал наблюдать мои действия. Смущенный этим однако я не растерялся и продолжал, не обращая на него внимания, командовать отделением. Вдруг он мне задал вопрос. От неожиданности я стал отвечать ему по-немецки в то время, как вопрос был задан по-русски:

«Вы кто — немец или русский?» — непонимающе спросил он меня.

«Казак» — ответил я.

«Так почему-же вы отвечаете по-немецки, когда я вас по русски спрашиваю?»

Я никак не ожидал, что немецкий офицер может говорить по-русски и наверное поэтому от смущения и неожиданности заговорил по-немецки.

Немецкий офицер оказался полковником Вагнер, последний, как я только тогда узнал, в совершенстве владел русским языком и в то время был офицером штаба дивизии. Следуя за нами, он продолжал со мной говорить, задавая мне вопросы тактического порядка. Оправившись, после охватившего меня в первый момент смущения, я бойко и уверенно стал отвечать ему на все вопросы.

«Молодец» — похлопав меня по плечу, сказал он и отошел к подошедшим другим каким-то немецким офицерам.

Закончив учения наш дивизион остановился на отдых. В это время в сопровождении командиров бригад и офицеров штаба появился командир дивизии ген. фон Панвиц.

Мы увидели в первый раз нашего командира дивизии. Высокого роста, стройный, с полным славянским румяным лицом, в высокой, из серого каракуля, донской папахе, Панвиц внешне мало был похож на немца, скорее выглядел русским. Выслушав доклад, Панвиц выразил благодарность нашему дивизиону, сказав, что мы показали прекрасные результаты нашей учебы и что он надеется, что в будущих боях с противником они будут еще лучшими. Панвиц говорил по-русски очень плохо, скорее он говорил по-польски (Панвиц владел польским языком), однако мы его хорошо понимали.

Слушая речь ген. фон Панвица я увидел, что полковник Вагнер, подойдя к нашей сотне, ищет кого-то глазами. Увидев меня, он поманил меня пальцем. Подскочив к нему, я вытянулся, Вагнер подошел к ген. фон Панвицу и указывая на меня стал ему быстро по-немецки говорить.

«Вот молодой казак командир отделения, прекрасно знает свое дело. Я наблюдал за его действиями. Все другие казачьи командиры, за действиями которых я тоже наблюдал, не хуже этого. Там, где командуют казачьи офицеры, результаты учебы

более успешные. Это надо учесть, господин генерал».

Панвиц, поглядывая на меня и кивая головой, ответил Вагнеру:

«Да, да, совершенно правильно… это мы учтем, — и затем, указывая на меня головой, сказал, скажите этому молодцу, что я его благодарю за хорошую учебу».

Полковник Вагнер, обращаясь ко мне сказал по-русски:

«Вы слышали, что сказал генерал и, наверное поняли?»

«Так точно, господин полковник» — ответил я.

«Можете идти», — ласково улыбаясь сказал полковник Вагнер.

Смущенный и польщенный я отдал честь и круто повернувшись пошел к строю.

Подобные заявления Панвицу поступали и от других старших офицеров дивизии. Сам он давно уж все понимал и не только то, что касалось его дивизии. Оказавшись человеком весьма умным к проницательным, соприкоснувшись с людьми из СССР, он понял, что методы, применяемые главным немецкий командованием в использовании антисталинских сил в интересах Германии, никуда негодны и чреваты пагубными последствиями. К сожалению самих немцев очень немногие из них это понимали. Из ниже описываемых событий читатель увидит, что ген. фон Панвиц в ходе происходящих событий пытался дать делу правильный ход в интересах своего государства, но преградой к этому стояла главная ставка Гитлера — ОКВ, которая, контролируя инициативу подчиненных ей инстанций, давала им свои пагубные директивы, требуя их точного исполнения. Все старания Панвица, равно как и других здравомыслящих немецких военноначальников направить ОКВ на «истинный путь» разбивались о лбы опьяненных нацизмом тупоумных гитлеровских политиков.

Вскоре после присоединения нашей сотни к 5-му Донскому полку из Кубанского предмостного укрепления, где остался 4-й велосипедный немецкий полк, к которому раньше наша сотня принадлежала, пришли награждения для казаков нашей сотни за боевые заслуги, проявленные ими в боях летом 1943 года.

Ввиду этого был построен весь полк. Кононов, в сопровождении офицеров штаба полка, собственноручно прикалывал ордена на грудь награждаемых казаков.

Прикалывая мне орден, Кононов спросил: «Сколько лет, сыночек?»

«Девятнадцать», — ответил я.

«Ого! — удивился он, — а я думал лет шестнадцать. Ты какой станицы?»

«Я родился и вырос в городе Таганроге, господин войсковой старшина» — ответил я.

«А, в Таганроге! Знаю, знаю прелестный городок, учился я в нем в юности.»

Узнав, что я командир отделения, Кононов тут же припомнил, что на тактических учениях мне была выражена благодарность за хорошее командование отделением командиром дивизии ген. фон Панвицем, на основании чего он сам (Кононов) отдал приказ, в котором выражалась мне благодарность и от командира полка.

«Молодец, сынок, нужно всегда и во всем показывать на что казаки способны, пускай знают наших!» — весело улыбаясь сказал Кононов и пожав мне руку, подошел к следующему казаку. Это было мое первое личное знакомство с Кононовым.

Через неделю после этого знакомства я был произведен в приказные (в ефрейторы).

В этом же месяце нам пришлось увидеть ген. П. Н. Краснова. Последний, в сопровождении своей супруги, ген. фон Панвица и нескольких офицеров штаба на легковой машине подъехал к выстроенным полкам. В казачьем генеральской мундире, в синих навыпуск, с генеральскими лампасами, брюках, опираясь на палку, Краснов прихрамывая, подошел к устремившему на него взоры двадцатитысячному казачьему войску.

Старческим слабым голосом он начал говорить. Один из офицеров держал у его рта микрофон. Его речь, наполненная казачьим патриотизмом и любовью к народу, к которому он принадлежал, лишь отрывками доносилась ветром к полкам далеко от него стоящим. Мне только запомнились лишь услышанные мной слова: «Я пережил три войны… В моих жилах течет казачья кровь…»

Седой, как лунь, дряхлеющий старый генерал своим видом вызвал у нас скорее чувство сожаления и подавленности, нежели бодрости и надежды. Те немногие самые старые казаки, находившиеся в рядах дивизии, которые помнили ген. Краснова еще с Первой Мировой войны, были подавлены горечью и обидой, на судьбу, которая так безжалостно искалечила, когда-то прославленного красавца-генерала, грозного и мудрого Атамана Всевеликого Войска Донского.

В революцию 1917-20 г. г. в России люди, взявшиеся руководить т. н. Белым Движением, люди не знавшие, вернее не желавшие знать, ни казачества, ни других народов России, люди, каким был ген. Деникин и ему подобные, при помощи Антанты, которой они старались доказать свою донкихотскую лояльность, свалили тогда ген. Краснова, предрешив, этим самым, свою же

гибель. Оскорбленный и униженный Донской Атаман, ген. П. Н. Краснов, ушел тогда от власти, затем ушел в эмиграцию, а эмиграция и годы сделали свое дело.

С чувством сожаления и уважения к «Деду», как стали называть казаки ген. Краснова, мы возвращались в свои бараки. После построения многие казаки выглядели задумчивыми и озабоченными. В голове толпились тревожные мысли: «А что Власов? Почему немцы замолчали о чем? Где он? Как пробить дорогу к этому единственному спасительному маяку? Во что выльется попытка организовать борьбу против Сталина на стороне не менее жестокого врага?»

Эти тревожные мысли ободрялись крепкой верой и надеждой на молодых, крепких как гранит казачьих вождей. Крепких и самоуверенных, каким был наш Батько-Кононов.

«Батько знает, Батько выведет», — теплилась в мозгах ободряющая мысль.

Вскоре после этого события нас постигла прискорбная неприятность, заставившая нас, хотя и временно, испытать ту неразбериху и трения, которые постоянно терпели другие полки.

В наш 5-й Донской полк, как бы временно, на должность командира 1-го дивизиона был назначен немецкий ротмистр фон Ляр. Последний был выходцем из традиционного немецкого, так называемого «полка Черных Гусар». В этом полку служило кастовое немецкое дворянство. Головные уборы чинов этого полка были украшены человеческим черепом (таким же, как и войска СС). Фон Ляр, оказавшись человеком с чрезмерным воображением и высокомерием, сразу же восстановил против себя, и без того относившихся отрицательно к немцам, казаков нашего дивизиона. Сразу же начались трения между ним и казачьими офицерами.

Однажды, но приказанию командира взвода, я проводил во взводе занятия по конной подготовке. Занятия, как обычно в нашем полку, проводились по-русски. Явившийся фон Ляр высокомерным тоном приказал мне подавать команды по-немецки. Я исполнил его приказание. Получилась сразу неразбериха. Казаки, которые не знали немецких команд, остановились в недоумении. Я доложил Ляру, что казаки-кононовцы не знают немецких команд и что только часть казаков нашего взвода понимает по-немецки. Несмотря на мой доклад фон Ляр приказал подавать команды по-немецки, а тем, кто не понимает, учиться их понимать.

Явившийся после фон Ляра «Дедушка-майор» услышав, что я подаю команды по-немецки, удивленно выпучив глаза, повышенным тоном с негодованием спросил: «Эта что за

болтовня здесь происходит!?»

Я доложил, что командир дивизиона, ротмистр фон Ляр, приказал подавать команды по-немецки. Взбешенный «Дедушка-майор», пришпорив коня, помчался в штаб полка. В штабе начались бесполезные разговоры и споры: фон Ляр не знал ни слова по-русски, казаки-кононовцы не понимали и не хотели понимать по-немецки и переливание из пустого в порожнее ни к чему не приводило. Оставалось только или уволить с должностей всех казачьих офицеров и под-офицеров нашего дивизиона или же уволить фон Ляра.

Очевидно командование дивизии имело приказ держать хотя бы одного немецкого офицера в кононовском полку и не могло уволить фон Ляра, а уволить казачьих офицеров и под-офицеров не решалось, опасаясь повторного «бунта» кононовцев.

Фон Ляр, раздраженный нашей непокорностью, продолжал усложнять положение. Особенно он почему-то взъелся на нашу сотню. Однажды командир нашей сотни, сотник Шикула, собрался провести конные занятия с младшими командирами сотни. Оседлав лошадей, мы готовы были тронуться к манежу. Как вдруг из-за конюшни вывернулся фон Ляр. Ни с того, ни с сего он набросился на готовившегося сесть на коня Шикулу. Извергая страшные ругательства он стал обвинять Шикулу в том, что яко-бы в нашей сотне творится беспорядок и что он теперь знает почему командир полка его постоянно ругает. Бывший при нем переводчик поспешно переводил.

Вытянувшись, побелев от негодования и обиды, Шикула молча выслушивал отвратительную лающую речь фон Ляра. Эта сцена происходила в присутствии всей сотни, т. к. сотня в это время находилась на уборке лошадей. Общеизвестно, что ни в какой армии ни один офицер не имеет права кричать на своего подчиненного офицера в присутствии его солдат, т. к. это подрывает авторитет и мораль любого командира и способствует разложению дисциплины в армии.

Естественно, фон Ляр это знал. Своим же поведением он показывал свою ненависть к казачьим офицерам и вообще к русским.

Оскорбленные таким отвратительным поведением этого зазнавшегося немца, казака с притаенным гневом и ненавистью молча смотрели на происходящую картину.

Будучи от природы очень чувствительным и вспыльчивым я особенно остро ощущал всякое малейшее национальное оскорбление. В этот момент у меня судорожно задергались руки, неудержимо захотелось рубануть немца по голове казачьей шашкой, развалить пополам этого аристократа по званию, а на

самом деле глупца и невежу по существу.

Накричавшись вдоволь, фон Ляр, задрав голову, пошел прочь. По его виду можно было определить, что его самомнение не имеет границ.

Крайне оскорбленный Шикула отменил занятие и отправился к командиру полка с просьбой немедленно перевести его во второй дивизион, где командиром был казачий офицер, в противном случае он отказывается служить и готов отправиться в лагерь военнопленных. Кононов, понимая душевное состояние Шикулы, сразу же удовлетворил его просьбу и перевел его в штаб полка. После этого случая Кононов, вызвав фон Ляра, сделал ему хорошую взбучку, сказав, что если он его и ругает, то не в присутствии подчиненных ему офицеров и казаков, а поэтому, согласно существующей субординации, приказывает ему в необходимых случаях действовать таким-же образом.

Ясно, что у такого немца, каким был ротмистр фон Ляр, наставления Кононова, хотя они были и справедливы, вызвали лишь еще большую ненависть к русским, нежели у казачьего офицера сотника Шнкулы к немцам. Можно себе представить, как он был оскорблен тем положением, что какой-то казачий офицер (конечно, унтерменш в его понимании) смеет его, немца, аристократа, поучать и ему приказывать.

В таких невероятно трудных условиях формировалась Первая Казачья дивизия. Однако, природная казачья способность к военной службе и, надобно сказать, прекрасные военные знания, какими обладали немецкие офицеры, несмотря на абсолютное взаимное непонимание, способствовали тому, что дивизия уже к началу сентября 1943 г., успешно окончив подготовку, была готова для использования ее в действующей армии.

2-го сентября командир дивизии ген. фон Панвиц вызвал к себе командиров бригад, полков и дивизионов. В присутствии начальника Главного Управления казачьих Войск ген. П. Н. Краснова состоялось собрание старших офицеров дивизии.

Панвиц, выразив благодарность собравшимся старшим офицерам дивизии за их работу, сказал следующее: «Дивизия успешно овладела всеми необходимыми знаниями. Учебу можно считать оконченной. Примерно в конце этого месяца мы будем отправлены на Западный Вал — во Францию, где ожидается высадка англо-американцев. К этому мы должны быть все готовы». Затем Панвиц дал ряд соответствующих указаний. Окончив указания Панвиц спросил присутствующих офицеров, есть ли у кого какие вопросы. Немецкие офицеры ответили: «Бефель ист бефель» (приказ есть приказ).

Краснов, Кононов и другие казачьи офицеры сидели

подавленные и угрюмые. Панвиц и другие немецкие офицеры обратили внимание на Кононова, ставшего чернее ночи.

«У Вас, господин подполковник, может есть вопросы?» — спросил Панвиц Кононова.

«Вопросов у меня нет, — ответил Кононов, — но я хотел бы просить вашего разрешения сказать несколько слов. Хочу вам, господин генерал, совершение искренне доложить свое личное мнение, а также, я уверен, и мнение всех казачьих офицеров и казаков. Только прошу чтобы мой переводчик доктор Блейзе, в точности перевел все то, что мною будет доложено».

«Прошу», — учтиво сказал Панвиц.

Четко, членораздельно, твердым голосом Кононов сказал следующее:

«Казаки, как и другие народы Советского Союза видят перед собой только одного врага и враг этот — Сталин с его коммунистической системой. Мы — казаки с 1918 года и до настоящего дня всеми способами вели борьбу за освобождение нашего Отечества от преступной власти коммунистических диктаторов.

Мы — казаки — поднялись на борьбу против Сталина сами, без просьбы или предложения на то со стороны немцев или кого-бы то ни было другого. Конечно, мы благодарны вам — немцам за помощь, которую вы нам оказываете и за которую мы после освобождения Отечества от коммунизма не останемся у вас в долгу. Но мы поднялись на борьбу против Сталина, но не против Америки или Англии, которым ни мы, ни они ничего не должны.

Англо-американцы воюют с вами, но не с казаками, это совершенно ясно, поэтому считаю своим долгом доложить, что отправка нас, казаков, на Западный Вал — просто будет политическим преступлением. Я убедительно прошу вас, господин генерал, хлопотать перед немецким главным командованием об отмене этого убийственного для казаков плана отправки нашей дивизии на Западный Вал.

Смею вас также заверить, что казаки не питают никакой вражды к англо-американцам и вести борьбу против них не будут.

Боеспособность нашей дивизии превратится ни во что. Все наши старания и труды вместе с вами положенные на создание нашей дивизии окажутся напрасными.

Прошу вас господин генерал, просить отправить нашу дивизию на Восточный фронт. Если же это окажется невозможным, то прошу вас, меня и мой полк вернуть обратно на Восточный фронт в распоряжение генерала Шенкендорфа у которого я с полком служил раньше. Если и это будет невозможным — прошу меня уволить, ибо я не могу ручаться за

действия моих казаков при столкновении с англо-американцами».

Едва Кононов кончил говорить, поднялся ген. Краснов. Смертельно бледный, дрожащим от гнева и обиды голосом, стал упрекать немцев в недостойном отношении к казакам и требовать отправки казачьей дивизия только на Восточный фронт. Краснов был страшно возмущен тем положением, что немцы, абсолютно не считаясь с его должностью начальника Главного Управления Казачьих Войск, не поставив его даже в известность, бесцеремонно распоряжались казачьими частями, как им только хотелось. Старый казачий Атаман, крайне оскорбленный, стал понимать свое жалкое, ничтожное положение, которое ему пришлось занять в затее немецкого ОКХ.

«Я полностью разделяю точку зрения подполковника Кононова. Казачья дивизия должна драться только против большевиков. Это не мой каприз или подполковника Кононова, но стремление и желание всей казачьей массы. С этим казачьим желанием должно считаться немецкое правительство, ибо оно правильно и справедливо. Со своей стороны я также прошу не отправлять казачью дивизию на Западный фронт. Ее место — борьба против большевиков», — такими словами закончил свою взволнованную речь ген. Краснов.

Присутствующие на этом совещании казачьи офицеры: полковник Кулаков, полковник Березнев, майор Пахомов высказались в том же духе.

С недоумением и даже возмущением большинство присутствующих немецких офицеров слушали вступление казачьих офицеров. Лишь только полковники Вольф, Босс и Вагнер, (т. е. те, которые владели русским языком и которым была понятна вся ситуация) понимали горечь и обиду, высказанную казачьими офицерами. Опустив глаза, они молча слушали. Фон Панвиц, не перебивая речь казачьих офицеров, не проронив ни слова, выслушав всех, сдержанно и спокойно ответил, что он сделает все, что только будет возможным с его стороны. А сейчас просит казачьих офицеров отнестись, к сложившимся обстоятельствам сдержанно и терпеливо. Вероятно очень уж настойчивые хлопоты ген. фон Панвица привели к отмене отправки казачьей дивизии на Западный Вал. Однако, очевидно, в штабе главного немецкого командования шли большие споры и разговоры по этому вопросу, т, к. приказ об отмене, последовал только 20-го сентября. В котором указывалось, что 1-я Казачья дивизия предназначается для борьбы против коммунистических банд на Балканах.

* * *

В середине августа командиром дивизии была одобрена инициатива показать казакам, что из себя представляет немецкая кавалерия. С этой целью была предпринята экскурсия в Германию, в город Люнэбург, где стоял старый традиционный полк немецкой кавалерии. (В этом полку служба была наследственной — отцов сменяла сыны).

Двенадцать человек, отобранных только из нашего полка под-офицеров, во главе с офицером штаба полка сотником Шикулой (бывший командир нашей сотни) стали тщательно готовиться к этой поездке. Все отобранные под-офицеры, за исключением меня, попавшего в эту группу, были бывшее средние командиры Красной Армии чинами не ниже лейтенанта.

Наш новый командир сотни, сменивший сотника Шикулу, немецкий старший лейтенант, оказался очень хорошим человеком (к сожалению не помню его фамилию). Он очень заботился о казаках и полюбил их. Казалось, он больше всех был озабочен этими приготовлениями.

Для отобранных под-офицеров из нашей сотой было приказано выдать новое обмундирование. Он суетился, хлопотал и сам присутствовал при подгонке мундиров в портняжной мастерской. На следующей неделе, мы, — с иголочки одетые, сверкая эфесами выданных нам по этому случаю шашек (шашки были трофейные-советские), алыми донскими лампасами, с заломленными «чертом» донскими папахами, — утренним поездом отправились созерцать достоинства немецкой кавалерии. Экскурсию сопровождал адъютант ротмистра фон Ляра — лейтенант фон Дэр-Вензе.

Этот двадцатилетний немецкий офицер был прямой противоположностью ротмистру фон Ляру. Добродушный и любезный, исключительно симпатичный он с большим уважением и предупредительностью относился к нам и вообще ко всем казакам. Мы платили ему тем-же и наши беседы пересыпались веселыми шутками. Даже сотник Шикула, возненавидевший немцев после случая с ротмистром фон Ляром, стал сомневаться в том, что все немцы «сволочи», как он их окрестил и, улыбаясь лейтенанту фон Дэр-Вензе, охотно вел с ним разговор.

Вскоре мы пересекли границу Германии и на вторые сутки очутились в ее столице. Лейтенант фон Дэр-Вензе водил нас по городу, объяснил и разъяснял нам значение видимого нами и старался показать нам все достопримечательности Берлина.

Придерживая клинки шашек, позванивая шпорами, сопровождаемые бесчисленными любопытными взорами, мы с таким-же любопытством рассматривали видимую нами впервые Германию. В тот же вечер мы двинулись дальше. Кажется на

вторые или третьи сутки, ночью, мы прибыли в Люнэбург. Нам была оказана очень приветливая встреча. Предоставили все удобстве какие только могли быть предоставлены, в военных казармах. На утро после завтрака в под-офицерской столовой мы с интересом рассматривали расположение полка. Лейтенант фон Дэр-Вензе без конца знакомил нас со множеством окруживших нас немецких под-офицеров и офицеров, рассматривавших нас с явным любопытством. Несколько дней подряд мы наблюдали все занятия. Надобно сказать, что чистота и порядок в казармах были идеальными. Вечером мы отправлялись в город и везде были с любопытством доброжелательно встречаемы. Вероятно немецкая пропаганда расписывала казаков, как друзей немцев, и они в силу своей врожденной дисциплинированности принимали нас как друзей, как бы исполняя приказ власти: «Бефель — ист бефель» — таков уж немецкий народ.

В одно из воскресений произошел такой замечательный случай. Гуляя по городу, мы забрели на его окраину, где находилась фабрика бисквитов. На улице возле фабрики множество русских девушек окружили нас и дивясь и радуясь, с любопытством стали на перебой забрасывать нас вопросами.

Обрадованные мы пожимали им руки и завели с ними дружеский разговор. Из разговора мы узнали, что они, так называемые, остовки. Бедно одетые, морально подавленные и невесело выглядевшие, но такие бесконечно нам родные и близкие, — русские девушки, с наболевшей в душе горечью и обидой стали вам рассказывать о том ужасном положении, в котором они оказались, привезенные на работу в Германию.

«Как собаки живем, да где там — хуже того, — говорила одна с искаженным от обиды и злости лицом, — Как заключенные какие-то! Смотрите, вот «Ост» на грудь нам нацепили, с этим «орденом» ни на поезд, ни в трамвай не сядешь, гонят нас всюду немцы, как собак бешеных».

«Проклятущие немцы нас за людей не считают» — вторили ей на перебой другие девушки.

«А где же вы живете?» — спросил я их.

«Да вот тут-же, в этой тюрьме», — отвечала одна из девушек, указывая глазами на второй этаж бисквитной фабрики.

«А, ну-ка, пойдемте посмотрим в каких «хоромах» вы тут живете» — неожиданно предложил урядник Сокол (Сокол — лейтенант артиллерист Красной армии).

«Что вы!.. Что вы!.. — запротестовали девушки в один голос. — Туда и близко не разрешается подходить посторонним, да нас потом живыми съедят, за то, что мы вас приведем».

«Не бойтесь, девчата. Мы пойдем первые, а вы потом

подойдете, вроде как невзначай», — предложил урядник Бурьян. (Бурьян — лейтенант казачьей дивизии Красной армии).

Сговорившись с девушками мы смело двинулись к их «хоромам». Войдя в помещение, мы увидели других девушек. Они, увидев нас, застыли в недоумении от такого нежданного и негаданного явления, молчали и таращили на нас глаза.

«Здравствуйте, девчата!» — громко и дружно поздоровались мы.

«Здравствуйте». — тихо и нерешительно, озираясь по сторонам, ответили девушки.

В это время в комнату гурьбой ввалились девушки, с которыми мы познакомились на улице и принялись весело и шумно объяснять наше неожиданное появление.

В это время, откуда ни возмись, явилась начальница общежития — немка. Крайне удивленная, с недоумением и испугом она смотрела на нас, не зная за кого нас принимать — то ли за людей, которых немедленно нужно выгнать, то ли за начальство, которое нужно бояться.

Сбитая с толку нашей необыкновенной формой (которую ей, наверняка, никогда в жизни не приходилось видеть), видя, как уверенно и непринужденно мы себя держим, она все-таки приняла нас за какое-то неведомое ей начальство и любезно улыбаясь, сама принялась показывать нам все достопримечательности помещения — «тюрьмы», как назвали его девушки.

«Вот тут мастерская для девушек, есть швейные машины, они могут, при желании, сами себе шить», — открывая дверь в соседнюю комнату скороговоркой и с легким испугом и волнением, говорила она. (Надо сказать, что все комнаты были чисто к опрятно убраны).

Смекнув, что немка принимает нас за начальство, вроде за какую-то инспекцию, мы умышленно принялись разыгрывать роль таковой.

Урядник Сокол, напыжившись, изображая из себя старшего начальника, демонстративно покручивая усы, начальствующим тоном говорит мне:

«А ну-ка, спроси ее чем рабочих тут кормят, сколько граммов мяса получают они на день?»

Я, разыгрывая роль переводчика, спрашиваю немку, говорю, дескать, наш начальник хочет знать то-то и то-то.

Испуганная немка спешит сказать, что всего получают в достатке и рабочие сыты и довольны.

«Брешет она, за-ра-за, немкиня проклятая!» — боязливо, в пол-голоса, с ненавистью, украдкой бросая взоры на свою

начальницу, восклицали девушки. «Живем впроголодь, работаем, как проклятые, а обращаются с нами, как с тварями — вот она— наша жизнь!»

Немка, конечно, не понимала, что говорили нам по-русски девушки и продолжала расхваливать жизнь остовок.

Наконец нам надоело разыгрывать комедию и мы поблагодарили немку-начальницу и вышли из помещения. Девушки гурьбой хлынули нас провожать.

«Вот холоду-то вы нагнали нашей немкине, она ведь здорово передрейфила, приняла вас не иначе, как за ревизию. Они, немцы, страсть как боятся всякого начальства», — провожая нас говорили, давясь от смеха, наши новые знаковые. Отойдя немного от фабрики они остановились сказав, что дальше им идти не разрешается и просили нас приходить к ним повидаться хотя-бы раз в неделю. Тронутые доверчивостью и ласковым приемом, мы сердечно благодарим их, пожимая им руки и обещали во что-бы то ни стало в следующее же воскресенье снова с ними встретиться. Одна девушка, очень хорошенькая и кокетливая, черноглазая смуглянка, лет семнадцати, с симпатичными ямочками на щечках, задорно подойдя ко мне, сняла с меня папаху и нежно прижав ее к своей щеке, прищурив глаза и дрожа пушистыми длинными ресницами, с любовью сказала: «Наша, — русская шапка» — и поцеловала казачий серебряный галун. Вахмистр Давыдов, подойдя к девушке, наклонясь поцеловал ее шелковистые локоны.

«Как зовут тебя, красавица» — спросил он.

«Шура Можарова», — блестя глазами, очаровательно улыбаясь, ответила девушка.

Распрощавшись с девушками мы долго еще оглядывались на них, на наших русских девушек, махавших нам платочками.

Позванивая шпорами, солдатским ровным шагом долго молча шагали мы по чистому и красивому, но чужому городу. Души наши наполнились неописуемый чувством. Проносились, наталкиваясь одна на другую, печальные мысли.

Придя в казармы мы узнали, что из полиции уже звонили с заявлением, что приехавшие гости-казаки занимаются безобразием. Как видно немка-начальница, после нашего ухода, незамедлила справиться в полиции, что мы за люди. Можно себе представить ее негодование, когда она узнала, что мы вовсе не начальство.

Лейтенант фон Дэр-Вензе просил нас больше подобных штук не устраивать, если мы не хотим наделать ему неприятностей.

На другой день мы были приглашены наблюдать действия полка на полевом учении. Каждый из нас был прикреплен к

одному из взводов в роли наблюдателя. Конский состав в полку состоял из лошадей породы «Тракена». Это были рослые, красивые животные, но к сожалению, очень мало поворотливые. Помню, взобравшись на одного из таких «великанов», я почувствовал себя вроде как-бы сидящим на танке. Это была не то что казачья лошадка — гибкая и чувствительная, сливавшаяся в одно целое с всадником. На учении мы убедились, что действия немецкой кавалерии в бою мало чем были похожи на действия казачьей конницы.

Исполнение всех маневров было механическим, без «души», инициативы, как у заводных солдатиков, тогда как казачьи действия в бою лишены всякого шаблона, насыщены большой разумной инициативой, как рядового, так и командира и определяются сложившейся боевой обстановкой и поэтому всегда неожиданны для противника. После наблюдений за действиями полка, мы все пришли к убеждению, что мы советовали бы немецкой кавалерии в бой с казачьей конницей не вступать. Конечно, мы не хотели обидеть немцев-кавалеристов и на вопросы: «Ну, как?», мы отвечали похвалой. К тому же мы были уверены, что все равно они ни за что не поймут нашего различного с ними понятия о действиях конницы. После окончания учения его участники собрались на большом лугу, где был устроен привал. Мы были приглашены а центр расположившихся на отдых эскадронов. Подошедшие к нам немецкие офицеры и под-офицеры предложили нам по чарке немецкого шнапса за честь всех хороших солдат, какие есть на свете.

«Немецкий народ уважает всех хороших солдат, всех национальностей и особенно таких, какими являются казаки. Казаки уже давно были очень хорошо знакомы немцам, как достойные в бою противники, теперь-же мы — немцы рады видеть казаков, как своих достойных боевых товарищей!» — громко и торжественно, подняв высоко перед собой стакан, сказал один пожилой, с седеющей головой, немецкий офицер.

Сотник Шикула ответил немцам, что немецкие солдаты действительно показали себя, как достойные боевые товарищи, и чем казаки неоднократно убедились в совместных боевых действиях в течении трех лет на фронте.

О поведении нацистов по отношению к народам СССР Шикула умолчал, да и к чему было говорить, когда немецкие солдаты и офицеры сами были вольными и невольными рабами бредовой политики нацизма.

В дружной и веселой беседе с немцами у нас стиралось национальное враждебное чувство к ним и хотелось всегда видеть

вот именно таких немцев — дружелюбных, прекрасных солдат-товарищей.

«Проклятый Гитлер, — думалось, — зачем он испортил такой хороший народ».

После привала мы двинулись домой, в казармы. Ехал я рядом с одним немецким вахмистром и вел с ним оживленный разговор. Он побывал на Восточном фронте и рассказывал мне обо всем им пережитом. Не доезжая до города, по колонне передали команду: — «Казаков просят в голову». Как потом мы узнали, командир полка, обращаясь к сотнику Шикуле, сказал: «Мы будем проходить через город. Я хотел-бы, что-бы казаки были а голове, как наши почетные гости». Сотник Шикула охотно согласился и вызвал нас в голову колонны. Проходя через город нам вздумалось спеть.

«Господин сотник, разрешите нам спеть», — попросили мы Шикулу.

«Зачем? Хотите чтобы глазели на вас больше?» — повернувшись спросил Шикула.

«Да хрен с ними, пускай глазеют, пускай знают, что казаки никогда не унывают!» — сказал всегда веселый и жизнерадостный урядник Бурьян.

«Валяйте!» — махнул рукой Шикула.

«Ой, на горе цыгане стояли.

Стояла, думала цыганочка молода.

Ой, сад виноград, зеленая роща.

Ой, кто-ж виноват — жена или теща?

Теща ви-но-ва-та-я!»

С гиком и присвистом пели мы залихватскую казачью песню.

Наверняка, никогда раньше невиданное зрелище представляла эта картина в немецком городе Люнэбурге. Жители таращили на нас глаза и долго сопровождали колонну удивленными взглядами. И действительно было чему удивляться: — тринадцать человек русских «унтерменшей» возглавляли целый полк сверхчеловеков-арийцев.

Быть может для тех немцев, которые были болезненно заражены нацизмом, подобная картина была оскорбительной и унизительной, однако, для немецкого офицера, очевидно не страдавшего этим пороком, пожелавшего, чтобы казаки ехали впереди немецкого полка, как почетные гости, это было не унижением, а честью.

За оставшиеся проведенные дни в Люнэбурге мы посетили немецкую католическую церковь.

В одном из воинских ресторанов города нам был устроен очень гостеприимней обед, как казачьим конникам — почетным

гостям традиционного полка немецкой кавалерии.

С чувством дружелюбии и уважения к немцам кавалеристам, мы скоро оставили их казармы и послеполуденным поездом двинулись в обратный путь.

На одной из станций лейтенант фон Дэр-Вензе сказал мне, что он хочет заехать к себе домой, в имение его родителей, где-то возле города Ганновера. К тому-же он хочет взять с собой двух казаков, о чем он телеграфировал командиру дивизиона ротмистру фон Ляру и тот дал разрешение.

«Я приглашаю вас и урядника Сокола: милости прошу ко мне в гости», — как всегда любезно улыбаясь, сказал лейтенант фон Дэр-Вензе.

Мы согласились.

Распрощавшись с казаками мы пересели в другой поезд. Вскоре нам пришлось увидеть живописное имение с зелеными парками и рощами и небольшой, протекающей через него, речушкой.

Мать, двое младших братьев и другие родственники фон Дэр-Вензе приняли нас очень радушно. За три дня, проведенные в гостях, нам пришлось спать в белоснежных постелях, каких нам уже давно не приводилось видеть. Нас угощали вкусными, по-домашнему приготовленными, блюдами. Мы гуляли по сосновым рощам, охотились на белок, катались на лодке и вели веселые дружеские беседы. И все это в сопровождении нашего лейтенанта фон Дэр-Вензе, его родных и близко знакомых друзей. Находись среди этих гостеприимных и весьма интеллигентных людей можно было думать, что никакого нацизма вообще в Германии нет. Мы еще раз воочию убедились в том, что не все немцы, несмотря на старания Гитлера, оказались подверженными противочеловеческой идеологии — нацизму.

Вернувшись в дивизию мы охотно рассказывали казанам обо всем виденном нами в Германии — об отношении к нам немецких кавалеристов, о приветствиях и почестях, оказанных нам, о гостеприимстве немецкого населения при встречах с нами и т. п.

«Да, есть немцы хорошие люди, особенно их много среди солдат-фронтовиков, которые побывали в России, да, вот «Атаман» их (Гитлер) все дело портит» — поговаривали с сожалением многие казаки.

Вернувшись в Млаву нам уже не пришлось там долго быть.

22-го сентября 1943 года дивизия приняла присягу, а 29-го первые эшелоны с частями Первой Казачьей дивизии тронулись на Балканы.

КОНЕЦ I ТОМА

СОДЕРЖАНИЕ II ТОМА

1. Политическая и военная обстановка на Балканах осенью 1943 г.

2. Прибытие 1-ой каз. дивизии на Балканы и первые стычки с титовцами. Разгром титовских войск в Словении и Боснии. Вражда с усташами.

3. Генерал Драже Михайлович и его герои четники — друзья казаков. Встреча Кононова с ген. Михайловичем. Снова поход в Словению и снова славные победы Кононовцев. Награждение Кононова железным крестом 2 и 1 классов и рыцарским крестом.

4. Старые каз. генералы — эмигранты в гостях у кононовцев. Их отзывы о Белом Движении и их отношение к Освободительному Движению Народов России. Донской Атаман ген. Татаркии о ген. А. А. Власове. Его мысли и наставление казакам.

5. Главнокомандующий Восточными Добровольческими войсками ген. Кестринг в гостях у Кононовцев.

6. Ген. Шкуро снова у Кононовцев.

7. Белые вожди о причинах гибели Белого Движения. Два различных мировоззрения — эмигрантов и людей из СССР. Здравомыслящая часть русской эмиграции. Белые орлы — Русский Охранный Корпус.

8. Волнение среди казаков и их требования к немцам. Развертывание 1-й каз. дивизии в 15 каз. корпус.

9. Терский Походный Атаман, полковник Кулаков соратник Кононова.

10. Встреча Кононова с ген. А. А. Власовым и другими руководителями Освободительного Движения в Берлине. Их планы совместных действий.

11. Пропагандисты Добендорфа посещают 15 каз. корпус. Казаки кононовцы — Власовские пропагандисты.

12. Положение на Восточном фронте в начале осени 1944 г. Марш 15 каз. корпуса к Восточному фронту на рубеж Ворождин, Копривница, Вирье. Тяжелые бои, разгром титовских войск и вновь марш навстречу советским войскам. Иллюстрации и ряд фотокопий исторических документов.

notes

Примечания

1

«Воля Народа» — № 2 — Суббота, 18 ноября 1944 г. стр. 5

2

Из всех крестьянско-казачьих восстаний в России особенно характерным является Булавинское восстание, вспыхнувшее в 1707 г., в годы царствования Петра 1-го — Великого. В эти годы тяжелых изнуряющих войн, которые Петр Первый вел беспрерывно и которые требовали больших жертв от народа и принуждали царя к усилению крепостничества и увеличение налогового гнета, — появилось особенно много беженцев-крестьян и рабочего люда на все еще вольном казацком Дону. Скопление беглых народных масс в верховьях Дона и на низовьях Волги, серьезно обеспокоило и заставило срочно принять строгие меры против них феодалов-крепостников, ибо масса озлобленного беглого народа, ознакомившегося на Дону со свободой, по первому призыву могла броситься на расправу со своими прежними хозяевами — угнетателями-феодалами

На все строгие указы царского правительства вернуть беглых и угрозы Донскому правительству о наказании — следовал гордый казачий традиционный ответ — «С Дону выдачи нет».

В 1707 г. по коварному замыслу царского правительства была сделана попытка переписать беглых, живущих на территории Войска Донского. Осенью того-же года Петр Первый посылает на Дон карательный отряд под командованием князя Юрия Долгорукого с заданием переписать и вернуть силой всех беглецов, «не щадя ни женского пола, ни детей». Жестокий от природы князь Юрий Долгорукий, ловя и избивая беглецов, на первых порах успел захватить и насильно выслать три тысячи беглых. Это грубое и коварное предприятие царского правительства возмутило Тихий Дон. Перед казаками стал вопрос: выдать беженцев, приютившихся на Дону, или вступить в войну с царскими войсками, требовавшими немедленной выдачи беглых.

Воевать против огромных царских войск сравнительно малочисленному Войску Донскому было безнадежно, т. к. вело к безусловному жестокому поражению. Но выдать беженцев и, тем самым, осквернить основной принцип свободы, на котором зиждилось и создалось Войско Донские, было немыслимо. Исходя из этих благородных рыцарских чувств, казаки вступили в бой с насильниками и поработителями. Донские казаки во главе с одним из казачьих старшин, Кондратием Афанасьевичем Булавиным, напали на царский карательный отряд, разгромили его полностью и убили князя Юрия Долгорукого. Этим было положено начало восстанию на Дону, которое сразу-же стихийно

охватило все Придонье, Поволжье и Слободскую Украину. На востоке восстали башкиры и татары. Восстание также охватило Приуралье и распространилось почти на все уезды страны. Восстание разгорелось огромным костром, разбросавшим искры по всей Руси. Царское правительство немедленно решило уничтожить центр этого восстания — казацкий Дон, который являлся духовным вдохновителем народных масс, поднявшихся на борьбу за свою свободу.

В 1708 на Дон была направлена тридцати тысячная карательная армия, под командованием князя Василия Долгорукого, — брата убитого булавинцами, Юрия Долгорукого. По-тому времени 30-ти тысячная армия была огромной силой, но восставшие дрались не на жизнь, а на смерть и неизвестно какая-бы участь постигла царскую карательную армию, если бы не измена и предательство прежних сообщников Булавина в лице казачьих старшин — Ильи Вершикова, Соколова и других. Предательски окруженный вождь восстания, Кондрат Булавин, героически отбиваясь от наседавших на него предателей в последний момент пустил себе пулю в висок. Бывшая при нем и сражавшаяся наравне с отцом дочь атамана, Галина Булавина, покончила с собой, вонзив в сердце кинжал. Однако гибель вождя не сразу угасила центр крестьянско-казачьего восстания и борьба еще долго продолжалась после его гибели, но Атаманы Булавина — Никита Голый, Семен Драный, Игнат Некрасов, Павлов и другие, действовали без общего плана и не обладали достаточной политической и военной подготовкой, в результате чего и были разбиты царскими войсками.

Разрозненные крестьянские восстания в других уездах страны, после гибели главного очага, вскоре постигла та же участь. Карательная армия князя Долгорукого смела с лица земли 44 казачьих городка, т. е. почти все заселение верхнего течения Дона. Десятки тысяч беглых крестьян были возвращены рабовладельцам-помещикам. Обезображен был Тихий Дон — очаг народной свободы. Обезображенный и покоренный казацкий Дон навеки потерял свое республиканство. Дорого обошлось казакам сохранение их основного демократического принципа — «С Дону выдачи нет». Многие тысячи казаков пали на поле боя, многие были казнены после подавления восстания, многие были отправлены, наравне с беглыми крестьянами, в рабство к помещикам. Часть казаков во главе с Атаманом Некрасовым ушло в эмиграцию и Турцию.

После подавления Булавинского восстания царская власть, прежде всего, покончила с Войсковым Кругом, собирать его было запрещено. Войсковые Атаманы больше не избирались и Донская

республика лишившаяся самостоятельного решения политических и других проблем государственного значения была превращена в колонию. Оставлены были возможности только избирать хуторских, станичных и окружных атаманов, которые непосредственно подчинялись царскому наместнику-губернатору получившему название наказного Атамана. Последние, как правило назначались не из казаков. Наказные Атаманы исполняли директивы царской власти и Войско Донское стало со временем послушным орудием последней. Таким образом с казачьей вольницей было покончено. Царская власть принялась старательно и планомерно, где силой, где хитростью, а где и лаской перековывать казачество на нужный ей лад. Используя религию и патриотизм казаков царская власть очень умело превратила казачество в ретивого защитника своей власти.

Народ видевший раньше в казаке носителя свободы и справедливости, стал видеть в казаке носителя царской диктаторской власти, оружием и нагайкой подавляющего все народные восстание против этой власти.

Однако в 1917 году в Февральскую революцию казачество отказалось защищать царскую власть и вновь стало на свой исконной исторический путь единогласно проголосовав за республику.

Красные цари вооружившись религией Маркса — повели обманутый, простой и доверчивый русский народ в бой против вновь засиявшего очага народной свободы — казачьего Дона. Обманутый русский народ своими руками уничтожил колыбель своей же Всероссийской свободы. Донская казачья республика погибла в братоубийственной гражданской войне в России. Такова истина трагедии Народов России.

З

Войсковой Круг — Законодательный государственный орган у Донского казачества, т. е. парламент. У Кубанского казачества то же значение имеет Рада.

4

Зная о ненависти народов СССР к белогвардейцам и вообще ко всему господствующему классу бывшей царской России часть которого в революцию 1917-20 г.г. сумела уйти за границу, Сталин умышленно клеймил всех советских командиров, ставших на путь открытой вооруженной борьбы против его власти, белогвардейцами-эмигрантами. Дескать, смотрите, с немцами идут бывшие ваши хозяева, те которых вы в революцию вырезывали поголовно, те у которых вы отняли все и вся и выбросили за границу, смотрите-же, они вам при помощи немцев воздадут по заслугам. Такое запугивание, конечно, имело основание, но народ хорошо знал, кто поистине является организатором борьбы против Сталина и запугивания белогвардейцами не имели успеха.